

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2024'1

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
М.И. Строкова, М.А. Шпак

Журнальная верстка:

ООО “Верди”

Верстка web-страниц:

Е.А. Клюева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Marina Strokova, Maria Shpak

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, заведующий научно-издательским отделом ИМЭМО РАН, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Харитонов Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза Центра европейских исследований

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of IMEMO

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskii, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific and Publishing Department, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Sciences

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector of the EU Studies, Center for European Studies, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН (Россия)

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтун Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the RAS, Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS (Russia)

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D. (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер 10

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

**Создано в ИМЭМО: действенный инструмент для оперативного расчета морской
 мощности (интервью с главным редактором журнала)**
 Поливач А.П., Гудев П.А. 13

**Эволюция приоритизации военной помощи США при администрациях
 Трампа и Байдена**
 Андреев К.М. 23

**Борьба за “ледяную Африку”? Гренландия между колониальным прошлым,
 интересами США и стратегической автономией ЕС**
 Белухин Н.Е. 39

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Зарубежные альтернативы евразийству как потенциальный вызов для России
 Фененко А.В. 52

POST FACTUM

Новые и старые герои истории: государства в поисках идентичности
 Карамеев С.Г., Ломова А.А., Ширгазина Э.Р. (составление) 69

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue 10

GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

**Made in IMEMO: An Efficient Instrument for Quick Assessment of Sea Power
(An Interview with the Journal’s Editor-in-Chief)**
Polivach A.P., Gudev P.A.13

Evolution of U.S. Military Aid Priorities under Trump and Biden Administrations
Andreev K.M.13

**A Fight for ‘The Icy Africa’? Greenland Caught Between the Colonial Past,
the U.S. Arctic Interests and the EU Strategic Autonomy**
Belukhin N.E.39

THEORY AND METHODOLOGY

Foreign Alternatives to Eurasianism as a Potential Challenge for Russia
Fenenko A.V.52

POST FACTUM

Old and New Heroes of History: Nation-States in Quest for Identity
Karamaev S.G., Lomova A.A., Shirgazina E.R. (compil.)69

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию первый в 2024 г. выпуск нашего журнала (обратите внимание на новый цвет выпусков 2024 г.).

В этом выпуске три рубрики – **“Глобальная и региональная безопасность”**, **“Теория и методология”** и **Post Factum**. В фокусе внимания авторов – проблемы и возможности количественной оценки морской мощи стран мира и опыт составления международного рейтингового исследования в данной сфере; политика помощи как один из важных инструментов внешней политики Соединенных Штатов Америки в контексте борьбы за глобальное лидерство и правила ее приоритизации; задачи и инструменты внешнеполитического позиционирования Гренландии в представлениях и риторике современной гренландской элиты; проблемы генезиса и эволюции политических теорий Великобритании, Германии и США, выступающих своеобразной альтернативой российскому евразийству; обзор научной конференции **“Новые и старые герои истории: государства в поисках идентичности”**, организованной Центром Индоокеанского региона ИМЭМО РАН.

Рубрику **“Глобальная и региональная безопасность”** открывает интервью главного редактора журнала с кандидатом экономических наук, ведущим научным сотрудником сектора международных валютно-финансовых операций отдела глобальных экономических проблем и внешнеторговой политики ИМЭМО РАН Александром Петровичем Поливачом и кандидатом исторических наук, руководителем Группы исследований политики США и Канады в Мировом океане Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН Павлом Андреевичем Гудевым. Журнал долгое время не использовал жанр интервью и вернулся к нему, чтобы познакомиться поближе с одним из проектов ИМЭМО РАН, а именно: системой индексов для сравнительной оценки морского потенциала 100 стран (морской мощи, морских ресурсов, морских сил и средств, морской деятельности, военно-морского флота).

А.П. Поливач и П.А. Гудев разработали методику международного рейтингового исследования морской мощи совокупного морского потенциала стран мира и ежегодно, вот уже несколько лет, рассчитывают Индекс морской мощи и публикуют результаты своего исследования на сайте ИМЭМО РАН. Все индексы рассчитываются по состоянию на 1 января и публикуются в ежегодном докладе **“Морские державы: индексы ИМЭМО РАН”** в июне месяце в предварительной версии. В окончательной версии (2.0) данные индексы публикуются ежегодно в декабре.

В интервью авторы методики рассказали о том, как сложился их творческий союз, как они пришли к идее начать совместный исследовательский проект, что понимают под термином **“морская мощь”**, о методологии и объективности своего международного рейтингового исследования, о подборе необходимых статистических материалов в открытом доступе для сравнительной оценки почти 100 стран мира – совокупной и по различным параметрам, о соотношении военных и невоенных компонентов так называемой морской мощи.

Две другие статьи рубрики подготовлены молодыми исследователями.

Автор статьи **“Эволюция приоритизации военной помощи США при администрациях Трампа и Байдена”** – аспирант Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям Национального исследовательского университета **“Высшая школа экономики”** Кирилл Михайлович Андреев. В фокусе его внимания – правила приоритизации такого рода помощи и возможная эволюция сложившейся практики в последние годы в зависимости от стремительно меняющейся международной среды и, возможно, партийно-идеологической принадлежности

действующей администрации США. Были исследованы механизмы финансирования военной помощи и зависимость от них сроков поставок оружия и оборудования, использование инициатив и фондов в целях аккумуляции средств для осуществления политики помощи какой-то определенной стране. При этом особый акцент был сделан на анализе американской военной помощи Украине в период 2022–2023 гг. Автор изучил динамику ее предоставления в зависимости от целей США и военной обстановки в мире, а также способы оказания такой поддержки, инструменты и программы ее осуществления, и показал как посредством передачи оружия и военной техники американская администрация пытается управлять данным вооруженным конфликтом в собственных интересах.

Никита Евгеньевич Белухин, аспирант, младший научный сотрудник отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН, – один из постоянных авторов журнала. Тема его статьи – «Борьба за “ледяную Африку”? Гренландия между колониальным прошлым, интересами США и стратегической автономией ЕС». Автор внимательно проанализировал ключевые для Гренландии внутривнутриполитические события периода 2019–2023 гг. с точки зрения отношений этой автономной территории Дании с центром в более широком контексте проекта стратегической автономии Европейского союза, государством-членом которого является Дания, а также интереса к Гренландии как к арктической территории Дании со стороны Соединенных Штатов и Китая.

Н.Е. Белухин изучает властный дискурс местных политических элит Гренландии, который успешно оперирует понятиями так называемых колониальных травм прошлого, сравнивает опыт автономизации Гренландии и Фарерских островов, выявляет общие подходы и разногласия местных политических партий и этнических сообществ по вопросу стратегии развития автономии и возможной независимости Гренландии. Автор ставит и исследует вопросы о внешнеполитическом будущем Гренландии, о потенциале парадипломатии этой автономной территории датского государства, о внешнеполитических амбициях местных элит и соответственно позиции центральных властей королевства, для которых сущностным является вопрос о том, насколько обоснованы растущие расходы государственного бюджета на развитие Гренландии с точки зрения стратегической ценности последней в долгосрочной перспективе.

Рубрика **“Теория и методология”** представлена статьей доктора политических наук, профессора кафедры международной безопасности факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Алексея Валериевича Фененко на тему “Зарубежные альтернативы евразийству как потенциальный вызов для России”.

Автор рассуждает об идеологии евразийства как некоем “идеальном типе” с набором базовых понятий, которые разделяют в той или иной форме все авторы, относящие себя к этому направлению историко-философской и политической мысли, и предпринимает попытку изучить и сравнить страновые варианты евразийства, рассматривая в первую очередь их политические мотивацию и целеполагание, а также ключевые идеологемы. Это русское евразийство и три варианта зарубежного – британский, германский и американский. Возникшие в разное время вариации зарубежного (квази)евразийства не были дружественны евразийству русскому: все указанные политико-идеологические проекты рождались через противостояние с Россией.

А.В. Фененко уверен, что квазиевразийские проекты не ушли в прошлое, не превратились исключительно в достояние истории. Отголоски квазиевразийских идей находят свое отражение в попытках создать альтернативные России евразийские блоки, а также в британских проектах на основе постимперской идентичности.

В рубрике **Post Factum** – обзор материалов прошедшей 8 февраля 2024 г. в ИМЭМО РАН научной конференции “Новые и старые герои истории: государства в поисках идентичности”. Мероприятие было организовано Центром Индоокеанского региона ИМЭМО РАН, отсюда понятен фокус внимания участников мероприятия к проблемам Глобального Юга. В ходе конференции были проанализированы особенности и ключевые

направления политики идентичности различных государств мира, роль и значение конфликта идентичностей в мировой политике, переосмысление наследия прошлого и поиск новых “героев” для современных обществ. Обсуждение было сфокусировано на роли персонификаторов идентичности и исследовании конфликта идентичностей в контексте формирования полицентричного мира.

В конференции приняли участие сотрудники ИМЭМО РАН, Института Африки РАН, Института востоковедения РАН, исследователи, соискатели, аспиранты и магистры Российского государственного гуманитарного университета, Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, МГИМО МИД России. Обзор конференции был подготовлен сотрудниками Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН к.полит.н., научным сотрудником А.А. Ломовой, младшим научным сотрудником Э.Р. Ширгазиной и научным сотрудником Группы региональных политических проблем стран Востока и Юга Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН С.Г. Карамаевым.

*Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала*

**СОЗДАНО В ИМЭМО:
ДЕЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ДЛЯ ОПЕРАТИВНОГО РАСЧЕТА МОРСКОЙ МОЩИ
(ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА)**

ПОЛИВАЧ Александр Петрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора международных валютно-финансовых операций отдела глобальных экономических проблем и внешнеторговой политики.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (apolivach@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-5717-2335

ГУДЕВ Павел Андреевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Группы исследований политики США и Канады в Мировом океане Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (gudev@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2951-6313

Поливач А.П., Гудев П.А. Создано в ИМЭМО: действенный инструмент для оперативного расчета морской мощи (интервью с главным редактором журнала). *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 1, сс. 13-22. DOI: 10.20542/afij-2024-1-13-22

DOI: 10.20542/afij-2024-1-13-22

EDN: FNPWJS

УДК: 327+359+303.4+341.225

Поступила в редакцию 11.03.2024.

После доработки 19.03.2024.

Принята к публикации 10.04.2024.

В интервью главному редактору “Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН” И.Л. Прохоренко авторы ежегодного доклада “Морские державы: индексы ИМЭМО РАН” А.П. Поливач и П.А. Гудев рассказали о том, как возникла идея провести количественную оценку морской мощи 100 стран мира, как разрабатывалась методология расчета индексов, какие особенности морской статистики им приходилось учитывать, какова структура морского потенциала государств в XXI в. и какую роль в ней играют военные и невоенные факторы.

Ключевые слова: морская мощь, морской потенциал, индекс морской мощи, морские ресурсы, морская деятельность, ИМЭМО РАН.

**MADE IN IMEMO: AN EFFICIENT INSTRUMENT FOR QUICK
ASSESSMENT OF SEA POWER
(AN INTERVIEW WITH THE JOURNAL'S EDITOR-IN-CHIEF)**

Received 11.03.2024. Revised 19.03.2024. Accepted 10.04.2024.

Alexander P. POLIVACH (apolivach@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-5717-2335,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Pavel A. GUDEV (gudev@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2951-6313,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

We present an interview with the authors of the annual IMEMO Sea Powers' Rankings – Alexander P. Polivach and Pavel A. Gudev, conducted by the Editor-in-Chief of 'Analysis and Forecasting. IMEMO Journal' – Irina L. Prokhorenko. The interview focuses on how the idea to quantify maritime might of 100 countries occurred to the authors, what specifics of maritime statistics they had to take into account, what is the structure of the maritime potential of countries in the 21st century and what roles are played by military and non-military factors.

Keywords: sea power, maritime potential, the Index of Maritime Might, maritime resources, maritime activities, IMEMO.

About the author:

Alexander P. POLIVACH, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Sector for the International Monetary and Financial Relations, Department of Global Economic Problems and Foreign Economic Policy.

Pavel A. GUDEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of United States and Canadian Ocean Policy Research Group, Center for North American Studies.

Ирина Прохоренко. Александр Петрович и Павел Андреевич, рада, что вы согласились дать интервью нашему журналу! В конце 2023 г. вышел в свет и размещен в открытом доступе на сайте Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук очередной ежегодный Индекс морской мощи, третий по счету, в котором представлены сравнительные оценки совокупного морского потенциала стран мира [1]. Расскажите, как появилась идея провести такое международное рейтинговое исследование, как сложился ваш научный коллектив, ведь вы работаете в ИМЭМО РАН в различных структурных подразделениях, почему в фокусе вашего внимания оказалась морская мощь – ресурсы и инструменты, а также различные аспекты военной, хозяйственной, научной и иной деятельности государств в Мировом океане?

Александр Поливач. Спасибо за проявленный интерес к нашей скромной работе. Поскольку мы все-таки ученые, исследователи, а не литераторы, хотелось бы начать с терминов. На мой взгляд, в последние 20 лет разные авторы совершенно бездумно стали использовать множество английских слов в русском языке, при этом даже не пытаюсь понять, в каком смысле их применяют сами англичане или американцы. Слово "рейтинг" от английского *rating*, как существительное означает "оценка", если глагол (*to rate*), тогда это будет "проводить (давать) оценку". Например, какой у вас рейтинг по физике, то есть какая оценка? Предположим, "пятерка". Далее, исходя из значения слова "рейтинг", в нем нельзя занять никакого места. То есть, если имея "пятерку" по физике, вы в этой дисциплине были, например, третьим учеником, то это уже указание на позицию среди других в некоем списке – по-английски это называется "ренкинг" (*ranking*). Полными синонимами к этому слову у нас традиционно являются: табель о рангах, ранжирование или чисто русский термин, но сейчас его почему-то стесняются – разрядный список. Поэтому популярное ныне словосочетание "рейтинговое исследование", то есть оценочное исследование, согласитесь, звучит двусмысленно. Тогда должно быть и НЕоценочное исследование, а это что такое? Суммируя сказанное: мы рассчитываем рейтинг для каждой страны в баллах, именуемый соответствующим индексом, а затем, согласно полученным ими оценкам, составляем ренкинг стран, или, если хотите, "табель о рангах" морских держав.

Павел Гудев. Кстати, если говорить о чисто морской сфере, то вопрос правильного перевода терминов с английского языка является в ряде случаев ключевым. Например, возьмем *maritime law* и *law of the sea*. Если переводить дословно, то звучит одинаково – "морской закон". Однако в первом случае это действительно может означать "морской закон" и в большей степени ассоциироваться с обычным правом – так называемым международным обычаем, для которого в английском языке тоже есть свой, более узкий

термин *customary law*. В наше время к категории “морского закона” относится внутреннее национальное законодательство, регулирующее различные виды морехозяйственной деятельности (регистрация судов, страхование, обеспечение безопасности судоходства и т.д.). Во втором же случае, говоря о *law of the sea*, речь идет о кодифицированных в рамках международных соглашений (ключевое из них сегодня – Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. – своеобразная “Конституция морей” [2]) нормах и положениях международного морского права, которые призваны наделять государства полномочиями по установлению морских зон суверенитета и юрисдикции, доступу к живым и неживым ресурсам Мирового океана, гарантировать их права в области судоходства через те или иные акватории, включая международные проливы.

И.П. *Очень интересно получается. Все-таки как у вас возникла идея создать концепцию индексов?*

А.П. Что касается генезиса, то я думаю, всякая масштабная концепция зреет постепенно, на протяжении, может быть, даже десятков лет. Какие-то внешние события слегка подталкивают мысль, и затем уже давно сложившаяся концепция обретает четкие контуры, но при этом, кажется, что она была только что придумана. В нашем случае, наверное, первым таким толчком было заявление нашего директора Ф.Г. Войтоловского в 2017 г. о том, что в ИМЭМО необходимо возрождать исследования в морской сфере, которыми наш институт весьма основательно занимался в советское время. Это породило желание создать какой-то морской индекс ИМЭМО. Вторым толчком послужила моя кандидатская диссертация, в ходе подготовки которой я детально изучал различные методологии всесторонней оценки (рейтинга) стран на основе большого числа взаимно несовместимых категорий статистических данных. Например, оценка международной конкурентоспособности стран от Всемирного экономического форума или оценка кредитоспособности страны – пресловутый кредитный рейтинг от известных агентств S&P или Moody's. Тогда же Павел Андреевич выступил с докладом о политико-правовом режиме Мирового океана и в тот момент – “эврика!” – появилась идея, как можно посчитать совокупную морскую мощь стран, и я ему предложил взяться за это дело, поскольку наши компетенции хорошо дополняли друг друга.

И.П. *Насколько мне известно, на тему морской мощи существует много литературы, однако, как мне кажется, какой-то всеохватывающей оценки, да еще по 100 странам раньше никто не делал? С кого вы брали пример?*

А.П. Наша концепция настолько проста по замыслу, что нам тоже периодически кажется, что это уже кто-то давно придумал и подсчитал. Признаюсь честно, мы очень хотели списать методологию у кого-то из известных авторов по тематике морской мощи – Альфреда Мэхена [3], адмирала Горшкова [4] или еще у кого-нибудь. Увы, нас ждало разочарование! Совокупных оценок или хотя бы методологии их проведения нет ни у кого. Даже не у всех из авторов по теме морской мощи есть внятное перечисление компонентов этой самой морской мощи. Типичным для большинства из них является смешение под заголовком “компоненты/элементы”, как собственно составных частей морской мощи, так и факторов, которые влияют на состояние и характер развития морской мощи, но не являются ее компонентами. Например, многие авторы называют морскую политику страны в числе компонентов морской мощи. Тем не менее, мы же не считаем, что экономическая политика является компонентом ВВП страны, хотя от нее непосредственно зависит развитие этого ВВП. Очевидно, что политика – это фактор влияния, а не компонент.

Практически все авторитетные исследователи морской мощи начинают свои труды с утверждения, что морская мощь – это не только военно-морской флот, но и торговый, и рыболовный, и различные другие гражданские составляющие. Однако затем их изложение быстро концентрируется на одних лишь войнах на море, как они происходили, кто какие решения принимал, и почему нужно было поступать по-другому и т.д. То есть, по сути, большинство трудов не столько о том, что есть морская мощь, а о том, как ее использовать.

Но все-таки справедливости ради скажу, что некоторые положения известной работы адмирала Горшкова надуумили нас, как структурировать наши индексы, хотя мы, конечно,

вышли далеко за пределы его мысли. Ну, а в части примеров для нашей математической модели мы ориентировались на различные авторитетные международные рейтинги, о которых я уже говорил.

И.П. *Международные рейтинговые исследования сегодня очень распространены и популярны, они оказываются весьма полезными и для тех, кто принимает политические решения в стремительно меняющемся и все более сложном мире, и для экспертов и ученых, служа подспорьем в их аналитических и научно-исследовательских разработках, они применяются и в бизнесе, и в научно-экспертной работе. Но всем понятна необходимость критического отношения к этим рейтингам и индексам, важность внимательного качественного анализа не только их результатов, а также их информационной базы и методологии.*

П.А. Соглашусь с вами. Сейчас один из самых простых способов для автора как-то продвинуться в медийном пространстве – это составить ренкинг стран мира по какому-нибудь показателю. Ведь практически ничего делать не надо, только найти источник мировой статистики, перевести его в красивую таблицу или график на интернет-странице и уже не тебя оценивают, а ты всех судишь. Но самое сложное это именно собрать эту статистику и тщательно разобраться, насколько она адекватна реалиям.

Возьмем, например, такую, кажется, очевидную область, как площади морских зон суверенитета (внутренние воды, территориальное море, архипелажные зоны) и суверенных прав и юрисдикции (прилежащая и исключительная экономическая зоны) различных стран. Здесь не все так просто: данным от отдельных стран не всегда можно верить, они бывают либо некорректные, либо спекулятивные (данные Википедии, конечно же, мы не берем в расчет). Однако даже профильный ресурс по морским зонам¹ предполагает, что дополнительно необходимо постоянно отслеживать происходящие изменения: те или иные страны могли договориться о разграничении морских пространств в ту или иную пользу, причем как между собой, так и в рамках международных судебных инстанций. Часть таких споров находятся на рассмотрении (вообще средний срок принятия решений по таким искам около пяти-семи лет), а часть из них не признана той или иной стороной (как правило, это беднейшие государства Африки и Латинской Америки). Более того, многие страны до сих пор не могут решиться подать соответствующие иски в международные судебные инстанции, так как прекрасно понимают, что эти решения будут окончательными и обязательными для исполнения с их стороны (например, Греция и Турция в отношении акваторий и островов Эгейского моря и Восточного Средиземноморья).

И.П. *То есть в морской сфере какие-то свои ренкинги стран имеются или вы пионеры в этой области?*

А.П. Если говорить о всеобъемлющей оценке морской мощи стран, “табели о рангах” морских держав, то в этом отношении да, мы пионеры. До нас настолько всесторонних оценок (рейтингов) никто не делал. Если перефразировать известную фразу: “морская мощь, а это сколько будет в граммах?” – то вот так конкретно вопрос раньше никто не ставил.

Однако отдельно, по военно-морским флотам, попытки добиться результата, так сказать “малой кровью”, предпринимаются регулярно. Возьмем, например, известный у нас ресурс *Global Firepower*². Там ежегодно публикуют ренкинг всех стран мира по их совокупной военной мощи (согласно методике авторов ресурса), и в нем есть раздел *Naval Power*. В этом разделе составители просто ранжируют страны по суммарному количеству их военных кораблей. Проблема здесь даже не в том, что все корабли разные – большие и маленькие, с разным вооружением – и их вклад в совокупную военно-морскую мощь страны будет различным. В данных списках общее количество кораблей у каждой страны категорически не совпадает с суммой кораблей по отдельным классам (авианосцы, крейсера и т.д.) у этих же стран. Так, для США указанное ими количество кораблей по классам заметно меньше даже официальной цифры, озвученной Минобороны США. То есть составили ренкинг быстро, а с

¹ *Maritime Boundaries Geodatabase*. Flanders Marine Institute. Available at: <https://www.marineregions.org/> (accessed 03.03.2024).

² *Global Firepower: 2024 Military Strength Ranking*. Available at: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed 03.03.2024).

качеством своих источников статистики и с методологией ее использования авторы данного ресурса не поработали.

И.П. Как происходила разработка методологии вашего исследования, корректируется ли она по мере выпуска новых ежегодных рейтингов, какие материалы статистики и иную информацию вы отбирали для своей системы индексов, чем руководствовались в этом своем выборе? Каким образом рассчитывается ваша система количественной оценки?

Мы применили, что называется, школьную методологию, когда по каждому предмету выставляется оценка согласно правилам конкретной дисциплины, а затем все оценки складываются и в сумме показывают, кто в школе лучший ученик, кто за ним и т.д.

А.П. Для нас первой проблемой было отсутствие разработанной методологии по данной теме, потому что, на мой взгляд, сама теория морской мощи требует дальнейшей проработки. Однако мы не ставили себе задачу доработать теорию, мы хотели просто создать инструмент расчета морской мощи, чтобы уже с его помощью можно было производить анализ морской мощи и выявлять особенности ее развития. Поэтому мы где-то оттолкнулись от известной экономической “тройки” (*труд, земля, капитал*) и определили морскую мощь как три компонента: *морские ресурсы, инструменты морской мощи и морская деятельность*. Соответственно первые – это морские пространства, которыми владеет страна, а также биоресурсы и запасы полезных ископаемых, содержащиеся в них. Инструменты – это морские силы и средства, с помощью которых страны овладевают указанными ресурсами, защищают их, исследуют, поддерживают там национальный правопорядок и т.д. В основном это ВМФ, но также и береговая охрана, научно-исследовательский флот и др. Наконец, под морской деятельностью мы понимаем всякую деятельность, не вошедшую в предыдущий компонент и направленную на использование Мирового океана в экономических, досуговых, спортивных и иных невоенных целях. Это торговые флоты, моряки, занятые на них, портовая деятельность, вылов рыбы и разведение аквакультуры, добыча нефти и газа на шельфе, производство электроэнергии в море и т.д.

Дальше было самое сложное – как это все посчитать в совокупности, если все компоненты и их составные части “живут” по своим законам и используют несовместимые между собой единицы измерений.

У нас оценка выставляется за процентную долю страны среди 100 крупнейших в каждой статистической категории. За каждый процент стране начисляется 1 тыс. баллов. Затем баллы по всем категориям, а их у нас 40, суммируются, и получается совокупный *Индекс морской мощи*. Составляющие его индексы нижнего уровня рассчитываются по тем же категориям, только их там соответственно меньше.

Разумеется, при разработке модели мы столкнулись и с множеством других методологических проблем, которые достаточно подробно описали в отдельной статье [5]. Поэтому здесь я бы хотел кратко упомянуть лишь два момента. Так, военно-морской потенциал, который у нас оценивается индексом военно-морского флота (ИВФ), не тождественен эффективности действий ВМФ, которую он может продемонстрировать во время войны. Последнее зависит от конкретных стратегических решений, качества командования и личного состава. Однако эти факторы не поддаются математической формализации, и соответственно мы не можем их учесть. Мы можем только посчитать материально-техническую базу и человеческий ресурс, так сказать, видимую военно-морскую мощь, что и отражает наш ИВФ.

Во-вторых, большая проблема – соотнесение выгоды конкретных стран от тех или иных видов морской деятельности. Например, торговые флоты в большинстве своем зарегистрированы под флагами одних государств, а принадлежат резидентам других, при этом статистика экспорта услуг этого морского транспорта может относить денежные потоки, генерируемые ими, вообще к третьим странам. Здесь мы видим только один выход: чем больше статистических категорий учитывается в составе индекса, тем более адекватен действительности результат. К сожалению, не вся статистика, которую бы мы хотели использовать, существует или доступна. В случаях, если какая-то статистика недоступна по

большинству государств, например, грузооборот морского транспорта, или ее невозможно достаточно объективно разнести по странам, например, владение рыболовным флотом, то такие категории мы не вводим в индексы.

И.П. *А вам хватало открытых данных?*

А.П. Какни странно, но больше всего открытых и бесплатных данных по военно-морским флотам. Экономическая статистика в большинстве своем открыта, но в значительной степени, по крайней мере необходимая нам, доступна только на платной основе, через подписки на базы данных. Ну и, к сожалению, части нужной экономической статистики нет ни у кого, даже за деньги.

Общая модель наших индексов достаточно гибкая. По сути это набор “кирпичиков” (статистических категорий), которые другой исследователь может сложить по-своему, что-то выбросив или добавив. Корректировка модели индекса всегда создает риск потери сопоставимости с предыдущими периодами. В нашем случае, поскольку модель построена на долевым принципе, это позволяет нам учитывать некие новые, появившиеся явления внутри существующих категорий без потери сопоставимости. Разумеется, нам бы хотелось увеличить количество категорий хотя бы до 50. К сожалению, пока этому препятствует отсутствие доступной статистики в некоторых категориях, о чем я уже сказал.

Хочу заметить, что статистика зачастую публикуется неритмично, с большим запозданием, а также нередко пересматривается задним числом. Это обстоятельство определяет выход нашего доклада – дважды в год. Мы рассчитываем все индексы по состоянию на начало года. Большая часть необходимой для этого статистики за прошлый год появляется до мая месяца, а оставшаяся часть это предварительная оценка. Поэтому в июне мы выпускаем первую версию нашего доклада. Затем в декабре публикуем уточненную версию индексов (2.0), которая уже учитывает всю дошедшую к этому времени статистику. Правда год на год не приходится и иногда бывает, что и к декабрю по некоторым категориям не опубликована статистика за прошлый год. Наконец, если выходит пересмотренная статистика, а это бывает через полтора-два года, тогда мы дополнительно пересчитываем индексы в версию 3.0, но она публикуется уже в составе какого-то очередного выпуска. Все наши доклады, начиная с самого первого, находятся в открытом доступе на сайте ИМЭМО.

И.П. *Когда мы говорим “морская мощь”, у нас возникают ассоциации исключительно с военной, “жесткой” силой, однако вы совсем по-иному понимаете морскую мощь. Расскажите, какие параметры и соответственно показатели военной и невоенной силы государств вы рассматриваете в своем международном рейтинговом исследовании, каково их соотношение?*

А.П. Вы подняли правильный вопрос, насколько общеупотребительный смысл слов соответствует значению, которое вкладывается в них, если их используют как термин. В научной литературе, в отличие от художественной, действует принцип – сначала обозначьте, в каком значении используется слово, а затем используйте. То есть можно заявить, что в вашем исследовании термином “белое” обозначается черное, и, пожалуйста, используйте. К сожалению, нередко таких первоначальных пояснений не делают. Это замечание относится и к морской литературе на английском языке. Так, термин “морская мощь” появился в русском языке как перевод английского *sea power*. Да и сама эта тематика к нам изначально пришла из англоязычной литературы. Однако наше словосочетание “морская мощь” вполне себе ясное и достаточно определенное – представляется что-то всеохватывающее морское: и ВМФ, и торговый флот и т.д. При этом у нас есть более узкое понятие “военно-морская мощь”, здесь без сомнений – только военный флот. Да и наши авторы, тот же адмирал Горшков, приводят определения того, что они включают в свои понятия.

Иная ситуация в англоязычной литературе. Словосочетание *sea power* впервые использовал Мэхен, и оно стало очень популярно. Однако в английском языке эти два слова, поставленные вместе, создают достаточно размытый смысл. Сам Мэхен не дал определения, что такое *sea power*. Для своих книг он использовал труды ряда историков и, возможно, так

он пересказал на английском известный древнегреческий термин “талассократия”³, хотя обычно его переводят как *maritime supremacy* или *maritime empire*. Однако использовал он и другой термин: *maritime power*. Причем в одних местах у Мэхена этот термин является частью *sea power*, а в других это отдельное от него понятие для обозначения гражданских отраслей, но при этом равное по значению *sea power*. Сейчас также вместо *sea power* нередко используют *maritime power*. Подобные проблемы есть и с некоторыми другими терминами. Крупные английские авторы, к примеру, Джеффри Тилл [6], отмечают проблемы смыслового наполнения английских морских терминов в современном языке, особенно недавно созданных.

Наша работа изначально выпускается на двух языках в одном издании, и перед нами тоже стояла эта проблема. Однако мы сконцентрировались на расчетах морских индексов, а не на разработке теории морской мощи, поэтому в английском языке мы просто ушли от упомянутых терминов. Название индекса – это ведь по сути торговая марка, в нем необязательно дословно повторять термины из теории. К тому же мы хотели, чтобы аббревиатура ИММ, нашего основного *Индекса морской мощи* и по-русски, и по-английски была одинаковой. Поэтому в английском варианте у нас это *Index of Maritime Might (IMM)*. При этом *sea power* у нас используется только в значении “морская держава”, что, кстати, тоже довольно распространено в англоязычной литературе.

Возвращаясь к тому, что мы понимаем под морской мощью, то для наших целей, а именно: расчета морских индексов, мы определили ее как способность страны владеть пространствами Мирового океана и использовать их в своих целях, которая характеризуется тремя основными компонентами: *морские ресурсы, морские силы и средства, морская деятельность*, содержание которых я уже изложил в начале разговора.

И.П. Показатели скольких стран учитываете в композитном индексе и только ли тех, которые имеют морские государственные границы?

А.П. Первоначально мы берем доступные показатели для всех стран, но для расчета индекса используются только данные 100 крупнейших стран в каждой из 40 статистических категорий. Мы учитываем показатели деятельности стран только в Мировом океане. В реках и озерах, например, Великие Озера в США и Канаде или река Амазонка в Южной Америке, не учитываются, но Каспийское море мы учитываем.

В наше время ряд государств, не имея морского побережья, тем не менее ведут деятельность в Мировом океане. Чаще всего они имеют некоторый торговый флот во владении. Другие не обладают собственным флотом, но под своим флагом регистрируют суда владельцев-нерезидентов. Самые известные случаи – Монголия и Белоруссия. Но, например, в Швейцарии базируется компания *Allseas Group*, которая владеет крупным флотом очень больших специальных судов для постройки морских трубопроводов и, кстати, строила их и для Газпрома. Также есть в швейцарском владении и научно-исследовательские суда. Подобная деятельность приносит очки странам, которые не имеют прямого выхода к морю. Из них Швейцария самая значительная – 72-е место в общем индексе морской мощи и 54-е в индексе морской деятельности. Разумеется, в индексе морских ресурсов Швейцария никаких очков не получает, поскольку у нее нет морского побережья.

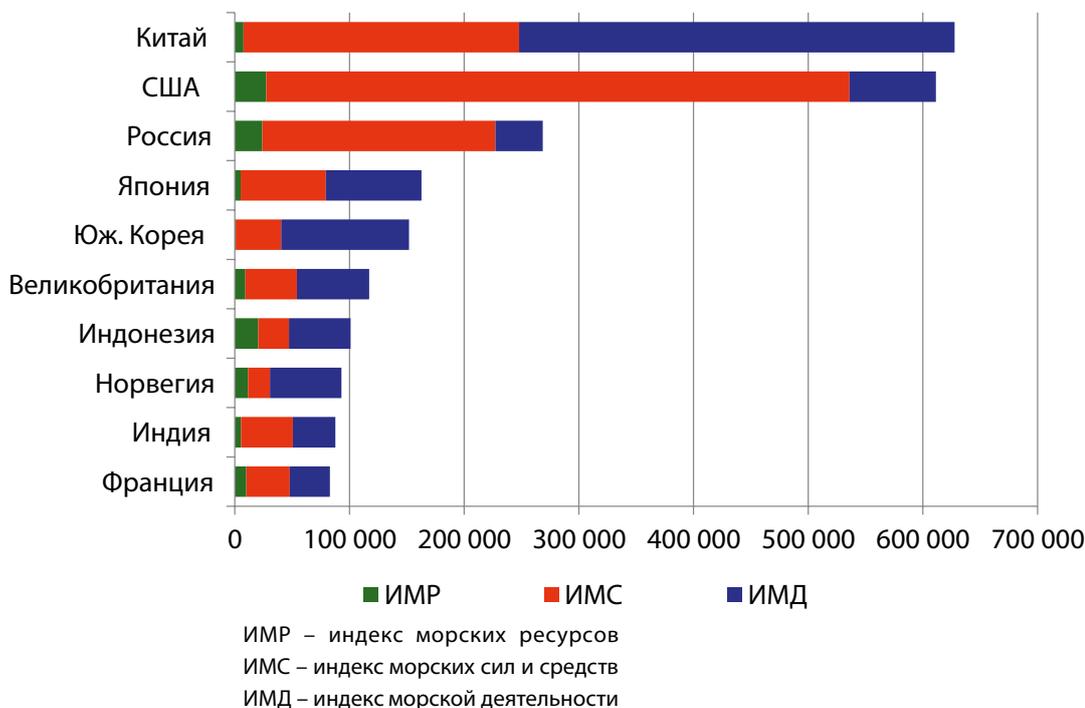
И.П. Хотелось бы узнать ваше мнение о роли невоенных факторов силы в современном мире.

А.П. Собственно, при подсчете индексов мы и получили возможность анализировать соотношение различных компонентов морской мощи у разных стран. Например, Китай сейчас морская держава номер один, но достигнуто это за счет гражданских компонентов, то есть индекса морской деятельности (рис. 1). А у США наоборот. Эта страна стала крупнейшей морской державой после Второй мировой войны и была таковой до недавнего времени, но в ее морской мощи главная составляющая – это силовой компонент (индекс морских сил и

³ Талассократия (от древнегреческих *θάλασσα* “море” и *κράτος* “власть”) – так античные авторы называли государство, жизнь которого в значительной степени концентрируется на деятельности, связанной с морем и контролем морских пространств.

средств). Если же мы возьмем какую-нибудь далекую маленькую страну, расположенную в теплых морях, то основной вклад в ее индекс морской мощи (ИММ) вносят располагаемые ею морские ресурсы. Например, Папуа Новая Гвинея занимает 68-е место в ИММ-23 (2.0), но доля индекса морских ресурсов в ее ИММ составляет 85%, а у Мозамбика, 64-е место в ИММ-23 (2.0) и эта доля – 87%.

Рисунок 1. Индекс морской мощи 2023 (версия 2.0) для 10 крупнейших морских держав по компонентам, в баллах

Источник: составлено авторами [1, с. 22].

П.А. Хотел бы обратить внимание, что когда мы говорим о значении невоенных компонентов морской мощи в современном мире, нужно помнить, что уже более 100 лет на морях действует правовой режим, принципиально отличающийся от того, что было в предыдущие эпохи. Тогда, чтобы обеспечить продвижение своим товарам и своему торговому флоту на мировые рынки, как правило, нужна была поддержка флота военного. Сейчас мы живем в условиях свободы судоходства, хотя иногда и условной.

Следует помнить, что около 80% всей мировой торговли осуществляется морским путем, так как морской транспорт – самый дешевый вид транспорта. При этом многие крупные морские перевозчики не являются резидентами основных стран-экспортеров.

Затем, в отличие, например, от XVIII в., в наше время нельзя просто так остановить/досмотреть/задержать торговое судно в водах открытого моря. Исключения составляют только базовые конвенционные нарушения: пиратство, работорговля, судно не имеет национальности (см. ст. 110 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.). Сегодня, например, за проход Балтийскими проливами не взимается плата и не требуется разрешение, которые существовали веками, но были отменены еще в 1857 г. в рамках Копенгагенского трактата⁴. Вместе с тем огромные пространства

⁴ Копенгагенский трактат, или Копенгагенская конвенция, 1857 г. – соглашение заинтересованных стран: Дании, Великобритании, России, Пруссии, Швеции, Нидерландов, Франции, Норвегии, Мекленбурга, Бельгии, Бремена, Ганновера, Гамбурга, Любека, Ольденбурга, Австрии. Согласно данному трактату, Дания отказывалась от взимания пошлины с судов, проходящих через Балтийские проливы (Эресунн и Малый и Большой Бельты), которые она взимала с 1429 г. При этом остальные участники конвенции согласились в течение 20 лет выплатить Дании крупную компенсацию.

Мирового океана “захвачены” зонами суверенных прав и юрисдикции прибрежных государств (так называемые исключительные экономические зоны) и без разрешения страны-владельца в них нельзя ни рыболовить, ни добывать что-то на континентальном шельфе. Здесь остались только базовые свободы открытого моря – судоходства, полетов, прокладки кабелей и трубопроводов, но права на живые и неживые ресурсы были переданы прибрежным странам.

И.П. Ваше рейтинговое исследование направлено на сравнительное изучение морской мощи государств. Позволяет ли оно увидеть контуры каких-то двусторонних или многосторонних межгосударственных взаимодействий, возможно, совокупный потенциал морской мощи международных военно-политических организаций, НАТО, например, или иных военных блоков, региональных интеграционных объединений, которые сформулировали, как Европейский союз, или планируют разрабатывать свои морские стратегии?

А.П. Да. Основное предназначение наших индексов – это быстрая оценка морской мощи страны или группы стран, как в совокупности, так и по компонентам. Но цели у такой оценки могут быть разными.

Приведу простой пример. Скажем, наша цель – понять, какую пользу, с точки зрения противостояния с Китаем, получили США от объединения морских потенциалов в рамках союза *AUKUS*⁵, заключенного ими с Австралией и Великобританией. Сначала мы смотрим по таблицам индексы ВМФ для этих четырех стран. США имеют 434 625 баллов, Австралия 13 993, Великобритания 35 209, а в сумме 483 827 баллов против 197 508 у Китая. То есть в настоящее время сами США в 2.2 раза превосходят Китай, и две другие страны им для этого особо не нужны.

Посмотрим на ситуацию в ближайшей перспективе, то есть на масштабы военного кораблестроения в данных странах. США имеют 15 598 баллов, Австралия 1 371 и Великобритания 1 310, в сумме 18 279 баллов против 21 212 у Китая. То есть превосходство у Китая над блоком трех стран в 1.2 раза. Мы также видим, что в этом отношении и Австралия, и Великобритания мало что добавляют для США. То есть военно-морская мощь КНР в ближайшие годы будет расти быстрее, чем суммарная мощь *AUKUS*. Наконец, проанализируем долгосрочную перспективу, то есть возможность подключения гражданских ресурсов. Для этого рассмотрим позиции стран в гражданском судостроении. США имеют 130 баллов, Австралия семь, Великобритания шесть, а в сумме 143 балла против 46 359 у Китая. Таким образом, в долгосрочной перспективе и Австралия, и Великобритания бесполезны для США в противостоянии с Китаем.

Разумеется, на практике может понадобиться провести более углубленный и детальный анализ соответствующих аспектов. Однако, для быстрой оценки общего положения дел или оперативного моделирования изменения морских потенциалов в случае тех или иных блоковых комбинаций наши индексы представляются достаточно практичными.

И.П. Александр Петрович, Павел Андреевич, спасибо вам за интересный разговор!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Поливач А.П., Гудев П.А. *Морские державы 2023: индексы ИМЭМО РАН (2.0)*. Москва, ИМЭМО РАН, 2023. 198 с. [Polivach A.P., Gudev P.A. *The IMEMO Sea Powers' Rankings 2023 (2.0)*. Moscow, IMEMO, 2023. 198 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0619-9
2. Гудев П.А. *Конвенция ООН по морскому праву 1982 года: проблемы трансформации режима*. Москва, ИМЭМО, 2014. 201 с. [Gudev P.A. *United Nations Convention on the Law of the Sea: Regime Transformation Problems*. Moscow, IMEMO, 2014. 201 p. (In Russ.)]
3. Mahan A.T. *The Influence of Sea Power upon History 1660–1783*. New York, Dover Publications (Reprint), 1987. 656 p.

⁵ *AUKUS* – аббревиатура по составу участников (Австралия, Соединенное Королевство и США) соглашения по безопасности, подписанного указанными странами в сентябре 2021 г.

4. Горшков С.Г. *Морская мощь государства*. Москва, Воениздат, 1979. 416 с. [Gorshkov S.G. *The Sea Power of the State*. Moscow, Voenizdat, 1979. 416 p. (In Russ.)]
5. Поливач А.П. Методология количественной оценки морского потенциала различных стран. *Общественные науки и современность*, 2021, № 6, сс. 135-149. [Polivach A.P. Methodology of the National Maritime Potential Quantitative Assessment. *Social Sciences and Contemporary World*, 2021, no. 6, pp. 135-149. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S086904990017874-3
6. Till G. *How to Grow a Navy. The Development of Maritime Power*. Oxon, Routledge, 2023. 332 p.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИОРИТИЗАЦИИ ВОЕННОЙ ПОМОЩИ США ПРИ АДМИНИСТРАЦИЯХ ТРАМПА И БАЙДЕНА

© АНДРЕЕВ К.М., 2024

АНДРЕЕВ Кирилл Михайлович, аспирант Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям.
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ,
101000 Москва, ул. Мясницкая, 20 (thelirrik@gmail.com), ORCID: 0000-0003-1044-162X

Андреев К.М. Эволюция приоритизации военной помощи США при администрациях Трампа и Байдена. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 1, сс. 23-38. DOI: 10.20542/afij-2024-1-23-38

DOI: 10.20542/afij-2024-1-23-38

EDN: CJTTIF

УДК: 327+327.8+ 339.726.3

Поступила в редакцию 03.10.2023.

После доработки 28.12.2023.

Принята к публикации 12.02.2024.

Политика помощи – один из важных инструментов внешней политики Соединенных Штатов Америки в контексте борьбы за глобальное лидерство. На это направление государственной политики федеральное правительство США тратит около 60–70 млрд долл. ежегодно. Большая часть этих огромных финансовых средств расходуется на экономическую помощь, но немало тратится именно на военную. В данной статье с применением методологии институционализма исследуется использование Соединенными Штатами военной помощи в зависимости от международной ситуации, внутривнутриполитической обстановки в самих США, а также положения той или иной страны-реципиента в логике американских национальных интересов. В фокусе внимания автора – правила приоритизации такого рода помощи и возможная эволюция сложившейся практики. Особый акцент в работе сделан на исследовании американской военной помощи Украине в период 2022–2023 гг. Автор проанализировал динамику ее предоставления в зависимости от целей США и военной обстановки в мире, а также способы оказания такой поддержки, инструменты и программы ее осуществления. Показано, как посредством передачи оружия и военной техники американская администрация пытается управлять данным вооруженным конфликтом в собственных интересах. Исследованы механизмы финансирования военной помощи и зависимость от них сроков поставок оружия и оборудования, использование инициатив и фондов в целях аккумулирования средств для осуществления политики помощи какой-то определенной стране. Рассмотрены случаи оказания Соединенными Штатами военной помощи, формально не являющейся таковой, поскольку траты осуществляются не за счет американских налогоплательщиков, но которую, тем не менее, следует отнести именно к данной категории.

Ключевые слова: военная помощь, американская военная помощь, Украина, американско-украинские отношения, политика помощи США, региональные приоритеты внешней политики США.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

**EVOLUTION OF US MILITARY AID PRIORITIES
UNDER TRUMP AND BIDEN ADMINISTRATIONS**

Received 03.10.2023. Revised 28.12.2023. Accepted 12.02.2024.

Kirill M. ANDREEV (thelirrik@gmail.com), ORCID: 0000-0003-1044-162X,
National Research University 'Higher School of Economics', 20, Myasnitskaya Str., Moscow
101000, Russian Federation.

Aid policy is one of the important foreign policy tools in the U.S. struggle for global leadership. The U.S. federal government spends about \$60–70 billion annually on this area of public policy. Most of these truly large-scale financial resources are spent on economic assistance, but a lot is dedicated to military assistance too. This article, using the institutionalism methodology, examines how the U.S. military assistance depends on the international situation, the internal political environment in the United States itself, as well as on the significance of a particular recipient country in the logic of American national interests. The author focuses on the rules of prioritizing this type of assistance and a possible evolution of the existing practice. A particular emphasis is on the study of American military assistance to Ukraine in the period 2022–2023. The author analyzes the dynamics of its provision depending on the goals of the United States, the international military situation, as well as the methods of providing such support, tools and programs for its implementation. It is shown how the United States administration is trying to manage this armed conflict in accordance with its own interests through the transfer of weapons and military equipment. It was investigated via what mechanisms military assistance is financed and, subsequently, how the delivery times of weapons and equipment depend on them, when exactly a part of military items is supplied from the U.S. Army reserves. Also, the ways in which special initiatives and funds are used to accumulate finances to implement aid policy for a certain country were examined. In addition, the paper considers the situations when the United States of America provides military aid, which formally does not qualify as aid, since not being purchased with the money of American taxpayers, but at the same time it is still should formally considered as such.

Keywords: *military aid, U.S. military aid, US–Ukrainian relations, Ukraine, USA aid policy, regional priorities of US foreign policy.*

About the author: Kirill M. ANDREEV, Postgraduate Student, Faculty of World Economy and International Affairs.

Competing interests: *no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.*

Funding: *no funding was received for conducting this study.*

ВВЕДЕНИЕ

Политика помощи является одним из важных внешнеполитических инструментов Соединенных Штатов Америки. В последнее время траты на нее достигают примерно 1% ВВП США. Большая часть этих средств расходуется на экономическую помощь, ее доля достигает примерно 60–80% всей официальной помощи, предоставляемой Соединенными Штатами. Остальное тратится на военную.

Тема американской политики помощи довольно хорошо изучена и часто анализируется российскими и англоязычными исследователями. Среди российских можно выделить работы В.И. Бартенева [1; 2; 3], А.А. Давыдова [4], О.В. Приходько [5], О.А. Тимаковой [6] и другие, где рассматривались различные типы американской помощи и политика помощи в целом. В англоязычной литературе, кроме обычных статей и публикаций в научных журналах таких авторов, как Д. Тама [7], Д. Сперлинг и М. Веббер [8], С. Винклер [9], С. Арезина [10], М. Возняк [11], Н. Марш [12], Р. Дейермонд [13], К. Рамья [14], С. Чарап и М. Прибе [15],

существует массив отчетов, докладов и аналитических документов Исследовательской службы Конгресса, различных “мозговых центров” – как американских, так и из других стран мира. Эти материалы служат источниками исследования. На вопросах экономической помощи и помощи развитию специализируются аналитики портала *Devex*¹. Для работы привлекались также данные базы *ForeignAssistance.gov*² – важного источника официальной информации о тратах США на политику помощи как военную, так и экономическую.

В Соединенных Штатах на протяжении долгого времени ведется концептуальный спор по поводу содержательной сути политики помощи и ее основной цели. Сложилось два базовых теоретических подхода: 1) реалистский, согласно которому политика помощи в первую очередь представляет собой внешнеполитический инструмент и служит выполнению конкретных внешнеполитических задач, 2) либеральный, в соответствии с которым политика помощи – это главным образом экономический инструмент, и помощь оказывается для создания благоприятной среды в странах-получателях, а основная цель этих действий – трансфер ресурсов из богатых стран в бедные.

Автор придерживается парадигмы реализма, и гипотеза предлагаемой работы состоит в том, что политика помощи США в целом, и военная помощь, в частности, однозначно относится к инструментам внешней политики, служащим достижению тех или иных целей Вашингтона. В данной статье рассмотрены примеры использования Соединенными Штатами военной помощи для решения собственных внешнеполитических задач. Цель работы состоит в анализе и оценке приоритизации американской военной помощи, оказываемой тем или иным странам, в зависимости от текущих интересов и внутривнутриполитической обстановки в самих США. Эти интересы частично прописаны в стратегиях национальной безопасности, обновляемых раз в несколько лет, и других документах, связанных с обороной и оборонной политикой Соединенных Штатов: Четырехлетнем обзоре оборонной политики (*Quadrennial Defense Review*), Национальной военной стратегии США (*The National Military Strategy of the USA*). Также декларации внешнеполитических интересов отражают принятые Конгрессом США законы, высказывания американского президента, госсекретаря и других полномочных лиц Белого дома. О заинтересованности США свидетельствует и статистика предоставления американской военной помощи. Последняя, в отличие от экономической, распределяемой среди большого количества стран в относительно небольших долях, в основном выделяется в существенных объемах лишь нескольким государствам (обычно трем-четырем одновременно). Поддержка этих стран (или определенных сил в них) является для Соединенных Штатов временным (Ирак, Афганистан, Украина) или постоянным (Израиль, Иордания, Египет) приоритетом.

Поставленная цель исследования достигалась посредством решения следующих задач. В начале были рассмотрены механизмы американской политики военной помощи и основные ее программы. Затем выявлена роль фондов и инициатив в осуществлении этой помощи. Особый интерес для автора представляли события на Украине в 2022–2023 гг. и перемены в предоставлении военной помощи киевскому режиму в зависимости от вовлечения США в прокси-конфликт с Россией: способы, инструменты и программы оказания помощи, а также попытки управления этим конфликтом посредством передачи оружия и различной военной техники. Структура статьи выстроена в соответствии с данными задачами исследования.

Для решения задач исследования были проанализированы периоды деятельности администраций американских президентов Дональда Трампа (2017–2021) и Джозефа Байдена (с января 2021 г.). Автор использовал и метод исторической ретроспективы, касаясь отдельных моментов предоставления военной помощи в период администраций Барака

¹ *Devex* – одна из крупнейших в мире новостных организаций, освещающая вопросы мирового развития. Ежегодно проводит более 100 мероприятий, призванных интенсифицировать и стимулировать диалог между главами государств и правительств, частным сектором и международным сообществом по вопросам развития. Официальный информационный партнер мероприятий Всемирного экономического форума, Международного валютного фонда, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, ООН, Глобальной инициативы Клинтона и других организаций. См.: *Devex*. Available at: <https://www.devex.com> (accessed 02.04.2023).

² *ForeignAssistance.gov* – сайт правительства США, публикующий данные о помощи иностранным государствам. Центральный ресурс, содержащий бюджетные и иные финансовые данные, обобщенные государственными учреждениями США, которые управляют портфелями иностранной помощи. См.: *ForeignAssistance.gov*. Available at: <https://www.foreignassistance.gov> (accessed 02.04.2023).

Обамы (2009–2017) и Джорджа Буша-мл. (2001–2009).

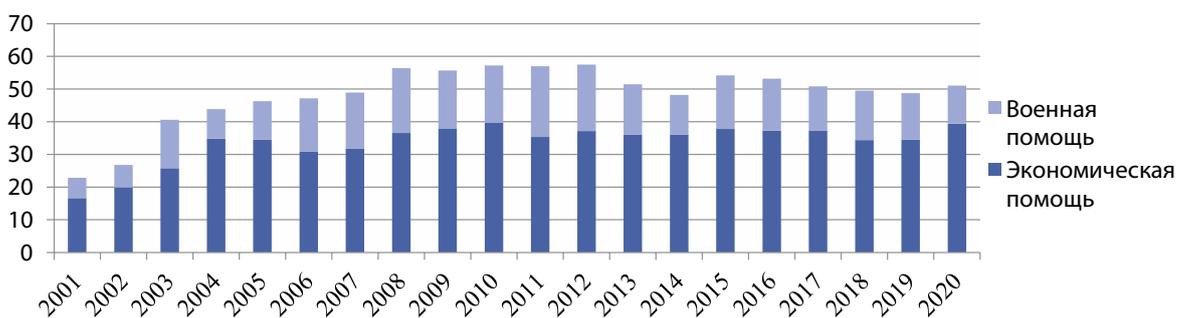
Особенностью данного исследования является его проведение практически одновременно с описываемыми событиями. С одной стороны, об этих событиях имеется достаточно большое количество информации, в том числе новостной, а с другой, – значимая доля статистических данных еще не опубликована или на данный момент засекречена. Поэтому следует учитывать, что статистическая база исследования сочетает уже опубликованную и структурированную отчетную информацию по программам и тратам при президенте Д. Трампе и предыдущих администрациях и еще только получаемую по политике помощи при президенте Дж. Байдене. Данные о последней заимствуются из официальных пресс-релизов Белого дома, Министерства обороны и Государственного департамента США, а также новостных сводок и законодательных актов американского Конгресса.

По итогам исследования автор предлагает прогноз дальнейшего оказания Соединенными Штатами военной помощи с учетом правил ее приоритизации, а также оценки американских действий по предоставлению такой помощи Тайваню.

МЕХАНИЗМ ВОЕННОЙ ПОМОЩИ США

В настоящее время на политику помощи Соединенные Штаты тратят около 60–70 млрд долл. ежегодно. В официальной национальной статистике помощь делится на экономическую (к ней относится сама экономическая помощь, а также гуманитарная, в чрезвычайных ситуациях и другие виды невоенной помощи) и военную. На рис. 1 показано, как менялись траты США на политику помощи, начиная с 2001 г. Возникший при администрации Дж. Буша-мл. рост продолжился при Б. Обаме, достигнув временного максимума. Администрация Д. Трампа попыталась сократить траты на зарубежную помощь: в бюджетных планах на 2018–2021 фин. годы она ежегодно предлагала сократить расходы по данной статье на 20–25%³, но каждый раз получала отказ Конгресса [7, р. 20]. Полных данных расходов за 2021, 2022 и 2023 гг. на данный момент нет, однако на 2022 фин. г. администрация Дж. Байдена запрашивала увеличение трат на зарубежную помощь на 12% одобренной на 2021 г. суммы, а на 2023 фин. г. запросила 60.4 млрд долл.⁴, что на 6% (1.7 млрд долл.) больше, чем она запрашивала на 2022 г., и что должно было стать самой масштабной суммой, потраченной США на зарубежную помощь за последние два десятилетия.

Рисунок 1. Расходы США на зарубежную помощь в 2001–2020 гг., млрд долл.

Источник: составлено автором по данным *ForeignAssistance.gov*⁵.

За разработку и реализацию политики помощи отвечают различные государственные учреждения и ведомства. В первую очередь это Государственный департамент, Министерство обороны США и Агентство по международному развитию

³ Rascoe A., Rampton R. Trump Again Proposes Slashing Foreign Aid in Budget. *NPR*, 10.02.2020. Available at: <https://www.npr.org/2020/02/10/803897900/trump-to-again-propose-slashing-foreign-aid-in-budget> (accessed 02.04.2023).

⁴ Fiscal Year (FY) 2023 President's Budget Request for the United States Agency for International Development (USAID). USAID. 2022. Available at: <https://www.usaid.gov/news-information/fact-sheets/fiscal-year-2023-presidents-budget-request-usaid> (accessed 02.04.2023).

⁵ См.: *ForeignAssistance.gov*...

(AMP, англ. *U.S. Agency for International Development, USAID*). Также в ее реализации участвуют и негосударственные игроки – различные фонды, компании и агентства, однако помощь, оказываемую через них, сложно назвать именно государственной политикой помощи, и в целом к военной помощи они отношения почти не имеют. Большая часть военной помощи проходит по линии Министерства обороны. Пентагон – второе по финансовым тратам на политику помощи ведомство в целом, после AMP.

Основными программами военной помощи, осуществляемыми Минобороны, являются Программа военных продаж (*Foreign Military Sales, FMS*), Иностранное военное финансирование (*Foreign Military Financing, FMF*) и Обучение и подготовка иностранных военнослужащих (*International Military Education and Training, IMET*). Эти программы осуществляются под руководством и надзором Государственного департамента. Также Минобороны управляет различными миротворческими программами (*Peacekeeping Operations, PKO*).

Основные получатели помощи по линии Министерства обороны за первые 20 лет нынешнего века представлены в табл. 1. Безусловными лидерами в этом отношении выступили Афганистан, Ирак и Израиль. Первые две страны имели большие объемы военной помощи во время активного развертывания там американского воинского контингента, а Израиль как ключевой стратегический союзник США на Ближнем Востоке стабильно получает крупные суммы, которые периодически растут (как произошло, например, после нападения ХАМАС в октябре 2023 г.). Также существенные финансовые средства поступают в Египет (в основном вся помощь США этой стране – военная) и Иорданию (примерно треть помощи – военная). Пакистан также входил в лидеры среди реципиентов во время активной фазы американской военной кампании в Афганистане, однако затем объемы его поддержки уменьшились [8, р. 513]. Наконец, одним из главных получателей помощи, как военной, так и экономической, с 2022 г. стала Украина, которой США оказывают усиленное содействие в противостоянии с Россией.

Таблица 1. Основные получатели помощи по линии Министерства обороны США в 2001–2020 гг., млн долл.

	2001	2005	2010	2015	2020
Иордания	76	307	303	468	510
Афганистан	–	691	6884	6312	2761
Израиль	1980	2202	2801	3100	3300
Украина	39	8	46	77	303
Филиппины	8	38	37	96	176
Пакистан	76	308	965	295	40
Египет	1298	1291	1302	1302	1301
Россия	322	285	126	–	–
Ирак	–	6505	1095	1132	576

Источник: составлено автором по данным *ForeignAssistance.gov*⁶.

В табл. 2 представлены основные получатели военной помощи и соотношение этой помощи с ее получением по линии Пентагона (военная помощь США может поставляться не только от Министерства обороны, и сам Пентагон может оказывать не только военную помощь). В качестве примера рассмотрены 2019 и 2020 гг.

⁶ См.: *ForeignAssistance.gov*...

Таблица 2. Сравнение военной помощи США и помощи по линии Министерства обороны основным странам-реципиентам в 2019–2020 гг., млрд долл.

	Израиль	Афганистан	Египет	Иордания	Украина	Ирак
2019						
военная помощь США	3.300	3.666	1.306	0.466	0.298	0.181
помощь по линии Министерства обороны	3.300	3.665	1.302	0.474		3300
2020						
военная помощь США	3.300	2.761	1.302	0.503	0.284	0.548
помощь по линии Министерства обороны	3.300	2.761	1.301	0.511	0.304	0.576

Источник: составлено автором по данным *ForeignAssistance.gov*⁷.

Согласно открытым источникам, расходы на военную помощь осуществляются в основном по линии Министерства обороны, другие государственные органы участия в ней практически не принимают, а имеющиеся небольшие потоки бюджетных средств по линии Госдепартамента и других министерств почти не влияют на сложившуюся картину.

Рассмотрим программы, по которым расходовались средства Минобороны в 2020 г. (рис. 2).

Рисунок 2. Статьи расходов на военную помощь США, финансируемые Министерством обороны США за 2020 г., млн долл.

Источник: составлено автором по данным *ForeignAssistance.gov*⁸.

*Здесь и далее – запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

Таким образом, бóльшая часть помощи США идет по программе Иностранного военного финансирования (7 млрд долл. в 2020 г.). На программу Обучение и подготовка

⁷ См.: *ForeignAssistance.gov*...

⁸ *Ibid.*

иностранных военнослужащих, вторую из основных в рамках военной помощи, было затрачено лишь 83 млн долл., третья – Программа военных продаж среди данных *ForeignAssistance.gov* – вообще не представлена. Однако, согласно информации сайта Министерства обороны США, в 2020 г. именно на последнюю было потрачено 50.78 млрд долл. Из них 44.79 млрд – на продажу оружия в рамках Программы военных продаж, профинансированную союзниками и странами-партнерами и не являющуюся в строгом смысле американской помощью⁹. 3.30 млрд долл. было потрачено по условиям разд. 22 программы Иностранного военного финансирования и 2.69 млрд – в соответствии с разд. 10 Закона об иностранной помощи и программам развития потенциала партнеров (*Building Partner Capacity – BPC Programs*)¹⁰. Можно сделать вывод о том, что из 7 млрд долл. Иностранного военного финансирования примерно половина была проведена по Программе военных продаж. При том, что большая часть расходов на Программу военных продаж легла на плечи союзников и партнеров США, закупивших технику и оборудование на собственные средства.

Какие страны получают помощь по программе Иностранное военное финансирование? Пример 2019 и 2020 гг. (табл. 3) показывает, что кроме Украины, это страны Ближнего Востока и Северной Африки. Финансирование по данной программе осуществляется в форме грантов. Администрация Д. Трампа попыталась перевести большинство стран (кроме Израиля и чуть позднее Египта, Иордании и Пакистана) на кредиты вместо грантов, однако это вызвало недовольство в Конгрессе, и данная идея не была реализована. В последующие годы таких попыток Белый дом не предпринимал [1, с. 86].

Почти половину всех средств по программе *FMF* получает Израиль (табл. 3). Также он единственный, кто может тратить часть средств, получаемых по программе, на покупку оружия не в США, а на заказы собственным производителям [1, с. 86]. Израиль, как и Египет с Иорданией, – долговременный партнер США в регионе Ближнего Востока. Сильное израильское лобби в Соединенных Штатах способствует постоянству оказания военной помощи этому государству, и ее объемы год от года растут [2, с. 156]. Например, на 2023 фин. г. Конгресс одобрил выделение Израилю 3.8 млрд долл.¹¹ Египет и Иордания – единственные арабские страны, имеющие дипломатические отношения с Израилем (в 2020 г. к ним добавились ОАЭ), поэтому их поддержка и предоставление им значительной военной помощи со стороны США также понятны. Военная помощь Ираку и Ливану связана с иракской войной и нынешней войной с ИГИЛ*, хотя большая часть средств на эти цели идет через специально созданный фонд противодействия данной организации. Военная помощь Украине активизировалась после государственного переворота 2014 г. и многократно увеличилась в связи с началом российской специальной военной операции (СВО).

Таблица 3. Главные страны – получатели помощи по программе Иностранное военное финансирование в 2019–2020 гг., млн долл.

	Израиль	Афганистан	Египет	Иордания	Украина	Ирак
2019	3300	1300	379	199	174	70
2020	3300	1300	471	191	497	248

Источник: составлено автором по данным *ForeignAssistance.gov*¹².

Таким образом, Программа военных продаж и Иностранное военное финансирование¹³

⁹ Программа финансируется как за счет правительства США, так и стран, участвующих в ней.

¹⁰ *FY2020 Security Cooperation Numbers*. Defense Security Cooperation Agency. 04.12.2020. Available at: <https://www.dsca.mil/news-media/news-archive/fy2020-security-cooperation-numbers> (accessed 02.04.2023).

¹¹ Sharp J. *U.S. Foreign Aid to Israel*. Congressional Research Service Report. 01.03.2023. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33222.pdf> (accessed 03.04.2023).

¹² См.: *ForeignAssistance.gov*...

¹³ Serafino N.M. *The Department of Defence Role in Foreign Assistance: Background, Major Issues and Options for Congress*. Congressional Research Service Report. 09.12.2008. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/RL34639.pdf> (accessed 02.04.2023).

являются основными, посредством которых осуществляется преимущественно военная помощь за счет средств федерального бюджета, то есть оплачиваемая американскими налогоплательщиками.

Если же рассматривать любые поставки оружия американского производства странам-союзникам как помощь, то в этом отношении Программа военных продаж уверенно держит лидерство, на нее направляется самый значительный объем финансовых средств. Принципиально важен вопрос: является ли такая продажа оружия союзникам военной помощью? Например, в 2022 г. Тайвань получил от США 330 тыс. долл. прямой помощи, которая относится к сфере экономической, а в 2020 г. – всего 200 тыс. В то же время Тайбэй закупил радарные комплексы¹⁴, ракеты “Гарпун”¹⁵ и противоминные системы рассеивания “Вулкан”¹⁶ на сумму более 1 млрд долл. Также закупки американского оружия Тайванем имели место в 2015 и 2017 гг., но в эти же годы официальной помощи от США он не получал вовсе. Такого рода контракты полностью соответствует американским интересам: как экономическим, с точки зрения экспорта вооружений, так и политическим, в русле стратегии сдерживания Китая [9, р. 6]. В данном случае продажа оружия одновременно выступает и военной помощью Тайваню, хотя на это и не тратятся деньги американских налогоплательщиков, и формально поставки по таким контрактам не входят в статистику помощи.

Еще более интересная ситуация сложилась с контрактами на покупку оружия странами Европейского союза. В 2022 г. Польша¹⁷ и другие государства ЕС¹⁸ закупили довольно большое количество вооружения, при этом передавая старые танки советского производства или другое оружие Украине¹⁹. Один только контракт с Польшей на поставку 116 танков Abrams M1A1 и другого оборудования оценивается в 3.75 млрд долл. Сумма всех таких контрактов со странами ЕС за 2022 г. превышает 15 млрд долл., и часть купленной техники поставляется взамен передаваемого Украине советского вооружения. Причем данные по этим контрактам не отражаются не только в статистике американской помощи, но часто даже в статистике поставок оружия и военной техники Украине, тогда как именно это является основной целью части подобных сделок.

Таким образом, военная помощь США – это довольно сложный комплексный механизм, который нельзя оценивать по открытым прямым официальным данным, хотя представленная статистика важна для оценки американских внешнеполитических целей и задач. Для более полного понимания принципов действия этого механизма следует выявить и рассмотреть и другие способы осуществления помощи.

ИНИЦИАТИВЫ И ФОНДЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВОЕННОЙ ПОМОЩИ

Основные поставки военной помощи Вашингтон осуществляет по упомянутым выше программам, однако в США есть еще один инструмент, используемый для

¹⁴ Taipei Economic and Cultural Representative Office in the United States – Contract Logistics Support for Surveillance Radar Program (SRP). Defense Security Cooperation Agency. 04.12.2020. Available at: <https://www.dsca.mil/press-media/major-arms-sales/taipei-economic-and-cultural-representative-office-united-states-24> (accessed 04.04.2023).

¹⁵ Taipei Economic and Cultural Representative Office in the United States – AGM-84I-1 Harpoon Block II Missiles. Defense Security Cooperation Agency. 02.09.2022. Available at: <https://www.dsca.mil/press-media/major-arms-sales/taipei-economic-and-cultural-representative-office-united-states-agm> (accessed 04.04.2023).

¹⁶ US Approves Delivery to Taiwan of Vulcano Anti-Tank Munitions-Laying Systems. Army Recognition Group. 29.12.2022. Available at: <https://www.armyrecognition.com/news/army-news/2022/us-approves-delivery-to-taiwan-of-vulcano-anti-tank-munitions-laying-systems> (accessed 04.04.2023).

¹⁷ Poland – M1A1 Abrams Main Battle Tanks. Janes, 10.01.2024. Available at: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/poland-receives-more-m1a1-mbts-and-m-atvs> (accessed 10.01.2024).

¹⁸ Три страны НАТО передают Украине 70 самолетов, которые смогут базироваться в Польше. ТАСС, 01.03.2022. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13908719> (accessed 02.04.2023).

¹⁹ Польша заменит переданные Украине советские танки Т-72М1 на американские M1 Abrams из наличия армии США. Военное Обозрение, 17.07.2022. Available at: <https://topwar.ru/199153-polsha-zamenit-peredannye-ukraine-sovetskie-tanki-t-72m1-na-amerikanskie-m1-abrams-iz-nalichija-armii-ssha.html> (accessed 02.04.2023).

поставок экономической и военной помощи, – это различные инициативы и фонды. В качестве примеров (хотя не все из них используются для оказания именно военной помощи) можно назвать Фонд сил безопасности Афганистана (*Afghanistan Security Forces Fund*), Инициативу глобального развития и процветания женщин (*Women's Global Development and Prosperity Initiative, W-GDP*), Процветающую Африку (*Prosper Africa*), Инициативу содействию безопасности Украины (*Ukraine Security Assistance Initiative*), Инициативу по безопасности Тайваня (*Taiwan Security Assistance Initiative*) и др. Обычно они сосредоточены на каком-то регионе (чаще всего это инициативы экономической направленности), конкретной проблеме (как правило, гуманитарной сфере) или стране. По большей части их деятельность запускается с подачи президента или правительства, финансируются они из федерального бюджета. Фонды и инициативы, направленные на поддержку определенной страны, обычно свидетельствуют о приоритете отношений с ней для внешней политики США. В рамках инициатив выделяются разные виды помощи, как военной, так и экономической и гуманитарной. Они могут иметь различные формы финансирования и передачи средств или оборудования: президентские поручения (*Presidential Drawdown Authority, PDA*), статьи национального бюджета, принятого Конгрессом, через упомянутые выше программы военной помощи. Возможны финансирование из различных фондов (иногда целевых – на конкретные нужды или для конкретной страны, как видно на примере Афганистана), закупки оборудования и оружия в третьих странах (*Third Party Transfers, TPT*), различные программы безопасности или помощи, например, в сотрудничестве с союзниками по НАТО [6, с. 60] и некоторые другие формы предоставления средств и прочих видов помощи.

Так называемые региональные инициативы принимаются почти каждой президентской администрацией, часто они похожи на инициативы предшественников с некоторыми изменениями или без. Например, при президенте Д. Трампе было запущено несколько крупных региональных инициатив: уже упомянутая Процветающая Африка, Индо-Тихоокеанская стратегия, “Америка растет” (*America Crece*), ориентированная на Латинскую Америку. Эти инициативы в целом напоминали выдвинутые ранее администрацией Б. Обамы, однако имели несколько характерных отличий и присущих политике Трампа особенностей: антииммигрантскую направленность, акцент на двусторонних связях вместо многосторонних и, кроме того, яркий антикитайский контекст [10, р. 299]. Администрация Дж. Байдена продолжила исполнять эти инициативы, фактически лишь частично изменив названия и формулировки некоторых целей, подчеркивающие их “демократические” (в противовес “республиканским”) авторство и содержание. Например, инициатива администрации Дж. Байдена в Африке посвящена продвижению цифровизации на континенте и повышению уровня грамотности местного населения, а предшествующая ей “Процветающая Африка” Трампа объявлена ее партнерской инициативой. Такого рода инициативы могут включать те или иные виды военной помощи (обучение местных военных и сотрудников спецслужб, поставки оружия и военного оборудования странам-партнерам), однако основное их содержание – экономическая помощь [4, с. 252].

Инициативы, посвященные решению каких-то определенных проблем или внешнеполитических задач в отношении конкретной страны или ситуации, обычно менее зависят от смены президентских администраций и, как правило, связаны со специфическими, но стратегически важными проблемами, подразумевающими долговременное действие. Но и их длительность зависит от того, насколько перспективным представляется решение этих вопросов для США с внешнеполитической точки зрения, и от расстановки политических сил в Белом доме и Конгрессе.

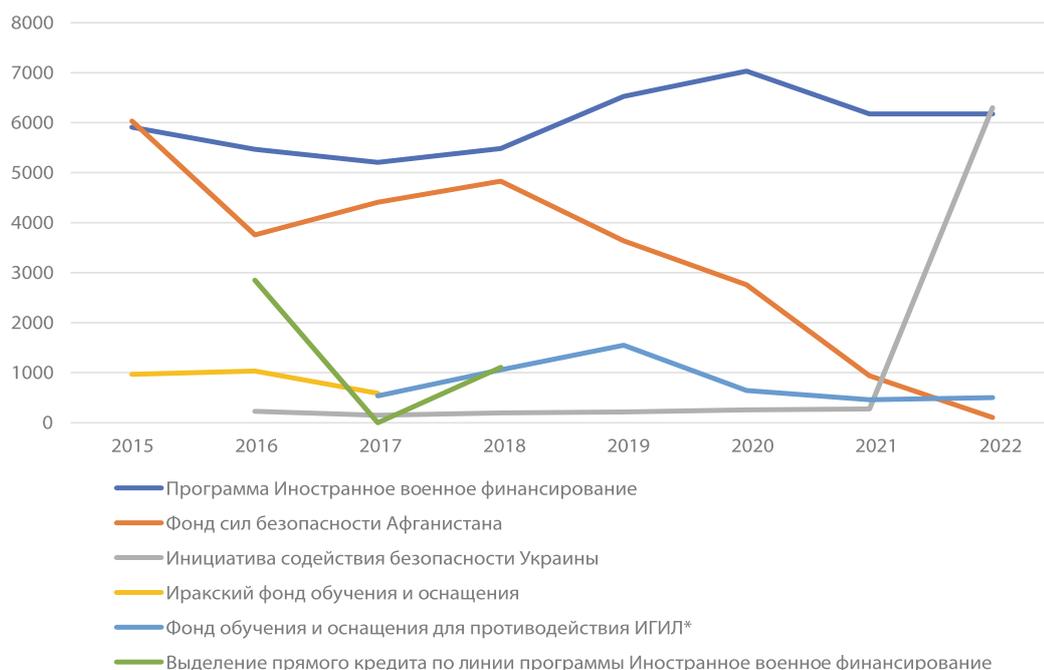
Например, инициатива Чрезвычайный президентский план по борьбе со СПИДом (*President's Emergency Plan for AIDS Relief, PEPFAR*) стартовала при администрации Дж. Буша-мл. и продлевалась всеми американскими президентами после него, в то время как запущенная при Д. Трампе Инициатива глобального развития и процветания женщин, направленная на расширение экономических прав и возможностей женщин во всем мире, прекратила свое существование со сменой главы Белого дома.

Другой источник финансирования – это фонды, которые чаще всего также

создаются под одну конкретную внешнеполитическую задачу США и выступают катализатором или агрегатором помощи для определенной страны или цели. Например, Фонд сил безопасности Афганистана аккумулировал большую часть финансовых средств, выделяемых для этой ближневосточной страны Соединенными Штатами. Деятельность фонда предполагала расходы на безопасность, управление и развитие, гуманитарную помощь и агентские операции²⁰, он представлял собой удобный механизм управления и распределения американской помощи Афганистану. Этот фонд был самым большим получателем военной помощи США в период 2008–2019 гг. В 2020–2021 гг. крупнейшим ее реципиентом стал Израиль. Аналогичный фонд был создан во время иракской кампании США (*Iraq Security Forces Fund*), удерживавший лидерство по получению военной помощи Вашингтона с 2006 по 2007 г. Еще раньше, в 2005 г., львиную долю финансовых средств по линии военной помощи получил другой фонд, связанный с Ираком, – Фонд помощи и восстановления Ирака (*Iraq Relief and Reconstruction Fund*).

Представим график инициатив и фондов, по линии которых проходит основная передача военной американской помощи (рис. 3). В него, кроме прочих, включена для сравнения и государственная программа Минобороны Иностранное военное финансирование, которая распространяется на большое количество стран, являясь одним из лидеров среди агрегаторов передаваемых средств из бюджета.

Рисунок 3. Основные программы, фонды и инициативы, связанные с военной помощью США, 2015–2022 гг.

Источник: составлено автором по данным *ForeignAssistance.gov*²¹ 2015–2020 гг., Обоснования бюджета Конгресса 2022²² и 2023²³ гг., отчетов Министерства обороны США²⁴ и отчета Исследовательской службы Конгресса по Украине²⁵.

²⁰ *H.Res.532 - Third Reconstruction: Fully addressing poverty and low wages from the bottom up*. 118th Congress (2023-2024). Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-resolution/532/text> (accessed 03.04.2023).

²¹ *ForeignAssistance.gov...*

²² *Congressional Budget Justification Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. Fiscal Year 2022*. 2021. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/05/FY-2022-State_USAID-Congressional-Budget-Justification.pdf (accessed 02.04.2023).

²³ *Department of Defense Budget Fiscal Year (FY) 2023*. 2022. Available at: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2023/FY2023_CTEF_J-Book.pdf (accessed 02.04.2023).

²⁴ *U.S. Security Cooperation with Ukraine*. United States Department of State. 04.04.2023. Available at: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-ukraine/> (accessed 04.04.2023).

²⁵ *U.S. Security Assistance to Ukraine*. Congressional Research Service Report. 27.02.2023. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12040> (accessed 03.04.2023).

Траты по линии фондов и инициатив, решающих внешнеполитические задачи США, сопоставимы с расходами программы Иностранное военное финансирование. Кроме того, стоит учитывать, что США оказывают военную помощь в приоритетных для себя регионах или странах и параллельно по нескольким каналам. Например, в 2022 г. Киев получил военной помощи по меньшей мере на 6.3 млрд долл. в рамках Инициативы содействия безопасности Украины и 1.547 млрд долл. по линии *FMF*²⁶, что составило примерно четверть расходов последней в 2022 г. Также украинская сторона получила на значительные суммы технику и оружие, передаваемые, согласно президентским поручениям²⁷, из arsenалов американской армии. Таким образом, объемы военной помощи демонстрируют нынешние внешнеполитические приоритеты США, а использование инструмента специальных фондов или инициатив позволяет им объединять предоставление как военной, так и других видов помощи одной стране или региону в рамках единой программы для выполнения тех или иных внешнеполитических задач. В качестве иллюстрации последнего тезиса рассмотрим пример Украины после начала СВО и, в частности, функционирования Инициативы содействия безопасности Украины.

ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ УКРАИНЕ В 2022–2023 ГГ.

Инициатива содействия безопасности Украины была запущена в 2015 г. при президенте Б. Обаме. Изначально в ее рамках американцы выделили 250 млн долл. (из них на военную помощь – 226.5 млн). Уже в следующем 2016 г. сумма должна была вырасти до 350 млн, если бы Украина добилась успехов в реформировании вооруженных сил [3, с. 102]. Однако в итоге, по данным Исследовательской службы Конгресса США, в 2016 г. она получила только 148.6 млн долл. военной помощи через Инициативу содействия безопасности Украины²⁸, и вплоть до 2021 г. объем выделяемых через эту инициативу Вашингтоном средств сохранялся примерно на том же уровне, не превышая 300 млн долл. в год.

Несмотря на то, что для военной помощи Украине была создана специальная инициатива, объемы финансирования не позволяют говорить о ее приоритетности для американской администрации. Она рассматривалась в большей степени как некий вариант сдерживания России, которому в тот период еще не придавали первостепенной важности [11, р. 94]. Основные траты и поставки военной помощи тогда направлялись в первую очередь в страны Ближнего Востока и Северной Африки, а также в Афганистан и граничащий с ним Пакистан [5, с. 52]. Изначально в рамках инициативы Украина получала нелетальное вооружение и военное оборудование (бронежилеты, каски, транспортные средства, приборы ночного видения, современные радиостанции, патрульные катера и другие его виды). Также с 2015 г. началось обучение американскими инструкторами украинских военных на территории Украины, а с апреля 2022 г. и за ее пределами [12, р. 333]. В 2018 г. администрация Д. Трампа одобрила продажу Киеву комплексов *Javelin* [13, р. 11], начав поставки летального оружия²⁹. Однако с 2022 г. и начала специальной военной операции России американские траты на военную помощь Украине выросли многократно. По данным Исследовательской службы Конгресса, со старта СВО до 23 января 2023 г. администрация Дж. Байдена выделила Украине более 27.1 млрд долл. на помощь в области безопасности. Далекое не все из этого было поставлено по линии инициативы, однако именно она фигурирует в принимаемых Конгрессом США документах и в законах о помощи Украине (подробнее о них будет сказано далее).

²⁶ U.S. Security Assistance to Ukraine...

²⁷ Президентские поручения – это инструмент, который позволяет президенту США при определенных обстоятельствах предоставлять оружие, боеприпасы и оборудование из существующих военных запасов государства другим странам.

²⁸ U.S. Security Assistance to Ukraine...

²⁹ США одобрили поставки Украине ракет *Javelin* на сумму \$47 млн. *РИА Новости*, 02.03.2018. Available at: <https://ria.ru/20180302/1515587217.html?ysclid=lq53ci39ua996004677> (accessed 02.04.2023).

К 23 января 2023 г. США поставили или обязались поставить³⁰ следующие виды вооружений: 38 ракетных систем залпового огня *HIMARS* и боеприпасы к ним; 8 зенитно-ракетных комплексов *NASAMS*; один комплекс ПВО *Patriot* и ракеты к нему; 31 танк *M1 Abrams*, 45 танков *T-72B* и 109 БМП *Bradley*; 300 БТР *M113* и 90 БТР *Stryker*; 20 вертолетов *Mu-17*; более 1600 переносных зенитных комплексов *Stinger*; более 8.5 тыс. противотанковых систем *Javelin* и более 50 тыс. других противотанковых систем; более 1.8 тыс. тактических беспилотных летательных аппаратов *Phoenix Ghost*, 700 тактических БПЛА *Switchblade* и других БПЛА; 160 155-мм и 72 105-мм гаубиц с боезапасом и более 1.5 млн артиллерийских снарядов; 30 120-мм минометных систем и 166 тыс. мин для них; дистанционные противоминные системы *RAAM*; 2590 ракет с оптическим отслеживанием и проводным наведением *TOW*, высокоскоростных противорадиолокационных ракет *HARM* и ракетных систем с лазерным наведением; более 13 тыс. гранатометов и стрелкового оружия; средства связи, радиолокации и разведки и многое другое.

Кроме того, США разрешили союзникам поставлять Украине некоторые виды своего вооружения, а также компенсируют им поставки имеющегося в их распоряжении советского вооружения, передаваемого Киеву, своей современной техникой.

Как видно из вышеприведенного списка, в основном акцент делается на дальнобойное оружие, легкие ручные гранатометы и комплексы ПЗРК с минимальным наличием тяжелых танков, необходимых для больших наступлений и прорывов укрепленной линии обороны. Это демонстрирует намерения американских властей и их предпочтительное видение конфликта. Поставляемое Украине оружие позволяет обороняться, но недостаточно для нападения и ведения полномасштабного наступления. Кроме того, сравнительно небольшое количество зенитных ракетных комплексов не дает возможности прикрыть полностью объекты инфраструктуры. В то же время его достаточно для создания угрозы российским самолетам. Большое количество ручных гранатометов и ПЗРК показывает, что США предлагают Украине использовать тактику городов-крепостей по типу Мариуполя или Бахмута, что делает очень сложной задачу их взятия без разрушения (в таких условиях нельзя полноценно применять танки, низколетающие штурмовики и вертолеты, а использование бомбардировщиков в городе без его разрушения практически невозможно). Таким образом, приоритет в поставках данных типов вооружений демонстрирует желание американских властей сильно замедлить продвижение российской армии по украинской территории, разрушить российские коммуникации и уничтожить склады (при содействии точной спутниковой разведки США [16, р. 649]), но чтобы при этом украинская сторона не смогла проводить полноценные наступления, особенно в глубь территории России, чреватые прямым столкновением РФ с Соединенными Штатами.

Всего к 23 января 2023 г. США обязались потратить на помощь Украине 48.7 млрд долл. в рамках различных пакетов помощи. Из них 25.93 млрд предназначались на восполнение запасов Пентагона взамен переданного оборудования и оружия Украине, 18 млрд должны были пойти через Инициативу содействия безопасности Украины, а 4.73 млрд по программе Иностранное военное финансирование и частично – по программе Военных продаж. В общую сумму 48.7 млрд также входят средства на операции Европейского командования США и соответствующую поддержку вооруженных сил США в Европе³¹. Как видим, большая часть средств, выделяемых для Украины, останется в Соединенных Штатах, обернувшись дополнительными доходами компаний американского оборонно-промышленного комплекса.

Для поддержки Украины США применяют множество различных инструментов. Основные из них – президентские поручения, с помощью которых администрация президента выделяет помощь без консультаций с Конгрессом в рамках сумм, Конгрессом одобренных ранее (так происходило в 2022 и 2023 фин. гг.). Оружие и оборудование, анонсированное по этому каналу, обычно поставляется сразу из запаса американской армии. Вторым по важности каналом военной помощи является Инициатива содействия безопасности Украины.

³⁰ U.S. Security Cooperation with Ukraine...

³¹ U.S. Security Assistance to Ukraine...

5 марта 2022 г. президент США Дж. Байден подписал Закон о сводных ассигнованиях на 2022 г., частью которого стал Закон о дополнительной помощи Украине (*S.3811 – Ukraine Supplemental Appropriations Act, 2022*), предусматривающий выделение Украине 13.6 млрд долл. до конца финансового года. В его рамках было также запланировано пополнение канала президентских поручений на нужды Украины, объемом 3.5 млрд долл. 21 мая 2022 г. был подписан новый президентский закон “Дополнение к закону о дополнительной помощи Украине” (*H.R.7691 – Additional Ukraine Supplemental Appropriations Act, 2022*) о выделении сверхплановых 40 млрд, которые требовалось потратить до конца 2022 фин. г. Для 2023 фин. г. был принят новый “Закон о дополнительной помощи Украине” (*Ukraine Supplemental Appropriations Act, 2023*), утвердивший очередную сумму в 45 млрд долл.³² Однако на фактические поставки оружия и оборудования планировалось потратить только 9 млрд долл. в рамках инициативы *USAI*. Остальные средства были представлены или в виде других видов помощи (экономической и гуманитарной), или направлены на нужды союзников в Европе (в основном для восполнения переданной ими Украине техники). Кроме того, 11.88 млрд долл. предназначались для восполнения американскими военными складами оружия, переданного Украине ранее. С 2023 фин. г. увеличивался и бюджет для президентских поручений, этот механизм позволял Киеву получить оружия, военной техники и оборудования еще на 14.5 млрд долл.

Непосредственно военные поставки реализуются по уже упомянутым программам Иностранное военное финансирование, Военных продаж, Обучение и подготовка иностранных военнослужащих, а также Закупки оборудования и оружия в третьих странах и программе Поставок излишков военной продукции (*Excess Defense Articles, EDA*). В феврале 2022 г. США использовали программу Поставок излишков военной продукции для передачи Украине вертолетов Ми-17, ранее закупленных для Афганистана у России, и Программу прямых коммерческих продаж (*Direct Commercial Sales, DCS*). Кроме того, Вашингтон побуждает своих союзников передавать Украине вооружение советского производства (или закупленное ранее российское), взамен поставляя американское. Дополнительно в мае 2022 г. был принят Закон о ленд-лизе для Украины [14, р. 79], однако этот канал поставок так и не начал работать, поскольку киевские власти сочли более выгодным получать вооружение и технику в рамках украинской инициативы или поручений президента, чем по условиям ленд-лиза (за поставленное по ленд-лизу и оставшееся после окончания боевых действий оружие и оборудование пришлось бы заплатить, что не устраивало украинские власти). Действительно, при условии удержания Демократической партией США большинства в обеих палатах Конгресса проблем с принятием законов о “щедрых” поставках для Украины не возникало, и необходимости в ленд-лизе не было. Таким образом, основным механизмом предоставления помощи пока остаются поставки, выделяемые согласно президентским поручениям. Этот способ позволяет администрации американского президента эффективно управлять ситуацией и регулировать степень вовлеченности США в конфликт.

Оружие и снаряжение, обещанное в рамках поручений президента, может поставляться из различных источников. Это создает Белому дому еще один инструмент контроля процесса, поскольку передаче подлежит в первую очередь то, что необходимо для достижения выгодных для США результатов. Формально все необходимое может поставляться стране-реципиенту из запасов американской армии в самые короткие сроки – буквально сразу после официального объявления (на деле передачи нередко осуществляются еще до их анонса). Но также обещанное оружие или оборудование может быть заказано для производства, тогда срок поставок сильно увеличивается. Например, дальнобойные управляемые бомбы *GLSDB* для установок *HIMARS*, предназначенные Вашингтоном для передачи Киеву, на момент анонсирования еще не были произведены, между тем цикл их выпуска и доставки должен составить более полугода³³. Объявив об их поставках, администрация Байдена, с одной стороны, удовлетворила “ястребов”, требующих поставок ракет дальнего радиуса для Украины, а с другой – выбрала менее опасный вариант и отсрочила его исполнение, не повышая степень своего участия в конфликте на данном этапе.

³² *Additional Ukraine Supplemental Appropriations Act, 2023*. 117th Congress (2023-2024). Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/6833> (accessed 02.04.2023).

³³ Stone M. U.S. Readies \$2 Billion-Plus Ukraine Aid Package with Longer-Range Weapons. *Reuters*, 01.02.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-readies-2-bln-plus-ukraine-aid-package-with-longer-range-weapons-sources-2023-01-31/> (accessed 02.04.2023).

Схожая ситуация сложилась с поставками танков *Abrams*. Чтобы склонить правительство Германии к передаче танков *Leopard-2* Украине и разрешению их реэкспорта другими странами Европейского союза, США объявили о поставках Украине 31 танка *Abrams*. Однако при этом подразумевалось не изъятие имеющихся машин из запасов американской армии, а их заказ и изготовление. Таким образом Вашингтон достиг сразу нескольких целей: во-первых, Украина все же получила западные танки, которые должна была использовать для летнего наступления, во-вторых, основным поставщиком танков выступила Германия, и без того драматически ухудшившая отношения с Россией в условиях санкционной политики ЕС. В-третьих, США обеспечили новые контракты на танки собственного производства, в том числе и в станах, отдающих свои “Леопарды” в обмен на “Абрамсы”. Фактически перед США открывается возможность стать главным поставщиком танков в Европе. Таким образом, предпочтение в поставках тех или иных типов вооружений и возможность влиять на сроки этих поставок позволяет судить о приоритетных внешнеполитических целях Вашингтона и принципах модернизации им конфликта на выгодных для себя условиях [15, р. 21], включая новые контракты американского ОПК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военная помощь – это прямой внешнеполитический инструмент. С его помощью Соединенные Штаты оказывают влияние на различные страны, достигая приоритетных для себя целей и решая собственные задачи. В отличие от экономической помощи и официальной помощи развитию, которые в большей мере направлены на укрепление американской “мягкой силы” и содействию развитию стран Глобального Юга, военная помощь позволяет США управлять (или по крайней мере пытаться это делать) теми или иными региональными и мировыми политическими процессами. В целом американскую военную помощь можно разделить на долгосрочную, которая оказывается в основном союзникам на постоянной основе, и ситуационную, выделяемую в ответ на какие-либо события.

Анализ расходов США на политику помощи и основные программы военной помощи позволяет сделать вывод о том, что поддержка ключевых союзников обычно осуществляется по программе Иностранное военное финансирование. Главным реципиентом этой программы является Израиль, объемы военной помощи которому ежегодно растут, а его поддержка в США обеспечивается в том числе различными произраильскими лобби в американских Конгрессе и компаниях ВПК. Другие два крупнейших реципиента военной помощи по данной программе – Египет и Иордания, арабские государства – соседи Израиля, чья стабильность рассматривается США как некая гарантия относительного спокойствия на Ближнем Востоке и безопасности для Израиля. Именно эти три страны в настоящее время получают большую часть помощи по программе Иностранное военное финансирование. Можно предположить, что данная тенденция будет сохраняться, с учетом того, что политические противники – Д. Трамп и Дж. Байден неоднократно заявляли об этих намерениях.

В то же время, в случае возникновения каких-то внешнеполитических задач, требующих быстрого реагирования или особого подхода, Соединенные Штаты создают специальные фонды, инициативы и программы, ориентированные на решение конкретного вопроса или регулирование конкретной кризисной ситуации международной значимости. Финансирование военной помощи часто осуществляется именно через эти структуры.

Нынешний украинский кейс демонстрирует, что военная помощь может осуществляться не только в рамках “классических” программ Министерства обороны или специально созданных фондов или инициатив, но и путем специальных поручений президента в рамках одобренной ранее Конгрессом суммы бюджетных расходов. Это наиболее быстрый способ передачи техники и оружия, когда оно передается без какого-либо участия Конгресса напрямую со складов американской армии или же закупается у союзников.

Кроме того, США активно побуждают союзников к ротации имеющихся у них вооружений путем передачи части арсеналов стране, которой они хотят оказать поддержку (в данном случае Украине) взамен поставок собственного производства. Такие схемы преследуют

несколько целей: во-первых, действительное дополнительное вооружение реципиента, во-вторых, получение новых контрактов для американского ОПК, в-третьих, доминирование собственных военно-технических стандартов в среде союзников, вытеснение вооружений советского/российского и европейского производства заокеанскими моделями и технологиями. В совокупности все это увеличивает зависимость союзников и получателей помощи от Соединенных Штатов.

Также в руках США сосредоточено управление номенклатурой поставок: именно они решают, какой тип вооружения, в какие сроки, в каком количестве и кому будет предоставлен. Это позволяет существенно влиять на ход конфликта, не вмешиваясь в него напрямую, но фактически выступая его модератором. Модерация, соответственно, направляет развитие событий в то русло, которое выгодно Соединенным Штатам. Например, поставки дальнобойной артиллерии, легкобронированных машин, ручных гранатометов и ПЗРК, вместо тяжелых танков и стационарных комплексов ЗРК, вынуждают Украину использовать тактику городов-крепостей, что приводит к затяжным боям и разрушениям этих городов, не давая шанса ни одной из сторон на быстрое и массивное продвижение. Таким образом, участвуя в конфликте лишь опосредованно, США ощутимо влияют на его течение.

В целом значимость военной помощи как внешнеполитического инструмента для Вашингтона в перспективе будет нарастать. Объемы этой помощи иллюстрируют и будущие приоритеты Соединенных Штатов во внешней политике. В настоящее время они увеличили поставки оружия Тайваню, а подписанный президентом Байденом Закон об ассигнованиях на национальную оборону на 2023 фин. г. помимо прочего разрешил выделить до 10 млрд долл. в течение следующих пяти лет на модернизацию сил безопасности Тайваня "для сдерживания агрессии со стороны Пекина"³⁴. Также была учреждена специальная Инициатива по безопасности Тайваня. Все это позволяет сделать вывод о том, что США готовятся сделать Тайвань своим новым приоритетом в плане оказания военной помощи. В течение последних 20 лет США ни разу не выделяли весомых объемов ситуационной военной помощи двум странам одновременно. Это может означать, что в случае усиления конфронтации Китая с Тайванем, приоритеты США изменятся, и помощь Украине начнет сокращаться при наращивании тайваньской.

Этот тезис подтверждает атака Израиля силами ХАМАС 7 октября 2023 г., которая внесла заметные изменения в общий расклад сил и приоритеты США. Внимание мировой общественности и самих американцев переключилось на Ближневосточный регион. Соединенные Штаты уже нарастили поставки оружия Израилю³⁵, а Палата представителей одобрила пакет помощи Израилю на 14.3 млрд долл. без упоминания в нем Украины³⁶. Этот законопроект не был принят в Сенате³⁷, из-за позиции демократов, настаивавших на выделении помощи совместно Израилю и Украине. В целом же администрация Байдена столкнулась с трудностями в Конгрессе относительно выделения больших сумм для помощи Киеву, так как республиканцы требовали увязать помощь с выделением средств на защиту южной границы США от нелегальных мигрантов, что недопустимо для демократической администрации Байдена, так как мигранты являются важным избирательным ресурсом демократов.

Кроме финансового вопроса, возникла проблема нехватки 155-мм снарядов: если ранее предполагалось, что Украине будут поставляться снаряды из израильских запасов Пентагона (и частично это осуществлялось)³⁸, то в условиях ведения активных военных действий самим

³⁴ Biden Signs \$858bn Defense Bill Including Funds for Taiwan, Allies. *Nikkei Asia*, 24.12.2022. Available at: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Taiwan-tensions/Biden-signs-858bn-defense-bill-including-funds-for-Taiwan-allies> (accessed 02.04.2023).

³⁵ Bloomberg сообщил об увеличении военной помощи Израилю со стороны США. *РБК*, 15.11.2023. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/15/11/2023/65545f019a7947357d2e8277> (accessed 04.12.2023).

³⁶ Палата представителей США одобрила пакет помощи Израилю без упоминания Украины. *Лента.ру*, 03.11.2023. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/11/03/palata-predstaviteley-ssha-odobrila-paket-pomoschi-izrailyu-bez-upominaniya-ukrainy> (accessed 04.12.2023).

³⁷ Senate Blocks House Bill to Help Israel, Cut IRS. *The Hill*, 14.11.2023. Available at: <https://thehill.com/homenews/senate/4310130-senate-blocks-house-bill-israel-irs/> (accessed 04.12.2023).

³⁸ СМИ: Пентагон отправляет на Украину боеприпасы из Израиля. *РИА Новости*, 18.01.2023. Available at: <https://ria.ru/20230118/ssha-1845618206.html> (accessed 04.12.2023).

Израиелем от этой схемы пришлось отказаться³⁹. Затягивание боевых действий в секторе Газа еще более снижает вероятность наращивания помощи Украине.

Таким образом, даже если локальный конфликт Израиля с ХАМАС серьезно уменьшил выделение помощи Украине Соединенными Штатами, то в случае начала гипотетического полноценного конфликта за Тайвань, поддержка США прочих “ситуационных протезе” с большей степенью вероятности прекратится. В то же время, европейские члены НАТО не располагают достаточным для обеспечения Киева количеством оружия и боеприпасов, а кроме того, несут сильные финансовые издержки от отказа от полноценной торговли и противостояния с Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Бартнев В.И. Особенности финансирования программ международной помощи при администрации Д. Трампа: от инаугурации до “украинагейта”. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 2019, т. 11, № 4, сс. 68-113. [Bartnev V.I. Specifics of Foreign Assistance Allocation Under the Trump Administration: From Inauguration to ‘Ukrainegate’. *Lomonosov World Politics Journal*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 68-113. (In Russ.)]
2. Бартнев В.И. Помощь США арабским странам при администрации Д. Трампа: Логика дифференцированного подхода. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 2020, т. 12, № 4, сс. 131-170. [Bartnev V.I. The U.S. Assistance to the MENA Arab Countries under the Trump Administration: The Logic of a Differentiated Approach. *Lomonosov World Politics Journal*, 2020, vol. 12, no. 4, pp. 131-170. (In Russ.)] DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-4-131-170
3. Бартнев В.И. Американские программы помощи зарубежным странам в области безопасности: прошлое, настоящее, будущее (часть II). *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 2019, т. 9, № 1, сс. 93-117. [Bartnev V.I. U.S. Security Assistance Programs: Past, Present, Future (Part II). *Lomonosov World Politics Journal*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 93-117. (In Russ.)]
4. Давыдов А.А. Зарубежная помощь США: помощь развитию как инструмент внешней политики (часть 2). *Пути к миру и безопасности*, 2018, № 2, сс. 9-21. [Davydov A.A. U.S. Foreign Aid: Development Aid as a Foreign Policy Tool (Part 2). *Pathways to Peace and Security*, 2018, no. 2, pp. 9-21. (In Russ.)] DOI: 10.20542/2307-1494-2018-2-9-21
5. Приходько О.В. Американская политика в отношении Украины. *Обозреватель*, 2016, № 10, сс. 43-61. [Prikhodko O.V. The US Policy Towards Ukraine. *Observer*, 2016, no. 10, pp. 43-61. (In Russ.)]
6. Тимакова О.А. Программы партнерства НАТО и планы глобального доминирования альянса. *Обозреватель*, 2015, № 3(302), сс. 56-66. [Timakova O.A. NATO Partnership Programs and Alliance’s Idea of a Global Domination. *Observer*, 2015, no. 3(302), pp. 56-66. (In Russ.)]
7. Tama J. *Anti-Presidential Bipartisanship in U.S. Foreign Policy Under Trump: The Case of the International Affairs Budget*. SSRN. 24.06.2019. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3393170 (accessed 03.07.2023).
8. Sperling J., Webber M. Trump’s Foreign Policy and NATO: Exit and Voice. *Review of International Studies*, 2019, vol. 45, pp. 511-526. DOI: 10.1017/S0260210519000123
9. Winkler S. U.S.-Chinese Strategic Competition and the Ukraine War: Implications for Asian-Pacific Security. *Czech Journal of International Relations*, 2023, vol. 85, no. 1, pp. 1-32. DOI: 10.32422/mv-cjir.153
10. Arežina S. U.S.-China Relations Under the Trump Administration: Changes and Challenges. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 2020, vol. 5, no. 3, pp. 289-315. DOI: 10.1142/S2377740019500210
11. Woźniak M. The Ukraine Crisis and Shift in US Foreign Policy. *International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal*, 2016, no. 18(2), pp. 87-102. DOI: 10.1515/ipcj-2016-0011
12. Marsh N. Responding to Needs: Military Aid to Ukraine During the First Year after the 2022 Invasion. *Defense & Security Analysis*, 2023, vol. 39, no. 3, pp. 329-352. DOI: 10.1080/14751798.2023.2235121
13. Deyermont R. The Trump Presidency, Russia and Ukraine: Explaining Incoherence. *International Affairs*, 2023, vol. 99, pp. 1-20. DOI: 10.1093/ia/iad120
14. Ramya K. The Interplay Between Neutrality, Qualified Neutrality and Co-Belligerency in the Context of U.S. Intervention in the Russia-Ukraine War. *International and Comparative Law Review*, 2023, vol. 23(1), pp. 72-94. DOI: 10.2478/iclr-2023-0004
15. Charap S., Priebe M. *Avoiding a Long War: U.S. Policy and the Trajectory of the Russia-Ukraine Conflict*. Santa Monica, RAND Corporation, 2023. 32 p. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep47143> (accessed 04.12.2023).
16. The United States and Allies Provide Military and Intelligence Support to Ukraine. *American Journal of International Law*, 2022, vol. 116, iss. 3, pp. 646-652. DOI: 10.1017/ajil.2022.31

³⁹ Three Weapons That Israel and Ukraine Both Need from the U.S. *The New York Times*, 22.10.2023. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/10/22/us/politics/israel-ukraine-weapons.html> (accessed 04.12.2023).

БОРЬБА ЗА “ЛЕДЯНУЮ АФРИКУ”¹? ГРЕНЛАНДИЯ МЕЖДУ КОЛОНИАЛЬНЫМ ПРОШЛЫМ, ИНТЕРЕСАМИ США И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВТОНОМИЕЙ ЕС

© БЕЛУХИН Н.Е., 2024

БЕЛУХИН Никита Евгеньевич, аспирант, младший научный сотрудник отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (belukhin@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7505-2356

Белухин Н.Е. Борьба за “ледяную Африку”? Гренландия между колониальным прошлым, интересами США и стратегической автономией ЕС. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 1, сс. 39-51. DOI: 10.20542/afij-2024-1-39-51

DOI: 10.20542/afij-2024-1-39-51

EDN: EAVALR

УДК: 327+323(48)

Поступила в редакцию 21.02.2024.

После доработки 15.03.2024.

Принята к публикации 10.04.2024.

Статья посвящена внешнеполитическому позиционированию Гренландии в представлениях и риторике современной гренландской элиты. Особое внимание уделено нынешнему этапу развития автономной территории, связанному с возможностью заключения соглашения о свободной ассоциации, предусмотренной проектом конституции Гренландии, который был опубликован в апреле 2023 г. На основе анализа периода 2019–2023 гг. представлена характеристика ключевых событий на следующих направлениях внешнеполитических контактов Гренландии: датско-гренландские отношения, инуитский интернационализм, где особая роль отводится связям с инуитами Канады, Гренландия в арктической стратегии США и ее одновременное взаимодействие с Китаем и, наконец, возросший интерес ЕС и отдельных европейских стран к датской автономии, которая может сыграть важную роль в реализации стратегической автономии Евросоюза. Проведенное исследование политических дискуссий показало, что гренландская элита успешно использовала колониальные “травмы” и формирующийся круг контактов с крупными внешними игроками для давления на Копенгаген и расширения влияния в условиях отсутствия значимых экономических успехов, сравнимых с теми, которых добились Фарерские острова – другая датская автономия. Стремление Гренландии повысить собственную субъектность затрудняет ее использование Копенгагеном как на американском направлении для укрепления особых отношений с Вашингтоном, так и в качестве вклада в стратегическую автономию ЕС. Датское руководство, таким образом, оказывается в ловушке гренландского потенциала, так как активное его применение в отношении с ЕС, НАТО, США и другими субъектами мировой политики может привести к обратному давлению на Копенгаген со стороны Гренландии и дальнейшему отдалению и росту самостоятельности арктической автономии.

¹ Словосочетание, распространившееся в СМИ осенью 2022 г., буквально в переводе с датского – “Африка на льду” (дат. *Afrika på is*). Выражение принадлежало лидеру Консервативной народной партии Дании Сёрен Пепе, и, по его собственному признанию, было произнесено в беседе на встрече в посольстве США в Дании в феврале 2021 г. Подробнее см.: Mosegaard E.B., Zacho A. Pape erkender Grønland-sviner. *Ekstra Bladet*, 07.10.2022. Available at: <https://ekstrabladet.dk/nyheder/politik/valg22/pape-erkender-groenland-sviner/9459380> (accessed 01.02.2024). Смысл фразы – сравнение Гренландии с развивающимися странами Глобального Юга, преимущественно Африки. Позднее политик принес извинения за некорректное высказывание в адрес гренландцев, но продолжил считать такое сопоставление оправданным.

Ключевые слова: Дания, Гренландия, стратегическая автономия ЕС, США, Фарерские острова, колониализм, Канада, инуиты, оборонная политика, парадипломатия.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

A FIGHT FOR 'THE ICY AFRICA'? GREENLAND CAUGHT BETWEEN THE COLONIAL PAST, THE U.S. ARCTIC INTERESTS AND THE EU STRATEGIC AUTONOMY

Received 21.02.2024. Revised 15.03.2024. Accepted 10.04.2024.

Nikita E. BELUKHIN (belukhin@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7505-2356, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article deals with the foreign policy priorities of Greenland as they are reflected in the perception and rhetoric of the contemporary Greenlandic elites. The special focus is on the current stage of the autonomous territory's development, in particular the possibility of concluding a free association agreement, as envisaged in the draft constitution of Greenland, published in April 2023. With the 2019–2023 period as a basis, the article provides an insight into the key events of the following areas of Greenland's foreign policy contacts: the Danish-Greenlandic relations, Inuit internationalism where the bonds with the Inuit of Canada are of most significance, Greenland's place in the U.S. Arctic strategy and its great-power competition with China, and, finally, the increased interest of the EU and certain European countries in fostering relations with the Danish Arctic autonomy, which can contribute to developing the EU strategic autonomy. The study of the political discourse has shown that Greenlandic elites have been successfully using colonial 'traumas' and a growing circle of contacts with major external actors to exact pressure on Copenhagen and expand its political leverage despite the absence of substantial economic successes comparable to those achieved by the Faroe Islands, another Danish autonomy. Greenland's desire to increase its own actorness on the international scene makes it difficult for Copenhagen to use the 'Greenland card' both in its relations with the USA to revitalize the special relations with the key ally and as a contribution to the EU strategic autonomy. The Danish leadership is thus entrapped by Greenland's own economic and foreign policy potential, since the widespread use of Greenland in relations with the EU, NATO, the United States and other actors of world politics could potentially lead to the renewed mounting pressure on Copenhagen from Greenland and to the autonomy's further alienation and diplomatic self-sufficiency.

Keywords: Denmark, Greenland, EU strategic autonomy, USA, Faroe Islands, colonialism, Canada, the Inuit, defence policy, paradiplomacy.

About the author: Nikita E. BELUKHIN, Postgraduate Student, Junior Researcher, Department for European Political Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ГРЕНЛАНДИЯ НА ПУТИ К МЕЖДУНАРОДНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ?

Одним из ранних прогнозов внешнеполитического будущего Гренландии после вступления в силу Закона об автономии 2009 г. в среде ученых-международников стала

потенциальная необходимость ее выбора между ориентацией на США как потенциальное “убежище” или опорой на сотрудничество с Северной Европой, где главную роль играли бы отношения с Данией, но уже тогда главным тезисом исследователей было постепенное движение Гренландии к независимости [1]. К началу 2020-х годов все более важное значение для Гренландии начали приобретать отношения с ЕС, который в совместном коммюнике “Более активное участие ЕС для мирной, устойчивой и процветающей Арктики» в 2021 г. посвятил связям с датской автономией отдельный тематический блок². Причем если ранее речь велась, главным образом, о сотрудничестве в сферах образования и рыболовства, то новый круг интересов включил полезные ископаемые и возобновляемые источники энергии (ВИЭ) [2].

Публикация в апреле 2023 г. проекта будущей конституции независимой Гренландии придала этому вопросу особое значение, так как предложенный текст содержал положение о возможности заключения соглашения о свободной ассоциации с потенциальным “государством-спонсором”, гипотетически – не только с Данией. В соответствии с новым дополнением к коалиционному соглашению от апреля 2022 г., которое две гренландские партии “Сиумут” и “Инуит Атакатигийт” согласовали осенью 2023 г., было создано специальное министерство, которое будет курировать процесс перехода новых областей управления к автономным властям и достижение потенциальной независимости. Учрежденное ведомство подчинено министерству иностранных дел Гренландии, объединенному в 2022 г. с министерством промышленности и торговли³. В сферу его компетенции входит также процесс “примирения Гренландии и Дании” в рамках исследования спорных вопросов общего прошлого после Второй мировой войны во время модернизации и трансформации традиционного образа жизни на острове. Приоритетом работы нового министерства объявлено расширение полномочий Гренландии во внешней политике. В январе 2024 г. на стадии подготовки находилась и первая в истории автономии собственная внешнеполитическая стратегия⁴. Эти события делают, с одной стороны, востребованным анализ дипломатических достижений Гренландии к началу 2024 г., а с другой – прогноз ее дальнейшего взаимодействия с иностранными партнерами. В настоящей статье основное внимание уделено периоду 2019–2023 гг., включающему парламентские выборы в Дании в июне 2019 г. и ноябре 2022 г. и аналогичные выборы в Гренландии в апреле 2021 г., серьезно сместившие экономические приоритеты острова⁵. Рассматриваемый период также характеризовался для Гренландии непредсказуемостью и повышенной напряженностью в первую очередь в связи с пандемией COVID-19 и кризисом работы Арктического совета после начала специальной военной операции РФ на Украине. В российской научной литературе отсутствует анализ взаимовлияния различных векторов внешней политики и парадипломатии Гренландии и того, какое отражение внешнеполитические приоритеты автономии находят у гренландской и датской элит, и которые зачастую оказываются на пересечении интересов более крупных игроков.

Между тем это векторное пересечение вкпе с промышленным развитием влияет на социально-экономическое развитие и приоритеты парадипломатии Гренландии. К примеру, они способствуют урбанизации: сегодня около 83% населения проживает в городах и 34% в столице – Нууке. Сам Нуук позиционируется как ключевой источник развития всей автономии и главный центр ее контактов с внешним глобализованным миром, что маргинализует малые традиционные поселения, так как приоритет отдается концентрации людских и материальных ресурсов в городах – флагманах экономического роста и привлечения

² Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. European Commission. 13.10.2021. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf (accessed 08.02.2024).

³ Overgaard J. W. Grønlandsk rokade: IA og Siumut deler ligeligt departementerne i regeringen. *Altinget*, 27.09.2023. Available at: <https://www.altinget.dk/navnenyt/groenlandsk-rokade-ia-og-siumut-deler-ligeligt-departementerne-i-regeringen> (accessed 08.02.2024).

⁴ В гренландских СМИ этот документ зачастую упоминается как “первая стратегия в области внешней политики, обороны и безопасности”, однако первый документ такого рода, который представлял собой одновременно и стратегию, и правительственный доклад по внешней политике был впервые опубликован в октябре 2011 г. Подробнее см.: Gad U.P., Jacobsen M. 300 år med et forviklet fællesskab. *DIIS*, 26.05.2021. Available at: <https://www.diis.dk/publikationer/300-aar-forviklet-faellesskab> (accessed 21.02.2024).

⁵ Белухин Н. *Переполах на “урановом острове”*. Российский совет по международным делам. 11.04.2021. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/nikita-belukhin/perepolokh-na-uranovom-ostrove/> (accessed 08.02.2024).

иностранных инвестиций [3].

В совместной монографии датских, американских и канадских исследователей 2018 г., посвященной международным связям Гренландии, указывалось, что использование дискурса колониального прошлого, с одной стороны, позволяет ей влиять на изначально сугубо двусторонние переговоры США и Дании и расширять собственную внешнеполитическую субъектность. С другой стороны, оно ограничивает дипломатические возможности, вынуждая, в частности, искать согласие с представителями Циркумпольного совета инуитов⁶, которые придерживаются иных взглядов на самоопределение и суверенитет. Взаимодействие с автономной территорией, стремящейся к независимости, вызывает неудобства и у китайских дипломатов [4]. Антиколониальная риторика приводит и к противоречивым заявлениям гренландских политиков, которые говорят и о желании более прочного и широкого сотрудничества с США как альтернативе датскому покровительству, но вместе с тем не забывают о несправедливостях и ущербе, связанными с присутствием американской стороны, и стремятся включить их в общий контекст колониальных травм⁷. При этом в самой Дании интерес к постколониализму и изучению собственного колониального прошлого начал проявляться лишь с начала 1990-х годов, то есть позднее, чем в других европейских странах [5].

Интерес к внешнеполитическим контактам Гренландии обусловлен и тем, что благодаря этой территории в составе датского государства Дания имеет статус прибрежного арктического государства. В Европейском союзе на начало 2024 г. нет другого государства-члена с подобным статусом, хотя сама Гренландия формально не входит в ЕС. Структурно статья состоит из четырех разделов. В первых двух дается анализ развития основных сфер внешнеполитических контактов Гренландии и связанных с ними противоречий до начала 2024 г., затем представлено отражение этих внешнеполитических приоритетов в восприятии и риторике местной политической элиты. В заключении сравниваются возможные тенденции отношений Гренландии и с Данией и внешними игроками.

ДАТСКО-ГРЕНЛАНДСКОЕ “ПРИМИРЕНИЕ” И ИНУИТСКОЕ ЕДИНСТВО

Датский историк Торкиль Кьергор из Гренландского университета в Нууке считает ошибочным приписывать Гренландии статус датской колонии и рассматривать датско-гренландские отношения через призму колониализма, сравнивая их с опытом Канады или ЮАР. Согласно его оценкам, она была равноправной частью датского королевства, а гренландские инуиты в отличие от других коренных народов Западного полушария единственные сохранили свою идентичность, избежав участи североамериканских и латиноамериканских индейцев⁸. Более того, по его мнению, Дания и Норвегия, напротив, поспособствовали тому, чтобы Гренландия в XVII в. не стала британской или голландской колонией. Историк также считает, что создание совместной комиссии Дании и Гренландии по исследованию спорных моментов общего прошлого только “понижит статус Гренландии и ее самовосприятие, прочно закрепив за ней роль жертвы...”, но при этом видит возможность для создания исторической комиссии, которая бы взялась за тщательное изучение процесса модернизации гренландского общества в 1945–2000 гг. По мнению Т. Кьергора, этот процесс развивался “невероятно успешно”, но при этом был “для многих травматичным”. Вместо попыток использовать тематику колониализма с его несправедливостью для давления на Копенгаген у Гренландии есть возможность заявить противоположное и говорить о себе как успешном арктическом обществе – единственном в Западном полушарии избежавшем завоевания и колонизации, сохранившем культуру коренного населения. Подобные взгляды и предложения встречались у датских ученых и политиков и раньше [6].

⁶ Англ. *Inuit Circumpolar Council (ICC)* – международная неправительственная общественная организация инуитов (эскимосов) четырех стран: Канады, США (Аляска), Дании (Гренландия) и России (Чукотка).

⁷ Lyngø A. Grønlands strategiske placering og drømmen om selvstændighed. *Solidaritet*, 04.10.2023. Available at: <https://solidaritet.dk/groenlands-strategiske-placering-og-droemmen-om-selvstaendighed/> (accessed: 20.11.2023).

⁸ Kjærgaard T. Historiker: Udredning er en sørgelig misforståelse, som i bedste fald vil falde fra hinanden. *Altinget*, 20.10.2022. Available at: <https://www.alinget.dk/arktis/artikel/historiker-groenland-var-aldrig-en-koloni> (accessed 16.11.2023).

Скептицизм ученого в отношении новой попытки “примирения”, начатой в июне 2022 г., отчасти обоснован, так как предыдущая гренландская комиссия, созданная в августе 2014 г. и представившая итоговый доклад в декабре 2017 г., работала без датского участия и вызвала множество противоречий и непонимания в самой Гренландии. Глава правительства автономии Алеки Хаммонд – инициатор этой идеи, была вынуждена со скандалом покинуть свою должность в самом начале работы комиссии, что заведомо обрекло исследование на неудачу. В Гренландии деятельность комиссии сначала была встречена шквалом общественной критики, а позднее практически не упоминалась ни в СМИ, ни в политических дискуссиях⁹.

После разрешения территориального спора между Данией, Гренландией и Канадой по поводу острова Ханса (соответствующий договор ратифицирован в декабре 2023 г.) оживилось гренландско-канадское пограничное сотрудничество. В октябре 2023 г. было подписано соглашение об экологическом сотрудничестве в районе Пикиаласорсуак, крупнейшей арктической полярной льдины, которое предполагало создание рабочей группы для разработки норм природопользования с учетом потребностей инуитов по обе стороны границы¹⁰. При этом между Циркумпольным советом инуитов и гренландскими властями существуют различия в понимании суверенитета. Для нынешних гренландских политических лидеров суверенитет синонимичен обретению полноценной государственности, в то время как ЦСИ на основе Декларации о суверенитете в Арктике, принятой в апреле 2009 г., опирается на особую негосударственную интерпретацию суверенитета. Инуиты в соответствии с этой декларацией считают себя неразрывной частью Арктики, а Арктику – неотъемлемой частью себя, своей идентичности и образа жизни, поэтому любое государство, которое принимает участие в управлении арктическими территориями и ресурсами, не может не учитывать их деятельность, интересы и права [7]. Гренландский инуит Аккалук Лунге, бывший председатель Циркумпольного совета инуитов, показательно подчеркивал, что нахождение *modus operandi* с коренными народами – обладателями уникальных и непревзойденных знаний о жизни в полярных широтах – является “первоочередной ответственностью” всех арктических государств [8].

Новый этап пограничного сотрудничества показывает, что представители Гренландии и канадской территории Нунавут воспринимают разделяющую их границу как искусственную. Стремление расширить транснациональную мобильность коренных народов в полярных регионах, помимо контактов в сферах образования, культуры, рыболовства и устойчивого развития, было подтверждено меморандумом о взаимопонимании, подписанном в августе 2022 г. на полях форума Арктический круг [9]. Кроме того, с 26 июня по 23 октября 2024 г. гренландская авиакомпания *Air Greenland* планирует возобновить маршрут между Нууком и Икалуитом, крупнейшим городом Нунавута, который ранее действовал в 1979–1993 гг. и частично в 2012–2015 гг. Возобновление воздушного сообщения между двумя территориями после долгого перерыва подается руководством компании как расширение международного сотрудничества Гренландии и свидетельствует о возросшем желании местного населения посещать пограничные регионы и участвовать в пограничном сотрудничестве между Нунавутом и Гренландией¹¹. Вместе с тем другие проекты экономического развития Гренландии, также связанные с крупными компаниями, принадлежащими автономному правительству, пока сталкиваются со значительными трудностями¹².

Серьезной проблемой датско-гренландских отношений остается нестабильность коалиционных правительств в Гренландии, которые часто распадаются, меняют условия

⁹ Andersen A.N. Et ambivalent opgør. *DIIS*, 25.05.2021. Available at: <https://www.diis.dk/node/24837> (accessed 09.02.2024).

¹⁰ Kristensen K. Hensigtserklæring: Blus på samarbejde mellem Grønland og Canada om Pikialasorsuaq. *Sermitsiaq*, 19.10.2023. Available at: <https://sermitsiaq.ag/node/247243> (accessed 14.02.2024).

¹¹ Skouboe C. G. Air Greenland åbner rute til Canada. *Check-in*, 17.10.2023. Available at: <https://check-in.dk/air-greenland-aabner-rute-til-canada-2/> (accessed 20.02.2024).

¹² К примеру, реструктуризация и реформа компании *Royal Arctic Line*, монополиста внутренних и внешних морских грузовых перевозок в Гренландии, с целью снижения зависимости от датской инфраструктуры и рынка пока принесли лишь ограниченные успехи. В частности, штаб-квартира компании была перенесена в Нуук, в 2020 г. создан альянс с исландской компанией *Eimskip*, расширяющий логистические возможности Гренландии, в корпоративном руководстве появилось больше гренландских менеджеров, в Дании контейнерные перевозки компании были перенесены из Ольборга в более крупный порт Орхус, ориентированный на глобальные контейнерные потоки. Подробнее см.: Breum M. *Greenland's Royal Arctic Line in Murky Waters*. *High North News*, 11.01.2024. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/greenlands-royal-arctic-line-murky-waters> (accessed 09.02.2024).

межпартийных соглашений и оказываются вынуждены объявлять о досрочных выборах, что затрудняет проведение долгосрочной макроэкономической политики¹³. Главным “подводным камнем” текущего межпартийного согласия, сложившегося в апреле 2022 г. и дополненного в сентябре 2023 г., может стать вопрос добычи урана, который с 2009 г. продолжает раскалывать гренландское общество и партии. В партии “Сиумут” традиционно сильны настроения в пользу повторной отмены моратория на урановую добычу (впервые он был отменен в октябре 2013 г., но восстановлен в ноябре 2021 г.). Коалиционным соглашением от 11 апреля 2022 г. зафиксировано, что отмена моратория на добычу и разведку минеральных ресурсов в районах, содержащих даже низкий уровень урана и других радиоактивных элементов, возможна только путем референдума, что было вновь подтверждено устными заявлениями в сентябре 2023 г. Высказывались также идеи о частичном разрешении добычи урана в отдаленных от населенных пунктов районах¹⁴.

ЗНАЧЕНИЕ ГРЕНЛАНДИИ ДЛЯ АРКТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ США И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ ЕС

В контексте расширившегося американо-гренландского взаимодействия (особенно после августа 2019 г., когда президент США Д. Трамп высказал идею о возможности Соединенных Штатов приобрести Гренландию) стоит отметить, что с 1 октября 2023 г. гренландская компания *Inuvsuk* в соответствии с ранее согласованным в декабре 2022 г. контрактом взяла на себя обслуживание американской базы Питуффик, крупнейшего военного объекта США на территории острова¹⁵. Это существенный источник доходов для гренландского бюджета: в 2023–2035 гг. США планируют выделить около 28 млрд датских крон на модернизацию и обслуживание базы. Компания *Inuvsuk*, исходя из норм социальной корпоративной ответственности, руководствуется принципом “Гренландия прежде всего”, что на практике означает приоритизацию найма гренландских рабочих, использования местных компаний в качестве посредников, сотрудничество с профсоюзами и образовательными учреждениями автономии¹⁶. Передача обслуживания американской базы в руки гренландской компании стала важным показателем сближения США и Гренландии, переговоры по этому вопросу тянулись с 2014 г., и стимулировал их завершение стратегический интерес Вашингтона. Стоит отметить, что США дали датской стороне почувствовать свою заинтересованность в долгосрочном присутствии на острове сразу же после Второй мировой войны, и государственный секретарь Джеймс Бернс предлагал в 1946 г. купить Гренландию, что, однако, не нашло интереса у Дании, но стало одним из факторов принятия итогового решения о вступлении страны в НАТО [10].

Однако военное присутствие США и их возможности по обеспечению безопасности Гренландии по важности и объему пока превышают американские инструменты “мягкой силы”, что оставляет нишу в том числе и для ЕС, который в феврале 2023 г. именно в Нууке провел Арктический форум и диалог коренных народов¹⁷. Изначально ЕС планировал открыть представительство в Гренландии в 2023 г., но подготовка этого шага и набор персонала затянулись, событие перенеслось на 2024 г. До марта 2024 г. ему препятствовало отсутствие соглашения между Данией и Европейской комиссией¹⁸. ЕС также не спешит проявлять излишнюю инициативу в экономических и торговых вопросах и в отношении с фарерской автономией. Несмотря на критику продления рыболовного соглашения между Россией и Фарерскими островами, которое существует с 1977 г., на 2023 г. и 2024 г., Евросоюз

¹³ Keldsen C. Et roligt grønlandsk 2023 i en urolig verden. *Grønlands Erhverv*, 10.01.2024. Available at: <https://sulisisut.gl/nyheder/et-roligt-groenlandsk-2023-i-en-urolig-verden/> (accessed 14.02.2024).

¹⁴ Breum M. Breum: Ny pragmatisk koalitionsaftale i Nuuk forhindrer splittelse og valg. *Altinget*, 02.10.2023. Available at: <https://www.alinget.dk/arktis/artikel/breum-ny-pragmatisk-koalitionsaftale-i-nuuk-forhindrer-splittelse-og-valg> (accessed 14.02.2024).

¹⁵ Nielsen S.B. Dansk og grønlandsk glæde over Thule-aftale med USA: Det skal sikre flere arbejdspladser. *Danmarks Radio*, 17.12.2022. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/indland/dansk-og-groenlandsk-glaede-over-thule-aftale-med-usa-det-skal-sikre-flere> (accessed 12.02.2024).

¹⁶ Berthelsen J. Inuvsuk er nu i Pituffik Space Base. *Sermitsiaq*, 01.10.2023. Available at: <https://sermitsiaq.ag/node/246897> (accessed 12.02.2024).

¹⁷ Holm M.M.F. Giganterne kæmper om Grønlands gunst. *KNR*, 18.02.2023. Available at: <https://knr.gl/en/node/98737> (accessed 12.02.2024).

¹⁸ Krog A. EU-kontor i Nuuk lader vente på sig. *Altinget*, 09.11.2023. Available at: <https://www.alinget.dk/arktis/artikel/eu-kontor-i-nuuk-lader-vente-paa-sig> (accessed 20.11.2023).

не готов к заключению нового торгового соглашения с Фарерами взамен действующего с 1997 г., которое бы экономически теснее привязало автономию к ЕС и снизило зависимость от России.

Фарерские острова также имеют договор о зоне свободной торговли с Великобританией как крупным экспортером морепродуктов (от 2019 г.)¹⁹, в то время как Гренландия лишь приступила к формальным аналогичным переговорам с британской стороной в январе 2022 г.²⁰ Промедление в этом вопросе создает для одной из ключевых рыболовных компаний Гренландии *Royal Greenland* бюрократическую путаницу и приносит дополнительные расходы²¹. Несмотря на это, наряду с расширением сотрудничества с ЕС, торговые отношения Великобритании и Гренландии в ближайшем будущем будут одним из приоритетов для автономного правительства.

Правовая база отношений Гренландии и ЕС более сложная, чем у Фарер, что не позволяет легко воспроизводить ее при заключении соглашений с отдельными странами. Хотя отсутствие “российского фактора” и негативного опыта “рыбных войн” облегчает взаимодействие, повышение роли ЕС во внешних связях Гренландии предполагает и особую ответственность, ведь в отличие от Фарерских островов Гренландия испытывает больше сложностей в социально-экономическом развитии²².

В ноябре 2023 г. состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между ЕС и Гренландией с намерениями развивать сотрудничество в области критически важного сырья и других ресурсов, хотя ЕС пока менее вовлечен в гренландские проекты, чем США. На территории Гренландии находятся 25 из 34 критически важных ресурсов, в настоящее время обозначенных Европейской комиссией. ЕС уже вступил в схожие стратегические ресурсные партнерства с Канадой, Украиной, Казахстаном, Намибией, Замбией и другими странами, но Гренландия представляет собой первое субнациональное образование, автономную территорию, с которой было заключено подобное соглашение²³. Кроме того, около половины бюджета программы сотрудничества ЕС с заморскими странами и территориями на период 2021–2027 гг. будет отведено именно сотрудничеству с Гренландией²⁴. Строгие экологические нормы для промышленности ЕС также могут оказаться более приемлемы для гренландского общественного мнения, которое очень болезненно относится к вопросам возможного ущерба для окружающей среды. Но в целом ЕС в гренландском вопросе пока отстает от других крупных игроков и еще только разрабатывает подходы к взаимодействию с датскими автономиями в условиях кризиса арктического сотрудничества и роста интереса великих держав к Арктике.

Складывается парадоксальная ситуация, когда у Гренландии появляется возможность приобрести сразу два “убежища”: США как военную основу национальной безопасности, чье вооруженное присутствие приносит финансовые доходы правительству, и ЕС как источник экономического развития и нормативной трансформации национального бизнеса и общества, что в перспективе может содействовать выходу на новые рынки

¹⁹ Turnowsky W. Færøerne og Storbritannien har underskrevet frihandelsaftale. *Sermitsiaq*, 01.02.2019. Available at: <https://sermitsiaq.ag/node/211287> (accessed 03.02.2024).

²⁰ Mininnguaq Kleist optimist: Håber på en frihandelsaftale med briterne i år. *Sermitsiaq*, 07.04.2023. Available at: <https://sermitsiaq.ag/node/243631> (accessed 03.02.2024).

²¹ Tornsberg L. Brexit-handelsaftalen tynger Royal Greenlands forretning i Storbritannien. *Fiskerforum*, 10.01.2024. Available at: <https://fiskerforum.dk/brexit-handelsaftalen-tynger-royal-greenlands-forretning-i-storbritannien/> (accessed 12.02.2024).

²² По расчетам Национального банка Дании, номинальный ВВП на душу населения на Фарерских островах в 2021 г. составлял 431 тыс. датских крон, что превышало соответствующий датский показатель в 425 тыс. крон., в Гренландии же аналогичный показатель в 2021 г. составлял 360.9 тыс. крон. Средний показатель роста реального ВВП Фарерских островов в 2013–2023 гг. составил 3.4%, что уверенно превосходит как средний уровень по ЕС в 1.4%, так и средний рост ВВП Дании в 2.1%. В 2021 и 2022 гг. реальный фарерский ВВП вырос на 5.8 и 5.4% соответственно. Эти экономические успехи, по всей видимости, вдохновили новое фарерское правительство, сформированное в декабре 2022 г., на постепенное снижение датских дотаций. Подробнее см.: *Færøsk økonomi. Højkonjunktur og voksende reformbehov*. Danmarks Nationalbank. 09.01.2023. Available at: <https://www.nationalbanken.dk/media/vyihyfra/hojkonjunktur-og-voksende-reformbehov.pdf> (accessed 04.02.2024).

²³ *EU and Greenland Sign Strategic Partnership on Sustainable Raw Materials Value Chains*. European Commission. 30.11.2023. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6166 (accessed 09.02.2024).

²⁴ Lin C. Greenland–EU Mining Agreement: ‘We Are Starting from a Blank Sheet of Paper’. *Polar Journal*, 06.12.2023. Available at: <https://polarjournal.ch/en/2023/12/06/greenland-eu-mining-agreement-were-starting-from-a-blank-sheet-of-paper/> (accessed 09.02.2024).

и приобретению подлинной глобальности. В этой ситуации при активных действиях США и ЕС роль Дании как донора и патрона Гренландии рискует снизиться, а активное использование Копенгагеном “гренландского фактора” в отношениях с Вашингтоном и Брюсселем может одновременно придать гренландской автономии дополнительные стимулы для достижения формального статуса независимого государства и разрыва существующего Содружества Дании, Гренландии и Фарерских островов (дат. *Rigsfælleskab*). Дальнейшему самостоятельному сотрудничеству Гренландии и ЕС способствует и то, что на практике регулирование их отношений фактически перешло в руки гренландских чиновников, строивших карьеру уже при существовании сначала местного гренландского самоуправления, а позднее и автономии. Это же обстоятельство усугубляет отдаленность от Дании [11].

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ВОСПРИЯТИИ И РИТОРИКЕ ГРЕНЛАНДСКОЙ ЭЛИТЫ

По словам Айи Хемнитц, гренландского депутата в датском Фолькетинге, внешняя политика Гренландии “на 90% должна состоять из торговых вопросов”, то есть заключаться в создании новых внешнеполитических контактов и расширении гренландского экспорта. Но если в марте 2023 г. она говорила также о том, что “Гренландия и Фарерские острова должны иметь на руках собственные внешнеполитические стратегии, прежде чем приступать к обновлению общей арктической стратегии Королевства”²⁵, то ранее, в феврале 2020 г., тогдашний министр иностранных дел Гренландии Анне Лоне Баггер заявляла обратное и утверждала, что усилия автономного правительства должны быть в первую очередь направлены на разработку новой общей арктической стратегии, а не ревизию гренландского внешнеполитического курса 2011 г.²⁶

Подобный контраст говорит об обострении отношений с Копенгагеном всего за три года со стороны автономии. Закономерно встают вопросы об устойчивости нынешнего курса и его итогах в представлении гренландской элиты. Конкретные цели правительства автономии при осуществлении давления на Копенгаген скорее определяются текущими потребностями, чем стратегическим видением и тактикой малых шагов по достижению независимости. В 2019–2023 гг. риторика в отношении Дании явно ужесточилась. К примеру, в 2019 г. спикер партии Сиумут, комментируя ежегодные внешнеполитические доклады правительства за 2019 и 2020 гг., говорил о сотрудничестве в рамках Содружества как о приоритете партии, подчеркивал необходимость выработки общей для всех трех сторон оборонной политики и подхода к великим державам²⁷, упоминал общий вклад в защиту здоровья граждан во время пандемии²⁸. В комментарии к докладу о внешней политике за 2021 г. он же уже открыто заявил, что Дания пользуется внешнеполитическими полномочиями для сохранения контроля над Гренландией и что именно автономия делает Данию большим и сильным королевством, представляющим ценность для НАТО²⁹. В комментариях 2022 г. появляются обвинения в том, что с “Гренландией до сих пор обращаются как с колонией”, а важные области управления держатся в тайне от гренландцев и не передаются автономным властям³⁰.

²⁵ Chemnitz A. De to største globale kriser – klimakrisen og krigen i Ukraine – påvirker direkte Arktis. *Inuit Ataqatigiit*, 15.03.2023. Available at: <https://ia.gl/da/2023/03/15/de-to-stoerste-globale-kriser-klimakrisen-og-krigen-i-ukraine-paavirker-direkte-arktis/> (accessed 21.02.2024).

²⁶ Bagger A.L. Grønlands selvstyre til Aaja Chemnitz: Vi har faktisk en udenrigspolitisk plan. *Altinget*, 20.02.2020. Available at: <https://www.alinget.dk/arktis/artikel/groenlands-selvstyre-til-aaja-chemnitz-vi-har-faktisk-en-udenrigspolitisk-plan> (accessed 21.02.2024).

²⁷ Kruse K.K. *Ordførerindlæg 1. beh. fra Siumut*. Inatsisartut. 21.10.2019. Available at: https://ina.gl/media/t5ejimsq/pkt14_em2019_udenrigspolitisk_rg_ordf_siunut_da.pdf (accessed 21.02.2024).

²⁸ Kuko M.H. *Ordførerindlæg fra Siumut*. Inatsisartut. 29.10.2020. Available at: https://ina.gl/media/bfaq2srm/pkt14_em2020_udenrigspolitisk_redegoerelse_ordf_siunut_da.pdf (accessed 21.02.2024).

²⁹ *Ordførerindlæg fra Siumut*. Inatsisartut. 18.11.2021. Available at: https://ina.gl/media/bqhfjrl/pkt14_em2021_ordf_siunut_da.pdf (accessed 21.02.2024).

³⁰ Jensen D.J. *Ordførerindlæg fra Siumut (modtaget 22/12/2022)*. Inatsisartut. 25.10.2022. Available at: https://ina.gl/media/us4b45xa/imm14_uka2022_nunanut-allanut-nassuiaat_dojj_siunut_dk.pdf (accessed 21.02.2024).

По мнению Аккалука Лунге, основателя партии “Инуит Атакатигиит” и ветерана гренландской и инуитской политики, Гренландия должна в первую очередь сосредоточиться на реализации полного потенциала Закона о самоуправлении 2009 г., который подразумевал возможность перехода 32 областей управления в ведение автономных властей, но спустя почти 14 лет значительного прогресса не достигнуто³¹. Для А. Лунге главным ориентиром выступает дальнейшее сотрудничество с Данией в рамках Содружества для укрепления институциональных основ гренландской автономии, особенно когда международная неопределенность не позволяет надеяться на ресурсы внешних игроков вроде США или ЕС, переживающих внутренние политические кризисы³². Примечательно, что политик, стоявший у истоков движения за самоуправление и автономизацию Гренландии, считает, что включение острова со статусом амта – то есть как равноправной части в состав Дании в ходе конституционной реформы 1953 г., было продиктовано не принуждением со стороны Копенгагена, а прагматизмом, так как сохранить прежнюю изоляцию, традиционный образ жизни и исконные занятия и поселения инуитов в неприкосновенности после Второй мировой войны (в том числе, с учетом возросшего интереса США к Гренландии) не представлялось возможным³³.

На другом полюсе политических настроений находятся радикальные сторонники независимости, к примеру, председатель партии “Налерак” и представитель более молодого поколения Пеле Броберг, который считает реформу 1953 г. “аннексией Гренландии” и выступает за прекращение отношений с Данией в формате неравноправного Содружества, но при этом оставляет возможность заключения с бывшей метрополией соглашения о свободной ассоциации. При этом П. Броберг всячески подчеркивает, что решение о политическом будущем Гренландии должны принимать этнические инуиты, а не датчане, проживающие на территории автономии³⁴.

В настоящее время из восьми основных гренландских политических партий шесть можно отнести к сторонникам независимости и две условно обозначить как “юнионистские” [12]. Кроме того, две наиболее крупные и влиятельные партии “Сиумут” и “Инуит Атакатигиит” придерживаются в вопросах экономического развития левых позиций, уделяя большое внимание проблемам социального равенства и гарантиям социального обеспечения³⁵.

Коалиционное правительство, сформированное в апреле 2022 г. из партий “Сиумут” и “Инуит Атакатигиит”, пытается проводить некий срединный курс. С одной стороны, оказывается давление на Данию путем затягивания подготовки собственной внешнеполитической стратегии, которая нужна для принятия датской арктической стратегии³⁶, и выдвигаются требования большего политического равноправия,

³¹ К началу 2024 г. автономные власти в рамках Закона об автономии 2009 г. взяли на себя лишь управление природными ресурсами и регулирование условий труда в акватории Гренландии, что было осуществлено 1 января 2010 г. и проистекло из самого текста закона, но остальные 32 области, которые автономия может взять под свой контроль, по-прежнему в ведении Копенгагена. Подробнее см.: *Oversigt over sagsområder, der er overtaget af Grønlands hjemmestyre (I og II) henholdsvis Grønlands Selvstyre (III). Grønlandsudvalget (GRU) Alm. del, 2022-23 (2. samling). Bilag 14.* 17.01.2023. Available at: <https://www.ft.dk/samling/20222/almdel/gru/bilag/14/index.htm> (accessed 20.11.2023).

³² Lyng A. Aqqaluk Lyng: Stormagterne vil næppe anerkende en ny statsdannelse i Arktis. *Altinget*, 28.08.2023. Available at: <https://www.altinget.dk/arktis/artikel/aqqaluk-lyng-stormagterne-vil-naeppe-ankende-en-ny-statsdannelse-i-arktis> (accessed 20.11.2023).

³³ Подробнее см.: Lyng A. Grønlands strategiske placering og drømmen om selvstændighed. *Solidaritet*, 04.10.2023. Available at: <https://solidaritet.dk/groenlands-strategiske-placering-og-droemmen-om-selvstaendighed/> (accessed 20.11.2023); *Rigsombudsmanden i Grønland. Orientering* № 3. 24.02.2023. Available at: https://www.rigsombudsmanden.gl/media/11950/orientering-03-2023_.pdf (accessed 20.11.2023).

³⁴ Broberg P. Pele Broberg om fri association: Valget står mellem selvstændighed eller fortsat annektering. *Altinget*, 21.09.2023. Available at: <https://www.altinget.dk/arktis/artikel/pele-broberg-om-fri-association-valget-staar-mellem-selvstaendighed-eller-fortsat-annektering> (accessed 20.11.2023).

³⁵ В этом отношении интерес для исследователей может представлять изучение гренландского опыта взаимодействия с корпоративным сектором и использования его ресурсов в интересах местного развития. Но, как было отмечено в монографии, посвященной широкому спектру вопросов развития Арктики, устойчивые механизмы консультаций между коренными народами и компаниями, как и инструменты более эффективной реализации социальной корпоративной ответственности еще находятся в процессе создания [13].

³⁶ С конца 2020 г. до начала 2024 г. Дания фактически три года остается единственной арктической страной, которая не имеет арктической стратегии. В ноябре 2023 г. министр иностранных дел Дании Ларс Лёкке Расмуссен во время парламентских обсуждений заявил, что это может вызвать сложности при итоговой реализации стратегии, а также назвал Королевство Дания

в частности, назначения на пост старшего должностного лица в Арктическом совете представителя Гренландии, а не карьерного датского дипломата. С другой стороны, правительство не форсирует дальнейшую проработку проекта конституции независимой Гренландии, опубликованного в апреле 2023 г. Только в октябре 2023 г. власти автономии заявили о намерении выработать дальнейший план обсуждений документа и привлечь к ним местную общественность³⁷. Кроме того, действующее гренландское правительство добивается и большего равенства в институтах северного сотрудничества – Северного совета и Совета министров северных стран. К примеру, премьер-министр Гренландии Муте Эгед, выступая на 75-ой сессии Северного совета в Осло 31 октября 2023 г., заявил, что “Гренландия хочет быть полноценной частью целого сообщества северных стран, а не только его отдельных областей”, иначе сам факт гренландского участия в этих институтах придется пересмотреть³⁸.

Подобное неконструктивное и отчасти провокационное поведение, по всей видимости, направленное на оказание давления на Копенгаген, после выборов 2021 г. стало более регулярным. Так, в ноябре 2023 г. члены комитета по вопросам безопасности и внешней политики автономного парламента Инатсисартута заявили, что не видят необходимости в постоянных встречах с коллегами из парламентов Дании и Фарерских островов³⁹. В своих праздничных новогодних речах 31 декабря 2023 г. главы автономий также решили не упоминать решение королевы Маргрете II отречься от престола и каким-либо образом комментировать его значение для будущего Содружества, несмотря на большую личную популярность датского королевского дома среди фарерского и гренландского населения⁴⁰. Такое “громкое молчание” обращает на себя внимание еще и потому, что Маргрете II, которая 14 января 2024 г. передала престол своему старшему сыну Фредерику X, посещала нынешнюю арктическую автономию более 20 раз и лично передавала главам Гренландии законы о введении самоуправления с 1 мая 1979 г. и позднее с 21 июня 2009 г. об учреждении гренландской автономии⁴¹. Кроме того, гренландские представители, заседающие в датском парламенте Фолькетинге, проявляют большую политическую активность, чем представители Фарерских островов⁴².

Вместе с тем гренландские власти более прагматично стали относиться к военно-политическим вопросам. Если весной 2021 г. они говорили о демилитаризации и категорично отвергали арктическое оборонное соглашение, согласованное Данией в феврале 2021 г., то в настоящее время помимо одобрения соглашения Гренландия в марте 2023 г. получила специального представителя в НАТО, а в феврале 2023 г. министром иностранных дел Гренландии Вивиан Мотцфельдт даже заявляла, что “Гренландия должна быть готова передать больше земельных ресурсов для использования в военных целях”⁴³.

“арктическим государством”, а Гренландию “арктической страной”, проводя различие между их статусами. В январе 2024 г. общественно-политический портал *Altinget* даже отказался от новых прогнозов сроков принятия стратегии после трех неудачных попыток в 2021 г., 2022 г. и 2023 г. Подробнее см.: Krog A. Løkke 'afventer respektfuldt' Grønlands udenrigsstrategi. *Altinget*, 13.11.2023. Available at: <https://www.altinget.dk/arktis/artikel/loekke-afventer-respektfuldt-groenlands-udenrigsstrategi> (accessed 22.11.2023); Krog A. Efter tre års fejlslagne spådomme: I år kommer den arktiske strategi (måske). *Altinget*, 04.01.2023. Available at: <https://www.altinget.dk/arktis/artikel/efter-tre-aars-fejlslagne-spaadomme-i-aar-kommer-den-arktiske-strategi-maaske> (accessed 05.02.2024).

³⁷ Veirum T.M. Forfatnings-udkast: Udvalg tilslutter sig Naalakkersuisut-plan. *Sermitsiaq*, 14.11.2023. Available at: <https://sermitsiaq.ag/node/247706> (accessed 20.11.2023).

³⁸ Eks-præsident: Dumt at forlade råd. *Sermitsiaq*, 09.11.2023. Available at: <https://sermitsiaq.ag/node/247625> (accessed 29.11.2023).

³⁹ Krog A. Grønlandske politikere siger nej til faste møder med danske og færøske kolleger. *Altinget*, 16.11.2023. Available at: <https://www.altinget.dk/arktis/artikel/groenlandske-politikere-siger-nej-til-faste-moeder-med-danske-og-faeroeske-kolleger> (accessed 02.02.2024).

⁴⁰ Jensen N. Ingen nytårshilsen til afgangende dronning i grønlandske og færøske taler. *AvisenDenmark*, 02.01.2024. Available at: <https://avisendenmark.dk/kultur/ingen-nytaarshilsen-til-afgaende-dronning-i-groenlandske-og-faeroeske-taler> (accessed 02.02.2024).

⁴¹ Berthelsen J. Tronskiftet: Folketingets fornemme budbringer takker af. *Sermitsiaq*, 13.01.2024. Available at: <https://sermitsiaq.ag/node/248801> (accessed 02.02.2024).

⁴² Sørensen H.N. Grønlandske politikere laver mere i Folketinget end de færøske. *KNR*, 28.02.2022. Available at: <https://knr.gl/da/nyheder/gr%C3%B8nlandske-politikere-laver-mere-i-folketinget-end-de-f%C3%A6r%C3%B8ske> (accessed 02.02.2024).

⁴³ Strandsbjerg J., Nielsen R.L. Forskere: Ruslands invasion har gjort Grønlands vigtigste samarbejdsorgan impotent. *Altinget*, 22.03.2023. Available at: <https://www.altinget.dk/arktis/artikel/forskere-ruslands-invasion-har-gjort-det-vigtigste-samarbejdsorgan-for-groenland-impotent> (accessed 29.11.2023).

ГРЕНЛАНДИЯ В КРУГУ ДРУЗЕЙ?

Несмотря на рост военных и невоенных потенциальных угроз в настоящее время у Гренландии скорее появились дополнительные стимулы расширения дипломатических контактов и занятия более жесткой позиции в отношениях с Данией. Эти изменения международной среды отмечены и зарубежными учеными, которые указывают, что для гренландских инуитов секьюритизация как средство защиты национальных интересов менее актуальна и востребована, чем для инуитов Канады [14]. Это подтверждается и тем, что согласно первому в гренландской практике опросу населения о внешней политике и вопросах безопасности в ноябре-декабре 2020 г., большинство жителей автономной территории предсказуемо озабочены внутренними вопросами, а именно экономической ситуацией (19.5%), безработицей (17.2%), ростом стоимости жизни (16.6%) и климатическими изменениями (11.3%), в то время как военные угрозы и интересы крупных держав в Арктике вызывают беспокойство менее 5% населения [15].

Как отмечает российский исследователь вопросов международной безопасности А.В. Загорский, с учетом воссоздания в 2018 г. Атлантического командования НАТО, главной зоной соприкосновения ВМС России и Североатлантического альянса является Норвежское море и смежная зона Северной Атлантики и Арктики, “в то время как в северных морях почти на всем протяжении российского и канадского арктического побережья, на севере Гренландии, как и в центральной части СЛО” возможности временного и тем более постоянного военного присутствия существенно ограничены [16]. К примеру, в случае Дании речь может идти скорее о создании более эффективной системы мониторинга и слежки за внешней активностью, поддержании суверенитета в обширных арктических акваториях, но не размещении группировок ВМС.

Гренландия заинтересована в позиционировании себя как стабильной и перспективной гавани для иностранных инвестиций, а одобрение военно-политических проектов на своей территории стремится сопровождать условиями, способствующими мирному развитию. Так, в июне 2021 г. автономное правительство остановило действие нефтяной стратегии на 2020–2024 гг. и выдачу лицензий на поиск новых нефтегазовых месторождений, подчеркнув, что предыдущая стратегия на 2014–2018 гг. не принесла ожидаемых результатов⁴⁴. Компания *Nunaoil A/S*, созданная в 1985 г. и принадлежавшая гренландской автономии, в связи с этим решением была упразднена, и вместо нее в декабре 2022 г. создана *NunaGreen A/S*, которая специализируется на ВИЭ, и в ноябре 2023 г. Гренландия в связи с набирающим обороты “зеленым переходом” ЕС присоединилась к Парижскому соглашению по климату⁴⁵.

Вероятно, Гренландия продолжит следовать многовекторной дипломатии, так как направления ее внешнеполитического курса балансируют и дополняют друг друга, а также дают возможность демонстрировать дипломатическую самостоятельность. Кроме того, нынешнее гренландское правительство не склонно к резким внешнеполитическим шагам и скорее проводит размеренный курс, при этом регулярно требуя от датской стороны большего уважения интересов автономии. В отношениях с Данией болезненные вопросы и травмы колониального прошлого, требования равноправия и большей защиты собственных интересов позволяют Гренландии заявлять о себе как о самостоятельной силе, действующей независимо от Копенгагена, поэтому в среднесрочной перспективе можно ожидать новых обострений и взаимных датско-гренландских обвинений.

Копенгаген в этом отношении оказывается в затруднительном положении. Его резкие выпады и самостоятельные шаги будут расценены как принуждение, давление и возвращение к колониальным неравноправным практикам. Это в свою очередь делает Гренландию, которая остается основой арктического статуса Дании и представляет в этом плане особое значение для ЕС, несмотря на ее военно-географический и геоэкономический

⁴⁴ Stop for olieeftersforskning i Grønland. Departementet for Råstoffer og Justitsområdet. *Naalakkersuisut*, 15.07.2021. Available at: https://naalakkersuisut.gl/Nyheder/2021/07/1507_oliestop?sc_lang=da#:~:text=P%C3%A5%20den%20baggrund%20har%20Naalakkersuisut,da%20Naalakkersuisut%20tager%20klimakrisen%20alvorligt (accessed 05.02.2024).

⁴⁵ Nunaoil bliver til NunaGreen. *Nunagis*, 25.02.2023. Available at: <https://www.nunagis.gl/article/336> (accessed 05.02.2024).

потенциал, сложным активом применительно к стратегической автономии Евросоюза. Гренландия стремится самостоятельно выстраивать выгодные отношения сразу с несколькими крупными игроками, принадлежащими евроатлантическому сообществу, среди которых, помимо ЕС, присутствуют США и Канада. В то же время часть датских исследователей считает, что бюджетные расходы Дании на развитие Гренландии в долгосрочной перспективе превышают стратегическую ценность последней, и эти финансовые средства можно было бы вложить более успешно, например, в модернизацию вооруженных сил, что также обеспечило бы Копенгагену бóльшую благосклонность и внимание Вашингтона и Брюсселя⁴⁶. По мнению этой группы исследователей, мотивы сохранения Содружества не военно-стратегические, а в большей степени культурно-исторические. Нынешние датские политики, однако, в 2019–2023 гг. активно шли на уступки гренландской стороне, стремясь создавать общую легитимную арктическую и внешнеполитическую стратегию для всего Содружества, которая бы получила одобрение и в Нууке, и в Торсхавне, хотя юридически полномочия в сфере внешней и оборонной политики, затрагивающие все три части Содружества, по-прежнему находятся в ведении исключительно самой Дании, и скорее исходят из того, что в условиях возросшего интереса великих держав к Арктике Гренландия нужнее Дании, а не наоборот. По мере накопления противоречий и усталости от несговорчивости гренландской стороны Дания может занять и более жесткую позицию в отношении своей автономии, указав на ее безответственность и неготовность к самостоятельной внешней политике. Такой сценарий соответствовал бы идее о постколониальном наследии как инструменте сохранения существующей иерархии датско-гренландских отношений, любые проблемы и неудачи гренландского самоуправления трактовались бы в таком случае в пользу более умелого и опытного датского руководства, а не формирующейся гренландской государственности [17].

Отношения с США характеризуется, с одной стороны, возможностью получения экономической помощи и ресурсов для развития, не связанных с Копенгагеном, а с другой, опасением принудительной милитаризации, угрозой традиционному образу жизни инуитов, ведь в отличие от Дании обращение к колониальному прошлому как инструменту давления в случае с Вашингтоном не будет столь эффективным. Опора на Соединенные Штаты скорее снизит субъектность Гренландии, чем повысит ее. ЕС и его отдельные государства-члены пока еще вырабатывают полноценный подход к Гренландии и отстают от более крупных игроков, таких как США и Китай. Хотя последнему с 2018 г. не удалось реализовать ряд крупных инвестиционных проектов на территории Гренландии из-за вмешательства Дании и США, гипотетическое обращение к ресурсам КНР в настоящее время играет для автономии роль стимулирования партнеров к более активной экономической поддержке острова⁴⁷.

Использование болезненных страниц колониального прошлого существенно помогло Гренландии в 2019–2023 гг. повысить свою значимость на дипломатической арене и в отношениях с Копенгагеном, несмотря на отсутствие значимых экономических успехов и увеличивающийся груз социально-экономических проблем, в частности, старения населения. Нынешнее датское правительство пока идет навстречу гренландским требованиям и, по всей видимости, начинает задумываться о более обширной реформе всего Содружества⁴⁸. В свою очередь наработанные и формирующиеся контакты с крупными внешними игроками также дают Гренландии возможность оказывать давление на Копенгаген. Таким образом, чем больше будет роль Гренландии в стратегической автономии ЕС и/или арктической стратегии США, тем сложнее могут становиться ее отношения с Данией, которой не всегда будет удаваться единолично присваивать все выгоды растущего геоэкономического и военно-политического значения своей автономии. Парадоксальным образом выходит, что если Дания активно задействует Гренландию как

⁴⁶Wester K.J. Forsker: Grønland overvurderer sin strategiske betydning for Danmark. *OLFI*, 06.08.2021. Available at: <https://olfi.dk/2021/08/06/forsker-groenland-overvurderer-sin-strategiske-betydning-for-danmark/> (accessed 03.02.2024).

⁴⁷Krog A. Grønlands førstemand efterlyser mere ligestilling. *Altinget*, 30.05.2022. Available at: <https://www.altinget.dk/arktisk/artikel/groenlands-foerstemand-efterlyser-mere-ligestilling> (accessed 03.02.2024).

⁴⁸Bach C.F. Radikale: Vi skal respektere Grønland og Færøernes ønske om øget selvbestemmelse. *Altinget*, 19.06.2023. Available at: <https://www.altinget.dk/artikel/radikale-vi-skal-respektere-groenland-og-faeroernes-oenske-om-oegget-selvbestemmelse> (accessed 06.02.2024).

свой внешнеполитический ресурс в обеспечении стратегической автономии ЕС и/или дополнения арктической стратегии США, то вместе с тем одновременно даст автономии больше аргументов в пользу независимости и рычагов обратного давления на датское правительство и парламент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ackrén M., Jakobsen U. Greenland as a Self-Governing Sub-National Territory in International Relations: Past, Current and Future Perspectives. *Polar Record*, 2015, vol. 51, iss. 4, pp. 404-412. <https://doi.org/10.1017/S003224741400028X>
2. Журавель В. П. Арктика в 2023 г.: международный и российский аспекты. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2024, № 1, сс. 90-105. [Zhuravel V.P. The Arctic in 2023: International and Russian Aspects. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2024, no. 1, pp. 90-105. (In Russ.)] DOI: 10.15211/vestnikieran1202490105
3. Sejersen F. Urbanization, Landscape Appropriation and Climate Change in Greenland. *Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 2010, vol. 27, no. 2, pp. 167-188. DOI: 10.1080/08003831.2010.527533
4. Søby Kristensen K., Rahbek-Clemmensen J., eds. *Greenland and the International Politics of a Changing Arctic. Postcolonial Paradiplomacy Between High and Low Politics*. London, Routledge, 2018. 164 p. <https://doi.org/10.4324/9781315162645>
5. Rud S. *Colonialism in Greenland. Tradition, Governance and Legacy*. Palgrave Macmillan, 2017. 170 p.
6. Espersen S. Grønland: Lad Rigsfællesskabet bestå. *Udenrigs*, 2008, no. 1, ss.73-78. [Espersen S. Greenland: Let the Commonwealth Endure. *Udenrigs*, 2008, no. 1, pp. 73-78. (In Dan.)] <https://doi.org/10.7146/udenrigs.v0i1.119464>
7. Gerhardt H. The Inuit and Sovereignty: The Case of the Inuit Circumpolar Conference and Greenland. *Politik*, 2011, vol. 14, no. 1, pp. 6-14. <https://doi.org/10.7146/politik.v14i1.27469>
8. Lyng A. The First Responsibility. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. Heidelberg Journal of International Law*, 2009, vol. 69, pp. 523-528.
9. Landriault M., Pic P., Lasserre F. Beyond Hans Island: The Canada–Denmark Agreement’s Possible Impact on Mobility and Continental Shelves. *International Journal: Canada’s Journal of Global Policy Analysis*, 2023, vol. 78, no. 1-2, pp. 243-253. <https://doi.org/10.1177/00207020231175760>
10. Емельянцева М.О. Гренландский вопрос в датско-американских отношениях в 40-е гг. XX века. *Вестник Росийского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2014, № 1, сс. 104-111. [Emelyantseva M.O. Greenlandic Issues in Danish-US Relations in the 40s of the 20th Century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2014, no. 1, pp.104-111. (In Russ.)]
11. Gad U.P. Greenland: A Post-Danish Sovereign Nation State in the Making. *Cooperation and Conflict*, 2014, vol. 49, no. 1, pp. 98-118. DOI: 10.1177/0010836713514151
12. Ackren M. Referendums in Greenland – From Home Rule to Self-Government. *Fédéralisme Régionalisme*, 2019, vol. 19, pp. 1-11.
13. Johnson N. Extractive Energy and Arctic Communities. Coates K.S., Holroyd C., eds. *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics*. Palgrave Macmillan Cham, 2020, pp. 97-116. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7>
14. Andrews N., Crowther J., Greaves W. (De)securitization, Independence, and Normal Politics in Kalaallit Nunaat and Inuit Nunangat. Jacobsen M., Wæver O., Gad U. P. eds. *Greenland in Arctic Security: (De)securitization Dynamics Under Climatic Thaw and Geopolitical Freeze*. Ann Arbor (MI), University of Michigan Press, February 2024, pp. 283-310. <https://doi.org/10.3998/mpub.12676130>
15. Ackren M., Nielsen R.L. *The First Foreign- and Security Policy Opinion Poll in Greenland*. Ilisimatusarfik, Konrad Adenauer Stiftung, 2021. 14 p. Available at: <https://uni.gl/media/6762444/fp-survey-2021-ilisimatusarfik.pdf> (accessed 25.04.2024).
16. Загорский А.В. *Безопасность в Арктике*. Москва, ИМЭМО РАН, 2019. 114 с. [Zagorskii A.V. *Security in the Arctic*. Moscow, IMEMO, 2019. 114 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0570-3
17. Hansen E.S. Post-Colonial Gaslighting and Greenlandic Independence: When Ontological Insecurity Sustains Hierarchy. *Cooperation and Conflict*, 2023, vol. 58, iss. 4, pp. 460-484. <https://doi.org/10.1177/00108367231163816>

ЗАРУБЕЖНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ЕВРАЗИЙСТВУ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ РОССИИ

© ФЕНЕНКО А.В., 2024

ФЕНЕНКО Алексей Валериевич, доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51 (afenenko@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0493-2596

Фененко А.В. Зарубежные альтернативы евразийству как потенциальный вызов для России. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 1, сс. 52-68. DOI: 10.20542/afij-2024-1-52-68

DOI: 10.20542/afij-2024-1-52-68

EDN: HXJTUD

УДК: 327+327.39+325.36

Поступила в редакцию 31.01.2024.

После доработки 23.03.2024.

Принята к публикации 10.04.2024.

Статья посвящена проблемам политических теорий, выступающих своеобразной альтернативой российскому евразийству. Автор доказывает, что в Великобритании, Германии и США в разное время существовал комплекс политических теорий, напоминающих русское евразийство. Для этих политических направлений были характерны шесть базовых идеологем, присущих евразийству: 1) представление о Евразии как особой цивилизации, построенной на синтезе европейской и азиатских культур; 2) снятие дихотомии Запад–Восток в их европейском понимании; 3) объединение “Запада” и “Востока” (в их европейском понимании) в чем-то третьем; 4) растворение истории конкретного национального государства в истории Евразии; 5) постулирование имперского проекта, включающего в себя особую евразийскую цивилизацию; 6) противопоставление мира Евразии некоему Западу, который выступает противником евразийской цивилизации. В разное время похожие комплексы идей обсуждались в Великобритании (индоевропеистика), Германии (ариософия), США (проекты АфПак и “Индо-Пацифика”). Британский аналог евразийства реализовывался с опорой на Индию, немецкий – на Тибет, американский – на Пакистан и Индию. Их теоретики выдвигали проекты построения империй или блоков, соединяющих в единую систему западные и незападные страны Евразии. В каждом из этих вариантов Великобритания, Германия и США выступали как особые империи и/или великие державы, объединившие в себе европейское и азиатское начала. Во всех случаях мы имеем дело с попытками обосновать создание системы (культуры, цивилизации), которая не является ни азиатской, ни европейской в полном смысле слова. Вместе с тем эти квазиевразийские проекты не были дружественны российскому евразийству: британский, германский и американский варианты квазиевразийства рождались через противостояние с Россией, а не через союз с ней.

Ключевые слова: Евразия, евразийство, Великобритания, Германия, США, Индия, Тибет, Центральная Азия, индоевропеистика, индогерманцы, индоарийцы, ариософия, АфПак, Индо-Пацифика.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

FOREIGN ALTERNATIVES TO EURASIANISM AS A POTENTIAL CHALLENGE FOR RUSSIA

Received 31.01.2024. Revised 23.03.2024. Accepted 10.04.2024.

Alexey V. FENENKO (afenko@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0493-2596,
School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-52, Moscow
119991, Russian Federation.

The article explores the issues of political theories which are considered to be an alternative to Russian Eurasian integration. The author proves that there used to be a range of political theories in the UK, Germany and the USA that reminded of Russian Eurasian policy. Those theories were based on six ideologemes, immanent in Eurasian context: 1) the concept of regarding 'Eurasia' as a distinctive civilization stemming from both European and Asian cultures; 2) cancellation of the previously existing European view of the dichotomy in the 'West — East' concept; 3) fusion of 'West' and 'East' (as seen from the European viewpoint) into a certain new form; 4) blending of history of a particular national state into history of Eurasia; 5) postulation of the imperial project which involves this 'special Eurasian' civilization; 6) opposition between the 'Eurasian world' and the 'Western world', in which the latter remains adversarial in relation to the former. At various times, similar ideas were discussed in the UK (within Indo-European linguistics), Germany (Ariosophy), the USA (the AfPak and the 'Indo-Pacific' projects). The British version of Eurasia concept was based on India, the German version — on Tibet, and the American version — on Pakistan and India. These theories were focused on projects of building empires or blocks, combining Western with non-Western countries of Eurasia. In each version the UK, Germany and the USA are presented as special empires and/or great states, comprising both European and Asian features. All of these versions demonstrate the attempts to create a system (culture or civilization) that has not entirely European or Asian identity. Moreover, the designed 'quasi-Eurasian' projects have always been adversary in regard to Russian Eurasian concept because they did not include any collaboration with Russia, but rather confrontation.

Keywords: Eurasia, Eurasianism, Great Britain, Germany, USA, India, Tibet, Central Asia, Indo-European studies, Indo-Germans, Indo-Aryans, Ariosophy, AfPak, Indo-Pacific.

About the author: Alexey V. FENENKO, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Chair of International Security, School of World Politi.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ

30 лет, прошедшие после распада СССР, приблизили евразийство к статусу полуофициальной идеологии в ряде постсоветских стран, включая Россию [1;2]. Дискуссии о том, насколько евразийство соответствует реалиям современных международных отношений, продолжают до настоящего времени. Однако исследователи часто обходят стороной важную проблему: в других странах на протяжении последних 200 лет также существовали свои аналоги и интерпретации понятия "евразийство". Эти варианты альтернативного евразийства в прошлом превращались в полноценные политические проекты, причем недружественные России, и есть основания ожидать, что подобный сценарий может повториться и в нынешнем столетии. Поэтому в данной статье поставлена задача проанализировать альтернативные евразийские проекты, показать их эволюцию и потенциал для возрождения в среднесрочной перспективе. Для достижения этой цели автор использовал методологию сравнительно-исторического анализа, восходящую к работам немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920) и американского социолога Рейнхарда Бенедикса (1916–1991), постулировавших поиск

сходства определенных идеологий на базе сравнения присущих им идеологических концептов [3; 4].

Методология М. Вебера позволяет выделить “идеальные типы”, под которыми в данном случае понимается идеология евразийства. В ее рамках существует борьба между различными идейными направлениями, которые нередко отрицают ряд установок друг друга. Однако, вычленив набор базовых концептов, мы можем синтезировать обобщенный образ идеологии: ядро концептов, которые разделяют в той или иной форме все авторы, относящие себя к евразийству. И здесь, если использовать методологию Р. Бенедикса, возникает потенциал для сравнения идеологии русского евразийства с западноевропейской индоевропеистикой. Ряд ключевых концептов евразийства удивительно совпадает с индоевропейскими (в прошлом индоарийскими) теориями, которые некогда были популярны в странах Западной Европы и в превращенной форме отчасти перешли в США.

Гипотеза автора заключается в следующем. Помимо России были и другие государства, воспринимавшие себя как особые культуры, синтез Запада и Востока и выдвигавшие политические проекты переустройства Евразийского континента. Комплекс идей, близких российскому евразийству, высказывался в этих странах под оболочкой индоевропеистики или различных геополитических проектов. Эти индоевропейские, или квазиевразийские¹, проекты зачастую были построены в рамках противостояния с Россией и выступали альтернативными по отношению к ее политике в Евразии. Наиболее ярко подобные проекты проявились в истории Великобритании, Германии и отчасти США, что и выступает предметом анализа данной статьи. Многие из этих проектов как будто стали достоянием истории, но некоторые существуют и даже возрождаются в обновленной форме в наши дни, что может создать трудности для сегодняшней России.

ИДЕОЛОГЕМЫ ЕВРАЗИЙСТВА

В современной политической науке понятие “евразийство” недостаточно отрефлектировано и используется в трех значениях:

- 1) как идеология, возникшая в среде белой эмиграции в начале 1920-х годов, которая постулировала “поворот на Восток” как возвращение к наследию допетровской России;
- 2) как совокупность историко-философских концепций, рассматривавших “Россию–Евразию” как самобытную цивилизацию, объединившую элементы Востока и Запада;
- 3) как теория и практика евразийской интеграции на постсоветском пространстве.

В чистом виде теория евразийства не существовала никогда: внутри этого движения всегда происходила борьба различных групп и течений, отношения к определенным историческим событиям и политическим процессам. Современные сторонники евразийства в России, например, не во всем согласны с теоретиками евразийства в белой эмиграции, равно как и с историческими теориями Л.Н. Гумилёва (1912–1992) или В.Л. Цымбурского (1957–2009), хотя многие авторы считают их “евразийскими”. Непреодоленным остается раскол на “левых” и “правых” евразийцев, тянущийся еще с раскола внутри русской эмиграции: если первые были готовы признать СССР и “советскую цивилизацию” продолжением исторической России, то вторые ее категорически отрицали как антинациональный проект, видя альтернативу в монархической идеологии или даже в русских коллаборационистских движениях времен Второй мировой войны [5]. Евразийство выступает, скорее, не идеологией, а комплексом зачастую противоречивых идеологий, объединенных некими общими компонентами [6, с. 61]. В этом смысле утверждения, что какая-то идеология не является евразийской из-за отсутствия в ней определенного компонента вряд ли корректна: в самом евразийстве до настоящего времени нет идеологического единства.

¹ По мнению автора, термин “квазиевразийство” здесь был бы уместен, поскольку представители этого течения не позиционировали себя как евразийцев, но выдвигали близкие русскому евразийству идеи.

Французский историк Марлен Ларуэль попыталась выделить четыре базовых концепта, характерных для евразийской идеологии: 1) критика западной цивилизации и пути ее развития; 2) утверждение общей исторической судьбы народов России и бывшего СССР; 3) представления о необходимости имперской формы управления “центральным” пространством Евразии; 4) вера в существование культурных констант, которые объясняют более глубокий смысл современных политических событий [7]. Оставляя в стороне негативные политические оценки евразийства со стороны М. Ларуэль, полагаю, что некоторые из ее положений можно развить в устойчивые идеологемы евразийства. Эти идеологемы были заложены классическим евразийством 1920-х годов и в той или иной форме повторялись в других евразийских или неоевразийских подходах.

Первая идеологема – представление о Евразии как особой цивилизации, построенной на синтезе европейской и азиатских культур. Основатели евразийства П.Н. Савицкий (1895–1968), Н.С. Трубецкой (1890–1938), Г.В. Флоровский (1893–1979), в отличие от славянофилов XIX в., настаивали не просто на особом характере русской цивилизации, но и на ее тесной связи с тюрко-монгольским миром [8, с. 97]. Сами евразийцы не дали определения своему течению: они ограничивались выделением Евразии как особого мира внутри материка Евразии. Только П.Н. Савицкий определил ее как единый ареал, включающий в себя три равнины: Восточно-Европейскую, Западно-Сибирскую и Туркестанскую. Н.С. Трубецкой дополнил это лингвистическими построениями: по его наблюдениям, праславянский диалект был ближе к праиранскому, чем к западным праиндоевропейским диалектам [8, с. 59–76].

Вторая идеологема – снятие дихотомии Запад–Восток. Этот аспект чаще всего остается в стороне у американских критиков евразийства, сосредоточенных почему-то преимущественно на теории российского философа А.Г. Дугина. Между тем именно здесь пролегал водораздел между евразийством и простой модой на восточные мотивы в культуре, что было характерно для Европы колониальной эпохи. Евразийская мысль предполагает не просто увлечение Востоком, а как минимум равноправное отношение Европы к Востоку или даже вторичный характер европейской культуры по отношению к восточной. Последовательный евразиец зачастую рассматривает саму европейскую культуру как порождение восточной, ее отпочковавшуюся часть, что нашло свое выражение, например, в теориях прихода ряда европейских народов из Центральной Азии или России как наследницы Монгольской империи. “Концепции истории Старого Света, как истории дуэли Запада и Востока, может быть противопоставлена концепция взаимодействия *центра* и *окраин*, как не менее постоянного психологического факта”, – писал один из основателей евразийства М.П. Бицилли [8, с. 25].

Третья идеологема – объединение “Запада” и “Востока” (в их европейском понимании) в чем-то третьем. Дадаист или ориенталист относится к искусству народов Африки или Новой Зеландии с пиететом или слегка высокомерным интересом; евразиец же утверждает, например, что ближайшие родственники немцев – персы, а русских – народы Центральной Азии, то есть и те, и другие составляют как бы одно целое. Монгольская империя, находившая в фокусе построений евразийцев, не была ни “Западом”, ни “Востоком”: она контролировала бóльшую часть Евразии, взаимодействуя и с католической Европой, и с Византией, и с арабским миром, и с цивилизациями Юго-Восточной Азии. Запад и Восток как бы сливаются в единой Евразии, создавая некую общую систему.

Четвертая идеологема – растворение истории национального государства в истории Евразии. Русские евразийцы отказались воспринимать Древнерусское государство (Киевскую Русь) как предшественника России: последняя, по их мнению, сложилась только в XV в. под влиянием Золотой Орды, а в дальнейшем включила в свой состав татарские ханства [9]. К истории России “приплюсовывается” история Золотой Орды как ее собственная часть, а за ней и вся история Монгольской империи. Однако последней предшествовали другие попытки государств Центральной Азии создать трансевразийские империи вроде Великого Тюркского каганата VI в., осколком которого выступал знаменитый Хазарский каганат. Неслучайно классик неоевразийства Л.Н. Гумилёв начал книгу “Поиски вымышленного царства” (1970) с похода китайского

полководца Бань Чао в I в. н.э. в Центральную Азию [10, с. 35-43]: с точки зрения евразийства это и есть начало русской истории, как бы парадоксально это ни звучало.

Пятая идеологема – постулирование имперского проекта, включающего в себя особую евразийскую цивилизацию. В евразийском манифесте 1927 г. говорилось: “Своеобразие это выражалось в укладе всеевразийской державы Чингисхана и его преемников в XII – XIV вв., в строе Московского государства XV–XVII вв. и даже в порядках императорской России XVIII–XX вв.” [8, с. 217]. Можно критиковать подходы евразийцев за спорную трактовку истории, но если воспринять евразийство как идеологию построения новой империи², то она приобретает внутреннюю логичность.

Наконец, шестая идеологема – противопоставление мира Евразии некоему Западу, который выступает противником евразийской цивилизации. При этом сам Запад в данном случае – очень условное понятие. Он олицетворен то США и Западной Европой (без германских стран), то Западной и Центральной Европой, то всей Европой за пределами России, то вовсе католическо-протестантскими корнями, хотя католики и протестанты, а также различные ответвления протестантизма воевали друг с другом намного дольше и ожесточеннее, чем с православной Россией. В настоящее время эта критика стала более предметной: “Запад” как единое целое сложился только по итогам Второй мировой войны и представляет собой совокупность институтов ЕС и НАТО.

Здесь, однако, возникает важный вопрос: насколько все эти евразийские идеологемы являются специфически русскими? Идеи общности Евразии, объединения Востока и Запада, замены национальной истории евразийской и построения Евразийской империи выдвигались и в других государствах³. Квазиевразийские подходы, существовавшие в других странах, рассматривали свои страны как особые цивилизации или миры, объединившие в себе элементы Европы и Азии, хотя и не тождественные им обеим. Их теоретики выдвигали проекты построения империй или блоков, соединяющих в единую систему западные и незападные страны Евразии. Альтернативное евразийство предполагает представление о своей стране как об особой культуре, находящейся между Западом и Востоком, отделение ее от европейской культуры и наличие проектов переустройства Евразии⁴. Российские евразийцы нередко повторяли их построения, причем “квазиевразийцам” других стран гораздо успешнее удалось решить вопрос о связи своих стран с историей и культурой народов Востока.

БРИТАНСКОЕ КВАЗИЕВРАЗИЙСТВО

Комплекс квазиевразийских идей был сформулирован в Великобритании XVIII – XIX вв. Семилетняя война (1756–1763), положившая начало британскому завоеванию Индостана, пробудила у англичан интерес к Индийской цивилизации. Этому способствовали и расчеты британской элиты: опереться в борьбе с Империей великих моголов на индуистское население, недовольное властью мусульманской элиты.

У истоков британского квазиевразийства стоял английский филолог Уильям Джонс (1746–1794), который сфокусировался на изучении древнеиндийского языка санскрита [12], опубликовав переводы на английский язык из древнеиндийского поэта Калидасы. Английский филолог разработал теорию сравнительного языкознания, согласно которой санскрит является праязыком всех индоевропейских (в то время

² В 1980-х годах для советских школьников 7–8 классов базовым был учебник “История СССР” под редакцией академика Б.А. Рыбакова. В нем история СССР была подана как синтез всех входящих в него народов: она начиналась с создания государства Урарту на территории современной Армении (IX в. до н.э.), затем включала в себя историю государств Закавказья и Центральной Азии и только затем начиналась история Древнерусского государства. Эксперимент оказался неудачным: школьники РСФСР в большинстве своем не стали считать “своей” историю Урарту или грузинских царств начала нашей эры. Но сама попытка написать историю СССР как единого историко-политического пространства вполне согласовывалась с евразийским дискурсом.

³ Пожалуй, только А.Г. Дугин обратил внимание на наличие в европейских странах пласта мысли, близкого евразийству [11, с. 18-19]. Другие исследователи пока обходят стороной эту интересную проблему.

⁴ Во Франции, например, могло быть увлечение восточными мотивами, но французская общественная мысль всегда строго позиционировала свою страну как однозначно европейскую и не выдвигала масштабных проектов переустройства Евразии. По этим критериям Франция, как и большинство романских стран Европы, не подходит для нашего анализа.

арийских или индоарийских) народов. Отсюда следовал его вывод о родстве всех индоевропейских народов, наличии у них в прошлом общей прародины. В дальнейшем британская колониальная администрация предприняла комплекс мер по “воскрешению” домусульманской Индии (прежде всего, культуры империи Гупт III–VI вв.), создав для достижения этой цели несколько центров.

Азиатское общество было основано в 1784 г. У. Джонсом в Калькутте (современная Индия). Центром его деятельности стало изучение домусульманской литературы Индостана. Чарльз Уилкинс (1749–1836) перевел с санскрита памятник индуистской литературы “Бхагавад-гиту”, сборник басен “Хитопадешы” и издал “Грамматику санскрита”. Джон Шор, возглавивший общество после смерти У. Джонса, перевел с персидской версии санскритского религиозного труда “Йога-Васиштхи”. Генри Томас Колбрук (1765–1837), президент общества в 1806–1815 гг., выпустил критическое издание санскритского словаря “Амаракоша”. Еще большую роль сыграл Гораций Хельман Уилсон (1786–1860), издав англо-санскритский словарь, осуществив перевод на английский язык “Ригвед” (собрание религиозных гимнов предположительно XII в. до н.э.), “Вишну-Пурана” (священный текст индусов), поэмы Калидасы “Мегхадута”. В 1832 г. общество было переименовано в “Азиатское общество Бенгалии”, стало выпускать журнал, а с 1848 г. санскритскую серию *Bibliotheca Indica*.

Королевское азиатское общество Великобритании и Ирландии, основанное в 1823 г. Это общество сразу получило привилегированный статус, став Королевским. В дальнейшем было основано несколько научных обществ, которые считались отделениями Королевского азиатского общества: в Бомбее, Шри-Ланке, Гонконге, Шанхае, Японии, Малайзии и Корее.

Азиатское общество Мумбаи, у истоков которого стояло основанное в 1804 г. Бомбейское литературное общество. В 1829 г. Литературное общество Бомбея объединилось с Королевским азиатским обществом на условиях сохранения административной и финансовой независимости и стало известно как Бомбейское отделение этой лондонской организации. Членами общества сначала могли становиться лишь европейцы, но затем доступ был открыт и индийцам. В 1873 г. с Бомбейским отделением объединилось Бомбейское географическое общество, а в 1896 г. – Антропологическое общество Бомбея.

Индийский институт при Оксфордском университете, основанный в 1883 г. по инициативе востоковеда Моньера Монье Уильямса (1819–1899). Важнейшими его достижениями стали библиотека, специализирующаяся на истории и культуре Южной Азии (особенно Гималаев и Тибета), а также музей, смоделированный по образцу Музея Индии в Южном Кенсингтоне.

Археологическое управление Индии, образованное в 1861 г. на базе Азиатского общества. С 1872 г. стал выходить археологический журнал *Indian Antiquary*, а с 1888 г. – отдельное издание *Epigraphia Indica*, в котором публиковались тексты и переводы древних и средневековых надписей. Успехом общества стала деятельность известного английского археолога Джона Хьберта Маршалла (1876–1958), установившего существование Хараппской цивилизации III тыс. до н.э. – более древней, чем Ведийская.

В империи Великих Моголов государственным языком был персидский (фарси), а разговорным урду [13, р. 128]. У. Джонс и его последователи возродили санскритскую слоговую азбуку деванагари, которая легла в основу языка хинди – в противовес арабской письменности языка урду. На ее основе был воссоздан язык хинди, объявленный официальным в штате Бихар в 1881 г. С этого момента появилось юридическое разделение языков хинди (для индуистов) и урду (для мусульман).

Британская администрация также сделала ставку на возрождение индуизма в противовес исламу (*Hindu revivalism*). У истоков этого движения стоял раджа Рам Мохан Рой (1772–1833): он, изучив английский язык, основал в 1828 г. реформистское движение Брахмо самадж (Общество Брахмы). Однако подлинный поворот совершил Даянанда

Сарасвати (1824–1883), основавший в 1875 г. индуистское реформаторское движение “Арья самадж” (Общество ариев). Оно акцентировало внимание на возвращении к “истинному ведийскому индуизму”, очищение индуизма от всех влияний, проникших в него из других религий за весь послеведийский период [14].

Итогом деятельности британской администрации было становление Индии как политического субъекта. 2 августа 1858 г. британский парламент под влиянием восстания сипаев принял Акт о лучшем управлении Индией (*Act for the Better Government of India*), который передал функции управления от Ост-Индской компании Британской короне. Окончательно Ост-Индская компания упразднена в 1874 г.: верховным собственником землевладения в Индии стала Британская корона. Для легитимизации своей власти в 1876 г. королева Виктория была провозглашена императрицей Индии, что сделало Великобританию Британской империей. Специфика этой империи заключалась в ее параевразийской идентичности – британский монарх получил императорский титул за счет наличия определенных неевропейских владений в виде Британской Индии.

“Большая игра” с Россией вовлекла в британский проект южную часть Центральной Азии. Еще в конце 1810-х годов британские географы Уильям Муркрофт (1767–1825) и Джордж Требек (1800–1825) утверждали, что русская армия может нанести удар через Персию и Афганистан. Концепцию буфера (или “подушек безопасности”) для Индии разработал британский дипломат Александр Бернз (1805–1841). Великобритания начала экспансию по четырем направлениям:

- Непал, который после войны с Ост-Индской компанией (1814–1816) передал ей завоеванные ранее территории в Сиккиме, Кумаонеме и Гархавале;
- Сикхское королевство, с которым в 1831 г. был заключен договор о военном союзе;
- Синд (юго-запад современного Пакистана), который по условиям мирного договора с Ост-Индской компанией 1803 г. лишился своих владений между реками Ганг и Джамна, отказывался от сюзеренитета над раджпутскими княжествами, и оплачивал содержание британского корпуса, который располагался у его границ;
- Афганистан, три войны с которым завершились поражением Великобритании.

Политика Великобритании сформировала пласт “британского наследства” в Южной Азии в виде Индии, Пакистана, Афганистана, Непала и Бутана, составивших оппозицию российской Центральной Азии. Русско-афганская граница, установленная русско-британскими соглашениями 1873 и 1885 гг., сохранялась с небольшими изменениями до распада СССР в 1991 г. Граница Афганистана с британской Индией (“линия Дюранда”) была определена Кабульским соглашением 1893 г. В дальнейшем границы, проведенные британской администрацией, стали основой для современных государств Южной Азии: Афганистана, Пакистана, Индии, Непала и Бутана. Эти государства выступают наследниками британского квазиевразийского проекта подобно тому, как современные страны Центральной Азии – продолжением политики СССР.

Британское квазиевразийство стало, таким образом, культурно-политической моделью, в рамках которой европейская держава, Британия, «возрождала» древнеиндийскую культуру, которая почти исчезла, то есть по факту практически воссоздавала заново по своему усмотрению. В дальнейшем данное воскрешенное образование (Британская Индия) обеспечило Великобритании имперский статус. Однако “британское наследство” имело и другую сторону: именно в Британской империи зародилась индоевропеистика – теория наличия у индоевропейских народов общей прародины и общего праязыка. Эти исследования доказывали единство Запада и Востока, то есть в каком-то смысле воплощали мечту российских евразийцев на практике.

Концепты британского квазиевразийства не ушли в прошлое, а вполне успешно исповедуются в рамках Британского Содружества (в настоящее время – Содружества). Последнее постулирует себя как некий единый мир, завязанный на британскую культуру, к которому принадлежат и белые переселенческие страны (Австралия, Канада), и страны Южной Азии (Индия, Пакистан), и даже культуры Океании (маори Новой Зеландии). Выход Британии из ЕС в 2020 г. уже породил дискуссии в Великобритании о возможности

запуска интеграционного проекта на базе бывшей Британской империи. Однако в современном мире британское квазиевразийство передало эстафету США в реализации квазиевразийских проектов в Центральной и Южной Азии.

НЕМЕЦКОЕ КВАЗИЕВРАЗИЙСТВО

Не менее мощным оказалось немецкое квазиевразийство. Немецкая философия изначально позиционировала себя как альтернатива французскому Просвещению, и обращение к Востоку позволяло придать этой альтернативе эмпирическую основу [15]. “Моду на Восток” принесли в германские государства математик Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) и философ Кристиан Вольф (1679–1754). Первый лично увлекался конфуцианством и во многом на его основе сформировал свои идеи “простой субстанции” и “предустановленной гармонии”. Второй популяризировал в германском обществе учение китайского философа Конфуция. С этого времени китайские и арабские аллюзии и образы органически вошли в немецкую культуру: достаточно вспомнить, например, мотивы сказок Э.Т.А. Гофмана и В. Гауфа.

Ключевую роль в немецком “повороте к Востоку” сыграл поэт Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832). Еще в молодости он работал над трагедией “Магомет” и написал балладу “Бог и баядера” [16]. Затем Гёте обратил внимание на собрание стихотворений персидского поэта Хафиза (XIV в.) “Диван”, переведенный на немецкий язык Йозефом фон Гаммер-Пургшталь. Откликом на него стал сборник Гёте “Западно-Восточный диван” (1819), содержащий стихотворение “Завет староперсидской веры”, где Авеста трактовалась как вера в торжество света над тьмой. В другом стихотворении “Хеджра” Гёте указывал на превосходство мусульманского мира над современным ему Западом: “Там, наставленный Пророком // Возвратись душой к истокам, // В мир, где ясным, мудрым слогом // Смертный вел беседу с Богом”.

Поворотным моментом стал выход в 1762 г. работы итальянского автора Фредерико Августини Антони Георги “Тибетский алфавит”. «Мало кому известно, например, что Иммануил Кант (1724–1804) имел вполне адекватные представления о философском даосизме и буддизме, причем не только о концепциях “дао”, “нирвана”, “шуньята”, но и о практике медитации. Из ссылок в его сочинениях видно, что ему была хорошо известна достаточно специальная тибетологическая работа Георги», – отмечает российский исследователь С.Ю. Лепехов [15, с. 45]. Кант трактовал Тибет как “пристанище человеческого рода во время последнего великого катаклизма, пережитого нашей Землей” [17, сс. 455–456]. Это способствовало мистификации Тибета в немецкой культуре.

В сложных отношениях с культурами Востока находился немецкий философ Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775–1854). Он ввел в немецкую культуру серию восточных мифологических восточных образов: Заратустры, Аримена, Вишну, Исиды, Озириса. “Индийцы – единственный народ, – писал Шеллинг, – у которого есть общее с греками, а именно тоже свободное, развитое во всех своих формах и точно также вышедшее из мифологии поэтическое творчество” [18, с. 178]. Шеллинг, правда, выступал против “индоманов”, которые рассматривали санскрит как изначальный язык (праязык). Одним из таких “индоманов” был, видимо, другой немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803), объявивший горные системы Гималаи и Гиндукуш прародиной всего человечества [19, сс. 506–510].

Не остался в стороне от общего увлечения Востоком и Г.В.Ф. Гегель (1770–1831). Он написал обширную рецензию на работу Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) “Об эпизоде Махабхараты, известном под названием Бхагаватгита”. Гегель рассмотрел это произведение в контексте исторических реалий Древней Индии и разобрал индийские мифологемы [20, с. 161–162]. В отличие от будущих поколений немецких философов он относился к восточным мыслителям скептически. Китайскую философию Гегель характеризовал или как чисто нравственную (Конфуций) или неопределенную, некатегориальную (Лао-цзы), а индийскую философию как сугубо религиозную. Однако

представления Гегеля о восточной философии и его оценки стали в дальнейшем широко использоваться в немецкой востоковедческой традиции.

“Моду на Восток” укрепил философ Артур Шопенгауэр (1788–1860). Он был знаком с переводами индийской литературы: “Законов Ману”, “Бхагаватгиты”, “Упанишад”. (В кабинете Шопенгауэра стояли бюсты И. Канта и Будды, как бы символизируя единение немецкой философии и Востока). Подобно классическому индийскому буддизму, Шопенгауэр считал основной, не сводимой к другим, сущностью мировую волю [21, сс. 96–97]. Это роднило систему Шопенгауэра с буддизмом в трех аспектах:

- представление о “безличном начале” (воле) как основе бытия;
- представление о личности как о производной от мировой воли;
- провозглашение этического пессимизма: страдания как основы человеческого бытия ввиду неспособности личности полностью реализовать волю и хотение.

У Гегеля в “Науке логики” указано, что бытие (*Das Sein*) и ничто (*Das Nichts*) есть одно и то же, но при этом они полностью противоположны друг другу: противоречие разрешается с помощью их синтеза, непосредственного исчезания друг в друге. Однако уже Шопенгауэр объявил “Ничто” последней целью, стоящей “за всякой добродетелью и святостью”. Немецкий философ-публицист Макс Штирнер заканчивает свою книгу “Единственный и его собственность” (1844) словами, напоминающими философию буддизма: “Единственным, тогда покоится оно на преходящем, смертном творце, который сам себя разрушает, и я могу сказать: Ничто – вот на чем я построил свое дело” [22, с. 353].

Восточные мотивы стали преобладающими в философии Фридриха Ницше (1844–1900). В книге “Так говорил Заратустра” (1883) он приписал этому персидскому пророку идеи “сверхчеловека” и “вечного возвращения”, чем популяризировал идею близости Германии Востоку. Ницше отказался от европейской концепции линейного времени: если мир обречен проходить одни и те же ситуации, то исчезают сами категории “прогрессивного” и “отсталого”. Будущее – это один из вернувшихся вариантов прошлого, подобно тому, как происходит в природе смена времен года. В работе “По ту сторону добра и зла” (1886) философ выдвинул тезис об “удивительном сходстве всего индийского, греческого и германского философствования”, выводя его из “родства языков, благодаря общей философии грамматики, то есть благодаря бессознательной власти и руководительству одинаковых грамматических функций” [23, с. 255–256]. (Тем самым Ницше невольно описывал ареал индоевропейистики!).

Ницше привнес и конкретные восточные сюжеты в немецкую философию. Как показал американский исследователь Глен Т. Мартин, Ницше был близок индийскому философу Нагарджуне (II–III вв. н.э.) с его тезисом о том, что все дхармы пусты, бессущностны и безопорны: у обоих присутствует мотив движения от пустоты к высшей истине, посредством духовного освобождения [24, pp. 105–109]. Американский философ Роджер Т. Эймс указал на очевидное знакомство Ницше с китайской философией. В частности Ницше, в своей “воли власти” во многом популяризирует концепцию “дэ” в даосизме: преодоление заданного пути избранными через духовное самосовершенствование. Аналогично нигилизм немецкого философа есть не что иное как результат его релятивизма, что сближает философские системы Ницше и Лао-цзы [24, pp. 132–148]. Главное, однако, было в другом: после массовой популяризации философии Ницше сама Германия стала смотреться в Европе как не совсем европейская страна, а претендент на создание империи с “полувосточной”, или “полуазиатской”, культурой.

“Восточное” мировосприятие унаследовал от Ницше и немецкий историк Освальд Шпенглер (1880–1936), рассмотревший в работе “Закат Европы” (1918) исторический процесс как совокупность перманентно рождающихся и умирающих культур, проходящих в своем развитии замкнутый цикл от рождения до смерти. Это означало перенос дальневосточного восприятия времени на мировую историю: в своих морфологических таблицах Шпенглер описывает путь развития каждой культуры метафорами времен года: весна–лето–осень–зима. Здесь можно обратить внимание на сравнение Шпенглером эволюции Западно-Европейской и Древнеиндийской цивилизаций [25, сс. 189–192]. Весну Западной культуры, рождение ее “большого стиля”, он сравнивал с эпохой Вед; лето,

рост городской культуры, – с эпохой Упанишад; осень, победу города над деревней, – с периодом Сутр и появлением буддизма, зиму, упадок цивилизации, – с распространением буддизма.

Один из героев советского кинофильма “Щит и меч” (1968) говорил, что Ницше “влил свежее вино в наши старые мехи”. В этом художественном образе заложен глубокий смысл: Ницше утвердил в немецкой мысли “моду на Восток”, противопоставив ее остальной европейской философии. Конечно, эта мода существовала в германских государствах со времен Лейбница, но ее во многом отличала элитарность, в то время как популярно-мифологический стиль изложения Ницше придал ей массовый характер. Это во многом и предопределило роль его философии для позиционирования Германии как “альтернативной Европы” по отношению к Западной Европе.

АРИСОФИЯ И ЕВРАЗИЙСТВО

Если русские евразийцы только постулировали синтез Запада и Востока, то немецкие исследователи разработали целостную историческую концепцию близости Германии к Востоку – так называемую ариософию [26]. Теория исторических рас появилась в Англии в XVII в., однако широкую популярность этот термин приобрел после Великой французской революции. Именно тогда во французской историографии получил распространение тезис графа Монлозье о расовых корнях революции: дворянство изображалось потомками завоевателей-германцев франков, а остальное население – потомками покоренных галло-римлян [27, сс. 94-100].

Во второй половине XIX в. теория исторических рас стала популярной в германских государствах. Здесь теория индоарийской расы сразу получила “ориентализацию”: само понятие “индогерманцы” (*Indogermanen*) означало некое смысловое объединение немецкой и индийской культур. Этот термин ввел немецкий лингвист Генрих Юлиус Клапрот (1783–1835), другой немецкий лингвист Фридрих Шлегель (1772–1829) начал употреблять сам термин “арийцы”. В работе “О языке и мудрости индийцев” (1808) он писал, что санскрит более древний, чем греческий и латинский языки, а значит, является самым близким к первоначальному языку, из которого произошли все остальные [28, pp. 21-28]. В той же работе он предложил термин “арии” для обозначения завоевателей, спустившихся с Гималаев и заселивших Европу. Ф. Шлегель нашел в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях – упоминание о священной горе Меру, которая располагалась в районе крайнего Севера.

“Ориентализацию” арийской проблемы продолжил Христиан Лассен (1800–1876), сподвижник Шлегеля, заложивший основы санскритологии и иранистики в германских государствах. Х. Лассен издал четырехтомный труд “Индийская древность” (1847–1861), в котором объединил через арийскую тематику историю Древней Индии и Персии, а также начал подключать к ним историю Бактрии, то есть Центральной Азии [29, pp. 244-245]. Более радикальных взглядов придерживался Отмар Франк, профессор филологии в Бамберге. В книге “Свет с Востока” он выдвинул теорию, что Персия была прародиной ариев, которые затем пришли в Индию, Египет, Грецию, Германию и заселили всю Европу.

К поиску индоевропейской прародины подключилась и лингвистика. Франц Бопп (1791–1857) создал сравнительную грамматику индоевропейских языков, доказав их единство [30]. Филолог Фридрих Макс Мюллер (1823–1900) выделил три языковых центра развития: арийский, семитский и туранский, что объединило все индоарийские народы от Великобритании до Индии. Мюллер также утверждал, что буддизм – последовательное завершение, богословское резюме всех арийских религий, подобно тому, как ислам – семитских [31, с. 227]. Август Шлейхер (1821–1868) в работе “Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков” (1861) предложил концепцию родословного древа [32, сс. 38-45], согласно которой развитие индоевропейской семьи шло путем дробления ранее единого праязыка. Шлейхер вслед за немецким востоковедом Юлиусом фон Клапротом помещал прародину индогерманцев в Центральную Азию: по его мнению,

миграция индоевропейцев шла из этого региона двумя путями: 1) южным (эллыны, римляне, кельты); 2) северным (славяне и германцы).

Однако в последней трети XIX в. акцент был смещен на поиск северной прародины индогерманцев. Еще историк Карл Готфрид Мюллер (1797–1840) разработал концепцию, согласно которой цивилизацию Эллады основали пришедшие с севера племена дорийцев. Поиск северной прародины индогерманцев привел немецкую археологию к изучению Урнопольской культуры (Культуры полей погребальных урн), находящейся в то время на территории Германии и Австро-Венгрии, а затем к более ранней Культуре шнуровой керамики (Культуре боевых топоров). На северном происхождении арийцев настаивал австрийский филолог Карл Пенка (1847–1912), “восточную” теорию в спекулятивных целях использовали теоретики Третьего рейха, побудив немецких ученых и мистиков искать осколки арийской цивилизации на Востоке – в Гималаях, на Индостане и в Тибете.

В начале XX в. легенда о Шамбале попала в европейскую культуру в пересказе французского философа Рене Генона (1886–1951) [33]. В новелле “Владыка мира” (иногда переводится как “Царь мира”, 1904 г.) он указывал: «После гобийской катастрофы учителя высокой цивилизации, обладатели знания, сыны Внешнего разума, поселились в огромной системе пещер под Гималаями. В сердце этих пещер они разделились на два “пути”, правой и левой руки. “Первый путь” назвал свой центр “Агартти” (“Скрытое место добра”) – и предался созерцанию, не вмешиваясь в мирские дела. “Второй путь” основал Шамбалу – центр могущества, который управляет стихиями, человеческими массами и ускоряет приход человечества к “шарниру времени”».

Восточное измерение стало частью учения классика немецкой геополитики Карла Хаусхофера (1869–1945), посвященное теории “жизненного пространства” (*Lebensraum*) [34]. До Первой мировой войны К. Хаусхофер путешествовал по Восточной и Южной Азии, работал военным атташе в Японии. В 1922 г. он основал Немецкий институт геополитики в Мюнхене, с 1924 г. стал главным редактором журнала “Геополитика”. В теории К. Хаусхофера Германия могла получить “жизненное пространство” двумя путями: через колониальную экспансию или сухопутную экспансию в Евразии, что было, по его мнению, предпочтительнее и реалистичнее.

Проникновение восточных элементов в идеологию Третьего рейха стало итогом этой столетней ориентализации немецкой мысли – от использования тибетской свастики в качестве нацистского символа до официальных поисков “родственных” арийских народов на Востоке. Связующим звеном для немецкой экспансии на Восток стал вопрос о “русском наследстве”. С конца XIX в. теоретики германской экспансии на Восток утверждали, что присоединение к “Германскому рейху” российских немцев – необходимый этап завершения объединения немцев. Речь шла о так называемой немецкой дуге: Прибалтика (населенная остзейскими немцами), Причерноморье и Черноземье (с их крупными на тот момент немецкими общинами) и немецкого населения Поволжья [35]. После революции 1917 г. в Германии укреплялся взгляд на Россию как на германизованную империю Романовых, которая погибла с их свержением [36]. Соответственно Германия должна была забрать ту часть “своего наследства”, которую Россия якобы приобрела в петербургский период правления германизированной династии и элиты.

Инструментом политической деятельности Германии на Востоке стало “Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков” или “Аненербе” (нем. “Наследие предков”). Цели организации были сформулированы как “изыскания в области локализации духа, деяний, наследства индо-германской расы”. В 1939 г. “Аненербе” вошло в состав СС как его институт.

Перспективным партнером для Германии выступала Персия. Нацистская пропаганда использовала тезис об общем происхождении и родстве двух “арийских народов” – немцев и персов, что вызывало одобрение Резы-шаха (1925–1941). 22 марта 1935 г. по рекомендации германской дипломатической миссии Персию официально переименовали в Иран (“Земля ариев”). В том же 1935 г. Германия подписала торговый договор с Ираном и вышла на второе место в его внешнеторговом обороте после СССР.

Другим направлением германской экспансии стал Тибет [37]. В 1938–1939 гг. “Аненербе” организовало тибетскую экспедицию под руководством штурмбаннфюрера СС географа и зоолога Эрнста Шефера (1910–1992). Формально ее цели были заявлены как поиски прародины арийцев. Экспедиция посетила города Лхасу и Шигадзе, где получила полное собрание буддийского религиозного свода “Канжур” и другие древние тексты. Э. Шефер встречался с далай-ламой и вел переговоры о создании постоянно действующего германского представительства. По итогам миссии был установлен радиомост Берлин–Лхаса, действовавший до 1943 г.

Вариософии справедливо видели претензии на германскую экспансию. В то же время в рамках этого учения немцы как бы исчезали, заменялись неким полуфантастическим народом – арийцами. Его история включала в себя и ведическую Индию, и Персию, и Грецию, и эллинистические империи, и “Готскую цивилизацию”, и Германию, и полумифический мир опер Р. Вагнера. (Любопытно, что эта культура не является органичной ни для одной из земель Германии: она была искусственно сконструирована интеллектуалами Мюнхена и Кёнигсберга).

Вариософской форме немецкое квазиевразийство, видимо, ушло в прошлое. Однако интерес Германии к странам Ближнего и Среднего Востока сохраняется, что проявляется в многочисленных инициативах немецкой дипломатии на Востоке [38]. На сегодняшний день “немецкий проект” на Востоке пока остается закрытым, однако по мере укрепления Германии он может и получить второе дыхание – пусть и в несколько иных формах.

АМЕРИКАНСКОЕ КВАЗИЕВРАЗИЙСТВО

Американское квазиевразийство – идеология, формирующаяся буквально на глазах нашего поколения. До настоящего времени это явление еще не получило должной интеллектуальной рефлексии, хотя некоторые его контуры уже просматриваются.

В американской трактовке Центральная Азия никогда не была тождественна советской Средней Азии: она унаследовала британскую интерпретацию этого понятия. В Советском Союзе понятие “Средняя Азия” включало в себя Узбекскую, Таджикскую, Туркменскую и Киргизскую ССР. К Центральной Азии в американском понимании помимо них относят Казахстан, западные районы КНР, Афганистан, Пакистан, иногда – зону индо-пакистанского пограничного конфликта и Монголию. За этим стоит политический подтекст: расширенно трактуя понятие “Центральная Азия”, американцы не признавали претензий России на приоритетное партнерство со среднеазиатскими республиками бывшего СССР.

Соединенные Штаты традиционно (фактически с Первой мировой войны) позиционировали себя как лидера Западного мира. Однако в XIX в. политика США была развернута прежде всего на Тихий океан. Соединенные Штаты вели активную политику в отношении Японии и Китая, масштаб отношений с которыми превосходил в отдельные периоды связи Вашингтона с европейскими странами. Еще в конце XIX в. США были скорее тихоокеанской, чем европейской державой, выстраивая баланс сил прежде всего в этом регионе. Это традиционно делало США более связанными с Японией и Китаем, чем другие европейские страны [39, pp. 5-6]. Такому подходу способствовало и самовосприятие американского общества как государства-эксперимента, простроенного на универсальных ценностях, то есть теоретически способного объединить Запад и Восток.

Развороту США к околеевразийским проектам способствовало и их особое географическое положение. В каком-то смысле оно напоминает Россию, находящуюся между Западом и Востоком. В американской публицистике начала XX в., завязанной на политику в Восточной Азии, было модно писать о том, что Калифорния – точка смыкания Запада и Востока (см. подробнее [40]). Если к Западу лежат Китай и Япония, а к Востоку – Вашингтон, Атлантический океан и Европа, то что такое США в европейской дихотомии Запад–Восток? И куда, собственно, отнести США, мало участвовавшие в европейских делах,

но провозгласившие в 1899 г. доктрину “открытых дверей” по защите территориальной целостности Китая от европейских держав? Адмирал А.Т. Мэхен поэтично писал о том, что в своем детстве Америка стояла на берегах Атлантического океана, в юности видела Мексиканский залив, а зрелость влечет ее на Тихий океан. Все эти идеи воскресли в начале холодной войны, когда Соединенные Штаты в 1950-х годах выстраивали свои опоры на Тихом океане (Япония, Филиппины, АНЗЮС) и глубоко вовлекались в индокитайские дела [41]. Соединенные Штаты представляли особым миром – державой с мессианской идеологией, не укладывавшейся в дихотомию Запад–Восток.

Популяризатором буддизма в США выступил писатель Джером Дэвид Сэлинджер (1919–2010). В рассказах и повестях, посвященных семейству Глассов, он постоянно обращался к теме китайского варианта буддизма (дзен-буддизма), синтезу буддизма и конфуцианства. Дух семьи Гласс предполагает разнообразные духовные практики, в первую очередь дзен-буддизм. Каждый рассказ Сэлинджера выступал как притча дзен, доказывавшая превосходство китайской культуры над западной. Популярность Сэлинджера у молодежных движений 1960-х годов привела к распространению этих идей в США. Этому способствовало возвращение в Америку ветеранов Второй Индокитайской войны (1964–1973), близко познакомившихся с буддистской культурой.

Интерес к проблемам собственно евразийства в США привнес историк-эмигрант Георгий Вернадский (1887–1973) – сын известного естествоиспытателя В.И. Вернадского (1863–1945). С 1931 г. Вернадский преподавал в Йельском университете, в дальнейшем также в Гарвардском, Колумбийском и Чикагском университетах. Тогда это был интерес небольшого сегмента американского научного сообщества: в своем большинстве американские исследователи относились к евразийству негативно, видя в нем оппозицию либеральной идеологии. Ситуация стала меняться только в ходе афганской войны (1979–1989), когда США оказали помощь моджахедам против СССР [45, pp. 36–39]. В дальнейшем администрации Джорджа Буша-ст. (1989–1992) и Уильяма Клинтона (1993–2000) обсуждали новую роль Центральной Азии в политике Вашингтона [46].

Перелом наступил после прихода к власти в 2001 г. республиканской администрации Джорджа Буша-мл., что было вызвано проведением антитеррористической операции НАТО в Афганистане. На рубеже 2001–2002 гг. американские эксперты заговорили о том, что впервые в истории Соединенные Штаты стали “евразийской державой”, получив военные базы в Узбекистане и Киргизии. Стратегия национальной безопасности США редакции 2002 г. фокусировала внимание на Афганистане и связанной с ним Центральной Азией, куда перебазировались ключевые интересы Вашингтона в контексте борьбы с терроризмом⁵. В 2004 г. Институт анализа внешней политики выпустил программный документ “Центральная Азия в стратегии и оперативном планировании США”⁶. Авторы полагали, что американская политика в Центральной Азии должна придерживаться двух принципов: во-первых, четко определять самостоятельное значение данного региона, а во-вторых, утверждать в качестве главной цели борьбу с экстремизмом и исламским сепаратизмом.

США предприняли попытку “прорыва в Евразию”. Весной 2002 г. администрация Дж. Буша-мл., заключив декларацию о партнерстве с Узбекистаном, стала зондировать возможность вступления или предоставления Соединенным Штатам статуса ассоциированного члена Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), что вызвало в организации определенный кризис [47]. 1 июля 2002 г. Центральная Азия была включена в зону ответственности Центрального командования вооруженных сил США. Именно в это время среди американских экспертов стал обсуждаться проект “обновленного СЕНТО” – военно-политического альянса США с Пакистаном, Афганистаном, Узбекистаном, Киргизией, а возможно, и Казахстаном. К 2006 г. стала понятна неудача этого “прорыва”, и

⁵ *The National Security Strategy of the United States of America*. September 2002. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed 22.03.2024).

⁶ Дэвис Дж., Свиней М. *Центральная Азия в стратегии и оперативном планировании США*. Available at: <https://textarchive.ru/c-2847852.html> (accessed 22.03.2024).

американцы сосредоточились на консолидации “британского наследства”, основанного на улучшении американо-индийских отношений.

Первым проектом США по сбору “британского наследства” стал “АфПак”: превращение Афганистана и Пакистана в единое военно-политическое пространство, находящееся под двоякими гарантиями безопасности со стороны НАТО и Индии [48]. Автором понятия “АфПак” был американский дипломат Ричард Холбрук (1941–2010), назначенный специальным представителем президента США по проблемам Афганистана и Пакистана. На основе его доклада⁷ президент Б. Обама 27 марта 2009 г. предложил всеобъемлющую стратегию США в регионе “АфПак”. Однако Индия заявила о непризнании Пакистана в его современных границах, а афганское правительство Х. Карзая не согласилось с делимитацией границы с Пакистаном по “линии Дюранда”, превратившей пуштунов в “разделенный народ”. 21 января 2010 г. Р. Холбрук заявил, что США отказываются от использования понятия “АфПак”, хотя в 2013 г. американцы попытались его возродить. В 2017 г. администрация Д. Трампа (2017–2020) стремилась расширить его до проекта “АфПакИндия”.

Второй проект – Индо-Пацифика (*Indo-Pacific*) – вновь стал американским проектом с опорой на “британское наследство”. Термин Индо-Пацифика пришел из географии, где означал акваторию Индийского и западной части Тихого океанов. Изначально он был разработан индийским военным аналитиком Гурпритой Кхураной в начале 2007 г. В американской аналитике термин стал утверждаться примерно с 2014 г. [49; 50], но на официальный уровень вышел при президенте Д. Трампе. Понятие “Индо-Пацифика” было включено в Стратегию национальной обороны США редакции 2018 г.⁸, а Тихоокеанское командование США в июне 2018 г. было переименовано в Индо-Тихоокеанское командование. Возможно, что созданный осенью 2021 г. альянс *AUCUS* (Австралия, Великобритания и США) станет институциональной основой этого проекта.

Речь идет о создании дуги восточной и южной окраины Евразийского континента с участием в ней США. Изначально он назывался “Квадро” (*Quad* – четырехугольник) как объединение “четырех демократий” Индо-Тихоокеанского региона – США, Японии, Австралии и Индии. Затем он стал превращаться в проект с участием также Новой Зеландии и Великобритании, а возможно, Индонезии. Можно рассматривать оба этих “евразийских проекта” как альтернативу китайским проектам Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и “Пояса и пути”. Но возможно, они будут просто “пересборкой” “британского наследства” на новом историческом витке развития.

Американское квазиевразийство пока находится в процессе становления: ему мешает мощный пласт либеральной идеологии и позиционирование США как лидера Западного мира. Но глубокое вовлечение Вашингтона в политические системы Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии уже ставит вопрос об их политическом оформлении. Возможно, что проекты “АфПак” и “Индо-Пацифика” были только первыми пробами будущей идеологии присутствия Соединенных Штатов в Азии. Во многом американские проекты выглядят как возрождение старых британских проектов построения в Евразии альтернативы России на основе Индии, и этот проект, как полагают американские исследователи, имеет потенциал для интеллектуального развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен евразийства не является сугубо российским явлением: в мире существовали и альтернативные варианты этого течения. Каждое из них (британское, немецкое и американское) содержало в себе три основных компонента евразийства: 1) отделение культурно-исторической Евразии (чаще всего – индоевропейской системы)

⁷ *White Paper of the Interagency Policy Group's Report on U.S. Policy Toward Afghanistan and Pakistan*. The White House. 27.03.2009. Available at: http://www.whitehouse.gov/assets/documents/Afghanistan-Pakistan_White_Paper.pdf (accessed 23.03.2024).

⁸ *National Defense Strategy of the United States of America*. 2018. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 02.02.2024).

от Евразии географической; 2) понимание культурно-исторической Евразии как единого комплекса; 3) определение своей страны как самобытной цивилизации, объединяющей элементы Запада и Востока, но не тождественной им обоим. Во всех случаях мы имеем дело с попытками обосновать создание системы (культуры, цивилизации), которая не является ни азиатской, ни европейской в полном смысле слова. Другое дело, что эти квазиевразийские проекты не были дружественны русскому евразийству: британское, германское и американское квазиевразийства рождались через противостояние с Россией, а не союз с ней. Это требует от нашей страны большей внимательности при обсуждении на Западе проблематики Евразии и евразийства.

Исторические примеры доказывают, что евразийская идеология – отнюдь не прерогатива России, данная ей раз и навсегда. Нашей стране еще, скорее, предстоит побороться за евразийство. Британия, Германия и США разрабатывали не менее мощные квазиевразийские проекты как альтернативные варианты сборки Центральной Евразии в собственные интеграционные блоки. Американские проекты “АфПАК” и “Индо-Пацифика” можно представить как попытку США собрать в новые субблоки “британское наследство”. Проекты ЕС по активизации нефтегазовой политики в Центральной Азии опираются на мощную немецкую традицию связей с этим регионом. И здесь исключительно важную роль будут играть Индия, Туркменистан и Монголия. Если они решат присоединиться к российско-китайским экономическим и политическим проектам, то это даст шанс российскому евразийству. Если же они выберут приоритетное взаимодействие с США, Европейским союзом или даже Британией (в индийской политике нельзя исключать и такого поворота), это может привести к возрождению антиевразийства по отношению к России – неважно, с центром в Вашингтоне, Лондоне или Брюсселе.

В настоящее время многие из этих квазиевразийских проектов кажутся достоянием истории. Однако они, полагаю, могут быстро получить второе дыхание, превратившись в интеграционные проекты, альтернативные ШОС. Великобритания возрождает проекты интеграционных объединений на базе Содружества, что оставляет открытым вопрос об участии в них стран Южной Азии. Соединенные Штаты открыто пытаются собрать “британское наследство” то в виде “АфПака”, то “Индо-Пацифики”, то “инициативы четырех” (Австралия, Индия, США, Япония) как противовес российско-китайскому альянсу. Германское квазиевразийство на сегодняшний день кажется забытым, но активная вовлеченность Германии в конфликты на Украине, в Афганистане, в Грузии показывает, что интерес Берлина к проблемам Востока далеко не ушел в прошлое. Можно спорить о том, насколько реализуемы эти проекты. Тем не менее идеология и исторический опыт для создания альтернативных России евразийских блоков существует, и этот опыт может быть использован странами НАТО для торпедирования российских интеграционных проектов в Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Пантин В.И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2022, т. 22, № 1, сс. 17-29. [Pantin V.I. The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 17-29. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29
2. Lewis D.G. *Russia's New Authoritarianism: Putin and the Politics of Order*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2020. 268 p.
3. Вебер М. *Избранное. Образ общества*. Москва, Юрист, 1994. 704 с. [Weber M. *Selections. The Image of Society*. Moscow, Yurist, 1994. 704 p. (In Russ.)]
4. Reinhard B. *Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order*. Berkeley, University of California Press, 1964. 449 p.
5. Самохин А.В. Исторический путь евразийства как идейно-политического течения. Утенков В.М., отв. ред. *Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сборник научных статей*. Вып. 8. Москва, Альфа, 2003, сс. 183-192. [Samokhin A.V. Historical Development of Eurasianism as an Ideological and Political Movement. Utenkov V.M., ed. *Current Problems in Human Sciences: Article compilation*, vol. 8, Moscow, Alfa, 2003, pp. 183-192. (In Russ.)]
6. Щупленков О.В. Проблемы периодизации евразийства. *Белые пятна российской и мировой истории*, 2012, № 1, сс. 50-66. [Shchuplenkov O.V. Problems of Periodization of Eurasianism. *White Spots of the Russian and World History*, 2012, no. 1, pp. 50-66. (In Russ.)]

7. Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington, Woodrow Wilson Center Press, 2008. 276 p.
8. Новикова Л.И., Сиземская И.Н., ред.-сост. *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн*. Москва, Наука, 1993. 367 с. [Novikova L.I., Sizemskaya I.N., eds. *Russia Between Europe and Asia: Eurasian Temptation*. Moscow, Nauka, 1993. 367 p.]
9. Трубецкой Н.С. *Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока*. Берлин, Евразийское книгоиздательство, 1925. 59 с. [Trubetskoy N.S. *Legacy of Genghis Khan. An Outlook on Russian History Not from the West, but from the East*. Berlin, Eurasia-Verlag, 1925. 59 p. (In Russ.)] <https://www.labyrinth.ru/books/819694/>
10. Гумилев Л.Н. *В поисках вымышленного царства*. Москва, АЙРИС-пресс, 2014. 432 с. [Gumilev L.N. *Searches for an Imaginary Kingdom*. Moscow, AIRIS-press, 2014. 432 p. (In Russ.)]
11. Дугин А.Г. *Основы Евразийства*. Москва, Арктогея-центр, 2002. 800 с. [Dugin A.G. *An Introduction to Eurasianism*. Moscow, Arktogea-Center, 2002. 800 p. (In Russ.)]
12. Cannon G.H. *Sir William Jones: A Bibliography of Primary and Secondary Sources*. Amsterdam, Benjamins, 1979. 73 p.
13. Bohls E.A. *Romantic Literature and Postcolonial Studies*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2013. 224 p.
14. Мезенцева О.В. *Мир ведийских истин. Жизнь и учение Свами Дайянанды*. Москва, Институт философии РАН, 1994. 238 с. [Mezentseva O.V. *A World of Vedic Truths. The Life and Teaching of Swami Dayananda*. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 1994. 238 p. (In Russ.)]
15. Лепехов С.Ю. Присутствие Востока в немецкой философии. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*, 2018, № 3, сс. 43-55. [Lepekhov S.Y. *Presence of Orient in German Philosophy. BSU bulletin. Philosophy*, 2018, no 3, pp. 43-55. (In Russ.)] DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-3-43-55
16. Панова О.Б., Белова А.Н. Гёте и мир Востока: к вопросу о мировоззренческих универсалиях культуры. *Вестник Томского государственного университета*, 2013, № 376, сс. 64-75. [Panova O.B., Belova A.N. Goethe and the Orient World: On the Worldview Universals of the Culture. *Tomsk State University Journal*, 2013, no. 376, pp. 64-75. (In Russ.)]
17. Кант И. *Сочинения в шести томах*. Москва, Мысль, 1964. Т. 2. 509 с. [Kant I. *Works in Six Volumes*. Moscow, Mysl', 1964. Vol. 2. 509 p. (In Russ.)]
18. Шеллинг В.И. *Сочинения в двух томах*. Москва, Мысль, 1989. Т. 2. 636 с. [Schelling W.J. *Works in Two Volumes*. Moscow, Mysl', 1989. Vol. 2. 636 p. (In Russ.)]
19. Гердер И.Г. *Идеи к философии истории человечества*. Москва, Наука, 1977. 703 с. [Herder J.G. *Ideas on the Philosophy of the History of Mankind*. Moscow, Nauka, 1977. 703 p. (In Russ.)]
20. Hegel G.W.F. *Die Vernunft in der Geschichte*. Berlin, Akademie, 1966. 276 s.
21. Шопенгауэр А. *Мир как воля и представление*. Москва, Наука, 1993. Т. 2. 672 с. [Schopenhauer A. *The World as Will and Representation*. Moscow, Nauka, 1993. Vol. 2. 672 p. (In Russ.)]
22. Штирнер М. *Единственный и его собственность*. Харьков, Основа, 1994. 559 с. [Stirner M. *The Unique and Its Property*. Kharkiv, Osnova, 1994. 559 p. (In Russ.)]
23. Ницше Ф. *Сочинения в двух томах*. Москва, Мысль, 1990. Т. 2. 829 с. [Nietzsche F. *Works in Two Volumes*. Moscow, Mysl', 1990. Vol. 2. 829 p. (In Russ.)]
24. Parkes G., ed. *Nietzsche and Asian Thought*. Chicago, University of Chicago Press, 1991. 253 p.
25. Шпенглер О. *Закат Европы*. Москва, Мысль, 1993. 672 с. [Spengler O. *The Decline of the West*. Moscow, Mysl', 1993. 672 p. (In Russ.)]
26. Figueira D.M. *Aryans, Jews, Brahmins: Theorizing Authority Through Myths of Identity*. Albany, State University of New York Press, 2002. 217 p.
27. Фененко А.В. "Национальная идея" французских консерваторов XIX века. Воронеж, Воронежский государственный университет, 2005. 280 с. [Fenenko A.V. *'National Idea' of French Conservatives of the 19th Century*. Voronezh, Voronezh State University, 2005. 280 p. (In Russ.)]
28. Lehmann W.P., ed. *A Reader in Nineteenth-Century Historical Indo-European Linguistics*. Bloomington, London, Indiana University Press, 1967. 266 p.
29. Buckland C.E. *Dictionary of Indian Biography*. London, Swan Sonnenschein & Co., Lim, 1906. 494 p.
30. Волошина О.А. Фридрих Шлегель и Франц Бопп (флексия и агглютинация как две тенденции развития индоевропейского слова). *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2014, № 1, сс. 33-47. [Voloshina O.A. Friedrich Schlegel and Franz Bopp (Inflexion and Agglutination as Two Trends in the Evolution of the Indo-European Word). *Lomonosov Philology Journal*, 2014, vol. 1, pp. 33-47. (In Russ.)]
31. Ольденберг Г. *Будда, его жизнь, учение и община*. Москва, Издательство К.Т. Солдатенков, 1884. 318 с. [Oldenberg H. *Buddha: His Life, His Doctrine, His Order*. Moscow, K.T. Soldatenkov Publishing, 1884. 318 p. (In Russ.)]
32. Звегинцев В.А. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Москва, Просвещение, 1964. Ч. 1. 468 с. [Zvegintsev V.A. *History of Linguistics of the XIX and XX Centuries in Essays and Extracts*. Moscow, Prosveshchenie, 1964. 468 p. (In Russ.)]
33. Генон Р. *Царь мира. Вопросы философии*, 1993, № 3, сс. 97-133. [Guénon R. *The King of the World. Voprosy Filosofii*, 1993, no. 3, pp. 97-133. (In Russ.)]
34. Хаусхофер К. *О геополитике. Работы разных лет*. Москва, Мысль, 2001. 426 с. [Haushofer K. *On Geopolitics. Selected Works*. Moscow, Mysl', 2001. 426 p. (In Russ.)]
35. Артамошин С.В. *Идейные истоки национал-социализма*. Брянск, Изд-во Брян. гос. ун-та, 2002. 184 с. [Artamoshin S.V. *Ideological Origins of National Socialism*. Bryansk, Bryansk State University Publishing House, 2002. 184 p. (In Russ.)]

36. Breuer St. *Die Völkischen in Deutschland. Kaiserreich und Weimarer Republik*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2008. 294 s.
37. Hale Ch. *Himmler's Crusade: The Nazi Expedition to Find the Origins of the Aryan Race*. Hoboken, J. Wiley, 2003. 422 p.
38. Gröhe H. Evenhanded, not Neutral: Points of Reference for a German Middle East Policy. *Germany and the Middle East Interests and Options*. Berlin, SWP, 2002, pp. 11-29.
39. Jackson C.T. The Influence of Asia upon American Thought: A Bibliographical Essay. *American Studies International*, 1984, vol. 22, no. 1, pp. 3-31.
40. Трофименко Г.А. *США: политика, война, идеология*. Москва, Мысль, 1976. 358 с. [Trofimenko G.A. *USA: Politics, Warfare, Ideology*. Moscow, Mysl', 1976. 358 p. (In Russ.)]
41. Scalapino R. *Asia and the Major Powers. Implications for International Order*. Washington, American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1972. 117 p.
42. Anderson G. *The International Politics of Central Asia*. Manchester, New York, Manchester University Press, 1997. 225 p.
43. Snyder J.C., ed. *After Empire: The Emerging Geopolitics of Central Asia*. Washington, National Defense University Press, 1995. 235 p.
44. Макдермотт Р. Российская программа обеспечения безопасности в Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ*, 2002, № 2(20), сс. 18-25. [McDermott R. Russia's Security Program in Central Asia. *Central Eurasia*, 2002, no. 2(20), pp. 18-25. (In Russ.)]
45. Фененко А.В. Проблематика "АФПак" в мировой политике. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, 2013, № 2, сс. 23-48. [Fenenko A.V. 'AFPak' in World Politics. *Lomonosov World Politics Journal*, 2013, no. 2, pp. 23-48 (In Russ.)] Available at: https://fmp.msu.ru/attachments/article/253/FENENKO_2_2013.pdf?ysclid=lu6y0tbry2882202591 (accessed 07.01.2024).
46. Naidu G.V.C. 'Indo-Pacific' as a New Template of Analysis. Debate 'Indo-Pacific': An Emerging Geopolitical Construct. India's Interests, Stakes and Challenges. *Indian Foreign Affairs Journal*, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 102-107. Available at: <http://associationdiplomats.org/publications/ifaj/Vol9/vol9index.htm> (accessed 07.01.2024).
47. Pan C. The 'Indo-Pacific' and Geopolitical Anxieties About China's Rise in the Asian Regional Order. *Australian Journal of International Affairs*, 2014, vol. 68, no. 4, pp. 453-469. DOI: 10.1080/10357718.2014.884054

НОВЫЕ И СТАРЫЕ ГЕРОИ ИСТОРИИ: ГОСУДАРСТВА В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

© КАРАМАЕВ С.Г., ЛОМОВА А.А.,
ШИРГАЗИНА Э.Р. (СОСТАВЛЕНИЕ), 2023

Карамеев С.Г., Ломова А.А., Ширгазина Э.Р. (составление). Новые и старые герои истории: государства в поисках идентичности. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 1, сс. 69-84. DOI: 10.20542/afij-2024-1-69-84

DOI: 10.20542/afij-2024-1-69-84

EDN: ISJVFC

УДК: 323+327+329+30

Поступила в редакцию 09.03.2024.

Принят редакцией 26.03.2024.

Принят к публикации 10.04.2024.

8 февраля 2024 г. в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) состоялась научная конференция "Новые и старые герои истории: государства в поисках идентичности". Мероприятие было организовано Центром Индоокеанского региона. Сотрудники центра изучают процессы и актуальную ситуацию в странах Южной Азии и всего региона Индийского океана, а также взаимоотношения внутри него и с внешними акторами. Руководителями секций выступили И.С. Семененко, член-корреспондент РАН, д.полит.н., зам. директора ИМЭМО РАН по научной работе, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, и д.полит.н., заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН И.Л. Прохоренко. В ходе конференции были проанализированы особенности и ключевые направления политики идентичности различных государств мира, роль и значение конфликта идентичностей в мировой политике, переосмысление наследия прошлого и поиск новых "героев" для современных обществ. Обсуждение было сфокусировано на роли персонификаторов идентичности и исследовании конфликта идентичностей в контексте формирования полицентричного мира. На пленарном заседании выступили И.С. Семененко и И.Л. Прохоренко; на секциях – сотрудники ИМЭМО РАН: руководитель Центра Индоокеанского региона к.и.н. А.В. Куприянов и сотрудники м.н.с. Г.Г. Макаревич, ст. лаборант-исследователь Е.С. Косарева, к.полит.н., н.с. М.А. Терских, м.н.с. И.А. Зайцев, к.полит.н., н.с. А.А. Ломова, Л.Т. Тураянова; сотрудники Центра Ближневосточных исследований н.с. И.Э. Ибрагимов и м.н.с. И.А. Гужев; сотрудники Группы теоретических проблем модернизации Центра проблем развития и модернизации н.с. А.З. Арабаджян и н.с. С.Г. Карамеев; сотрудник Центра европейских исследований к.и.н, с.н.с. Н.А. Подчасов. В работе секций приняли участие сотрудники Института Востоковедения РАН: к.э.н., в.н.с. Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока З.А. Арабаджян, к.и.н., с.н.с., ученый секретарь Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Е.М. Астафьева, к.э.н., с.н.с. ИВ РАН/ИКСА РАН А.В. Попов; сотрудники Института Китая и современной Азии РАН: научные сотрудники Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Е.С. Бурова, Г.Н. Кучеренко, П.С. Шатерников, н.с. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН А.В. Волошина; сотрудники Института Африки РАН: к.и.н., в.н.с., заведующая Центром изучения стран Тропической Африки Т.С. Денисова, к.и.н. заведующий Центром исследований Юга Африки А.А. Токарев, к.э.н., канд. искусствоведения, с.н.с. Центра исследований Юга Африки Ю.С. Скубко, к.и.н, с.н.с. Центра истории и культурной антропологии, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (ЯрГУ) Н.Е. Хохолькова, м.н.с. ИАФр РАН Е.С. Нестерова; сотрудники и обучающийся ЯрГУ к.и.н., доцент кафедры регионоведения

и туризма Д.А. Савин, д.и.н., профессор, профессор кафедры всеобщей истории Т.М. Гавристова, соискатель кафедры всеобщей истории ЯрГУ, учитель истории Муниципального образовательного учреждения "Средняя школа № 4 им. Н.А. Некрасова с углубленным изучением английского языка" г. Ярославля Э.Г. Цветков; сотрудник ИСКРАН к.и.н, с.н.с. отдела внутривнутриполитических исследований Д.Н. Воробьев; представители Российского государственного гуманитарного университета – к.и.н. доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ А.С. Панов и магистрант кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ Н.И. Гребнева и магистрант МГИМО МИД России А.И. Купалов-Ярополк. Обзор материалов конференции подготовлен сотрудниками Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН к.полит.н., научным сотрудником А.А. Ломовой (lomova.dip@list.ru, ORCID: 0009-0004-3178-7480), младшим научным сотрудником Э.Р. Ширгазиной (e.shirgazina8@imemo.ru, ORCID: 0000-0001-7715-2991) и научным сотрудником Группы региональных политических проблем стран Востока и Юга Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН С.Г. Карамаевым (tiomkin@imemo.ru, ORCID: 0000-0001-5137-3948).

Ключевые слова: идентичность, конфликт идентичностей, политика идентичности, государственность, исторические деятели, персонификаторы идентичности, дегероизация, научный дискурс, политика памяти, политическое пространство, Глобальный Юг.

OLD AND NEW HEROES OF HISTORY: NATION-STATES IN QUEST FOR IDENTITY

Received 09.03.2024. Revised 26.03.2024. Accepted 10.04.2024.

A conference titled 'Old and New Heroes of History: Nation States in Quest for Identity' was held on the 8th of February 2024, at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). It was organized by the Center of the Indo-Pacific region of IMEMO. The conference Chief-moderators were Semenenko I.S., Corresponding Member of the RAS, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of Centre for Comparative Socioeconomic and Political Studies, Deputy Director for Scientific Work of IMEMO and Prokhorenko I.L. Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector for International Organizations and Global Political Governance, Department for International Political Problems, IMEMO. The questions under analysis included the following points: the features and key directions of identity politics of various states of the world, the role and significance of identity conflict in world politics, rethinking the heritage of the past and the search for new 'heroes' for modern societies. The discussion was focused on the role of identity personifiers and the study of identity conflict in the context of the formation of a polycentric world. The speakers were as follows: Semenenko I.S. and Prokhorenko I.L. addressed the plenary meeting; staff members of IMEMO: the Center of the Indo-Pacific region – Head of the Center Cand. Sci. (Hist.) Kupriyanov A.V., Junior Research Fellow Makarevich G.G., Senior Research Assistant Kosareva E.S., Cand. Sci. (Polit. Sci.) Research Fellow Terskikh M.A., Junior Research Fellow Zaitsev I.A., Cand. Sci. (Polit. Sci.) Research Fellow Lomova A.A., Turayanova L.T.; staff members of the Center for Middle East Studies – Research Fellow Ibragimov I.E. and Junior Research Fellow Guzhev I.A.; staff members of the Center for Development and Modernization Studies – Research Fellows Arabadzhyan A.Z. and Karameev S.G.; staff member of the Center for European Studies Cand. Sci. (Hist.) Research Fellow Podchasov N.A. Fellows of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences delivered their speech: Cand. Sci. (Econ.) Leading Researcher of the Center for Middle East Countries Studies Arabadzhyan Z.A., members of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania: Cand. Sci. (Hist.), Academic Secretary of the Center Senior Researcher Astafieva E.M., Cand. Sci. (Econ.) Leading Researcher of the Center and the Institute of China and Contemporary Asia of RAS Popov A.V., staff members of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences: Research Fellows of the Center for Vietnam and ASEAN Studies Burova E.S., Kucherenko G.N., Shaternikov P.S., Research Fellow of the Center for the Study of Contemporary History of China and Its Relations with Russia Voloshina A.V.; staff members of the Institute for

African Studies, Russian Academy of Sciences (IAS RAS): Head of the Center for Tropical African Studies Cand. Sci. (Hist.) Leading Researcher Denisova T.S., Head of the Center for Southern Africa Studies Cand. Sci. (Hist.) Senior Research Fellow Tokarev A.A., Senior Research Fellow of the Center for Southern Africa Studies Cand. Sci. (Hist.) Cand. Sci. (Hist. of Arts) Skubko Y.S., Junior Researcher Nesterova E.S., Senior Research Fellow of the Center for History and Cultural Anthropology Cand. Sci. (Hist.) Associate Professor of the Department of General History, P.G. Demidov Yaroslavl State University (YarSU) Khokholkova N.E., YarSU students and staff members Cand. Sci. (Hist.) Associate Professor of the Department of Regional Studies and Tourism Savin D.A., Professor and Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Department of General History Gavristova T.M., post-graduate student of the Department of General History of YarSU, history teacher of the Municipal educational institution 'Nekrasov Secondary school No. 4 with in-depth study of the English language' of Yaroslavl city Tsvetkov E.G., Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN) staff member – Senior Research Fellow of the Center for History and Cultural Anthropology of the Department of Internal Political Research Cand. Sci. (Hist.) Vorobiev D.N.; staff member of the Russian State University for the Humanities, Cand. Sci. (Hist.) Associate Professor of the Department of American studies of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies RSUH Panov A.S. and Master's student of the Department of Theory and History of Humanities, Institute of Philology and History of RSUH Grebneva N.I.; and master's student of the MGIMO University Kupalov-Yaropolk A.I. The review of the conference materials was compiled by the staff members of the Center of the Indo-Pacific region of IMEMO Cand. Sci. (Polit. Sci.) Research Fellow Lomova A.A. (lomova.dip@list.ru, ORCID: 0009-0004-3178-7480) and Junior Research Fellow Shirgazina E.R. (e.shirgazina8@imemo.ru, ORCID: 0000-0001-7715-2991) and Research Fellow of the Center for Development and Modernization Studies Karamaev S.G. (tiomkin@imemo.ru, ORCID: 0000-0001-5137-3948).

Keywords: *identity, identity conflict, identity politics, statehood, historical figures, identity personifiers, deheroization, scientific discourse, memory politics, political space, Global South.*

Научная конференция “Новые и старые герои истории: государства в поисках идентичности” была задумана и организована Центром Индоокеанского региона ИМЭМО РАН с целью объединить всех, кто так или иначе занимается профессионально или интересуется проблематикой идентичности, и обменяться на площадке ИМЭМО идеями и мнениями в предметном поле страновых и региональных идентитарных исследований. В фокусе внимания были страны Глобального Юга, процессы государственного и нацистроительства, в которых ключевую роль играет формирование национальной (национально-гражданской) идентичности. Центр был выделен в самостоятельное подразделение института в 2023 г. и занимается разработкой методологии комплексного изучения региональных экономических, политических, социальных процессов, а также тенденций в сфере безопасности в указанном макрорегионе мира, анализом и изучением динамики взаимоотношений государств Южной Азии и региона Индийского океана, политических процессов в странах региона и экономической ситуации в нем, особенностей национальных экономик и их трансформаций, развития ведущих отраслей, перспективных рынков для российского бизнеса, связей стран региона с внешними акторами (КНР, США, Японией, Великобританией, Францией, Россией, государствами Центральной Азии), военных и невоенных вызовов и угроз в регионе. Сотрудники центра проводят мониторинг деятельности государственных и негосударственных игроков в процессе конкуренции за хозяйственное, военное и иное освоение пространств и ресурсов Индийского океана. Интерес к использованию категории идентичности в научных разработках объясняется достижениями научной школы идентитарных исследований в ИМЭМО РАН под руководством д.полит.н., члена-корреспондента РАН И.С. Семененко, которые показали когнитивный и прогностический потенциал этой категории политической науки в изучении разноуровневого и многоаспектного политического процесса, этнополитической конфликтности, трансформаций современного миропорядка [1; 2; 3; 4; 5].

Открывая конференцию, **Ирина Станиславовна Семененко** в выступлении на тему “Политика идентичности и идентичность в политике: роль и значение персонификаторов идентичности” отметила расширение сферы и направлений идентитарных исследований,

по которым проводится работа в ИМЭМО РАН, и обрисовала приоритеты исследований в российском и зарубежном научном поле. В выступлении была дана оценка опыта использования технологий формирования идентичности, поскольку в теоретическом плане персонификация идентичности и активное использование понятия “персонификаторов” указывают на значение личностного компонента в процессе ее структурирования. Персонификатор идентичности – это «человек (персона), через образ которого определяются “я” и “мы” идентичности. Данная личность-герой имеет символическое значение для формирования границ пространства и ценностных ориентаций сообщества» [6, с. 290]. Персоналистские образы активно используются в контексте политики идентичности как на национальном, так и на международном уровне, в том числе в качестве одной из основ дискурсивной силы государства. На локальном уровне для продвижения персоналистских образов используются “топонимические технологии, технологии номинации, монументализации, легендирования, технологии специальных событий”, а разработка соответствующих политико-управленческих практик позволяет целенаправленно использовать идентичность как ресурс развития территории [7, с. 90].

И.С. Семененко подчеркнула, что если в зарубежной политической науке политика идентичности понимается как линия меньшинств по отношению к большинству, то есть борьба за свои права и за свою идентичность, то в российском дискурсе речь идет о более широком понятии. Российские ученые связывают исследования идентичности с ее конструированием субъектами политического процесса (государством и не только) и с тем, как они взаимодействуют между собой и с другими акторами [3, сс. 647-655]. Персонификация идентичности является важным инструментом символической политики и политики памяти как ключевых направлений политики идентичности. Такие практики есть в любой стране мира (даже если их влияние на формирование идентичности замалчивается), и они активно используются в сфере образования, в современной праздничной культуре. Прежде всего сюда следует отнести языковую политику, политику памяти, символическую политику, которые объединяются в политике образовательной. И.С. Семененко отметила, что тема конференции в полной мере соответствует логике широкой содержательной трактовки политики идентичности, поскольку в основном посвящена символической политике и, отчасти, политике памяти: олицетворение идентичности конкретным человеком и его вклада в поддержку формирования позитивных смыслов, которые связывают его с регионом, со страной, с сообществом, с которым он себя отождествляет. Представление результатов изучения идентичности и практик ее использования в контексте государственной политики открывает новые горизонты в решении исследовательских задач, связанных с анализом субъективного измерения политического процесса.

Ирина Львовна Прохоренко, раскрывая тему “Конфликт идентичностей в научном и политических дискурсах современного мира”, подчеркнула многообразие стран и регионов, представленных к обсуждению на конференции. Идентичность как методологическая рамка, своеобразная аналитическая оптика, позволяет специалистам отойти от узкого взгляда на предмет исследования и рассмотреть его широко – в региональной специфике, в макрорегиональном и глобальном контекстах. Такой феномен, как конфликт идентичностей, через призму изучения региональной специфики выводит на мегатренды мирового развития, которые влияют не только на политические элиты, принимающие решения, но и кардинальным образом меняют общество и конкретных людей. И.Л. Прохоренко отметила динамичный и множественный характер идентичности, приводящий к возникновению такого явления, как конфликт идентичностей, который может носить в том числе и поколенческий характер, обозначила прямую взаимосвязь между изменением внешнеполитической идентичности государств и формированием нового полицентричного миропорядка, особо подчеркнула сложность процессов формирования идентичности стран Глобального Юга, влияние на который оказывает колониальный и неоколониальный дискурсы, появление так называемых новых империй – Европейского союза, Соединенных Штатов, Китая. Эти сложные многоаспектные процессы фокусируют интерес экспертов и ученых, образуют новое широкое предметное поле научных исследований.

ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ: КОНСТРУИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Первая секция конференции “От прошлого к будущему: конструирование современной идентичности и ее репрезентации” (руководитель И.С. Семененко, модератор Э.Р. Ширгазина) была посвящена азиатским странам Глобального Юга. В первой подсекции “*Переосмысление исторического наследия народами и элитами Востока*” участники рассмотрели исторические особенности конструирования идентичности в таких государствах, как Индия, Иран, Турция, Афганистан.

Алексей Владимирович Куприянов в докладе “Бурлящая идентичность: Шиваджи как новый отец индийского флота” указал, что политики Индостана совершали морские экспедиции в отдаленные районы региона еще до появления в индийских водах флотов колониальных держав. Традиционно нынешние ВМС Индии возводят свою историю к Бомбейской флотилии Ост-Индской компании, созданной в 1612 г., в чьи задачи входила помощь британскому флоту в борьбе против каперов других европейских государств. С приходом к власти Нарендры Моди в 2014 г. начался поиск новых героев, и новым отцом-основателем ВМС Индии был объявлен Чатрапати Шиваджи Махарадж (1630–1680) – адмирал и создатель империи Маратхов. Он оказался подходящей кандидатурой как для правящей “Бхаратия джаната парти” (БДП) как индуист, сражавшийся против мусульманской империи Великих Моголов, так и для политических и военных элит страны как проponent ее военно-морской мощи. Частью кампании по прославлению Шиваджи стало возведение ему памятников, на открытии одного из которых в декабре 2023 г. присутствовал премьер-министр. В его речи Шиваджи предстал политиком, деятельность которого была посвящена отстаиванию независимости, национального единства и целостности Индии. Подобная апология Шиваджи позволила БДП символически “присвоить” его историческую фигуру. В новом индийском военно-морском нарративе Шиваджи воспринимается как создатель “прибрежного флота”, а ВМС Индии должны продолжить начатое им дело, создав “флот дальнего плавания” и превратиться в сильнейшие ВМС региона [8].

Глеб Григорьевич Макаревич в докладе “Я буду петь голосами своих детей”: наследие З.А. Бхутто в пакистанской внутренней и внешней политике» выявил особенности формирования пакистанской государственности, позволившие правящим элитам конструировать исламскую идентичность в зависимости от конкретной исторической ситуации. Одной из ее итераций стал “исламский социализм” Зульф리카ра Али Бхутто – комплекс социально-экономических и идеологических программ, ставших реакцией на фактический развал страны после индо-пакистанской войны 1971 г. Заложенные премьер-министром Бхутто установки во внутренней (социальный популизм, исламизация) и внешней (формирование “всепогодного” партнерства с КНР, ориентация на исламский мир, антиимпериалистический и антиколониальный дискурс) сохранили свою актуальность и в последующие десятилетия. Парадокс заключается в том, что фигура самого З.А. Бхутто не используется какими-либо пакистанскими политическими силами, включая созданную им самим Пакистанскую народную партию. Тем не менее новые поколения воспринимают запущенные им инициативы уже в качестве императивов пакистанской политики.

Екатерина Сергеевна Косарева в докладе “Пусть возникнет новая Индия...”: интерпретация наследия Свами Вивекананды при Нарендре Моди» отметила, что индийский философ Свами Вивекананда (1863–1902) почитается как один из наиболее значимых религиозных деятелей как Индийским национальным конгрессом (ИНК), так и правыми силами, в первую очередь – БДП. С.Ч. Бос, Махатма Ганди и Дж. Неру писали о том, что труды Свами помогли им гордиться прошлым своей страны. На нынешнего премьер-министра личность и учение Свами Вивекананды оказали значительное влияние. В речах Н. Моди можно найти много отсылок на идеи философа, он активно использует его цитаты для объяснения и реализации как внутренней, так и внешней политики. Ключевую роль в учении Свами для него играет так называемый духовный национализм – признание Индии мировым гуру. Объявление Международного дня йоги, помощь другим странам во время пандемии COVID-19, девиз ротационного председательства Индии в Группе двадцати “Весь мир – одна семья” (строчка из Махаупанишады, одного из древнеиндийских трактатов

религиозно-философского характера). Национальную образовательную политику 2020 г. также можно рассматривать в рамках продвижения этого нарратива.

Лейла Табрисовна Тураянова в докладе “Идейно-политическое наследие Абдул Гаффар-Хана в Индии, Пакистане и Афганистане” обратилась к наследию Бача-хана, или Абдулы Гаффар-хана (1890–1988), политического и духовного лидера пуштунов, соратника и последователя Мхатмы Ганди. В основе его деятельности лежали два ключевых принципа – ненасилие и пуштунский национализм. Опора на ненасильственное сопротивление британским колонизаторам стала уникальным феноменом для пуштунов, этнокультурными особенностями которых является культ воинского дела, оружия и обычай кровной мести. Представляется, что мировоззрение Бача-хана испытало влияние индуистско-буддийской традиции, а именно принципа ахимсы.

В соседнем Афганистане Бача-хана считают пуштунским национальным героем, хотя его политическая деятельность не была напрямую связана с этой страной. В тоже время для Пакистана Абдул Гаффар-хан является более спорной фигурой, поскольку он выступал против раздела Британской Индии и создания Пакистана, а впоследствии находился в оппозиции пакистанскому правительству. В Пакистане продолжателем идей Бача-хана считает себя крупнейшая националистическая пуштунская партия “Национальная партия Авами”, председателем которой является внук А.Г. Хана – Асфандияр Вали Хан. На идейное наследие Бача-хана опирается “Движение в защиту пуштунов” (Пуштун Тахафуз), которое обвиняет пакистанскую армию во внесудебных расправах и нарушении прав пуштунов. В Индии же на национальном уровне А.Гаффар-хан почитается как герой борьбы за независимость страны и сподвижник Махатмы Ганди.

Завен Артемович Арабаджян в докладе “Мохаммед Али-хан Форуги – один из создателей Ирана эпохи модерн” отметил, что хотя из общественно-политических деятелей Ирана XX в. неспециалисты знают едва несколько имен, иранская историческая палитра гораздо шире. В первой половине минувшего столетия, когда активно шел процесс трансформации страны от традиционности к обществу эпохи модерна, в Иране сформировалась целая плеяда политических, государственных и общественных деятелей, одним из которых был Мохаммед Али-хан Форуги (1875–1943). Он дважды избрался депутатом иранского Меджлиса (парламента), работал в правительстве страны: пять раз был министром иностранных дел, по четыре – министром финансов и военным министром, три раза – министром юстиции, по одному разу – министром экономики и двора и, наконец, четырежды занимал пост премьер-министра.

Государственную деятельность Мохаммед Али-хан Форуги сочетал с научной: делал переводы европейской литературы по политической экономии и философии на фарси. Издавал произведения классиков средневековой персидской поэзии (Саади, Хафез и пр.), сопровождая их комментариями. Написал монографии “История Ирана” и “Развитие европейской философии”. В 1942 г. был избран почетным членом АН СССР [9].

После ввода войск СССР и Великобритании в Иран (август 1941 г.) Форуги сыграл важную роль в сравнительно спокойном переходе власти от старого шаха к его сыну Мохаммеду Реза Пехлеви, оказался последним премьер-министром прежнего шаха и первым премьер-министром нового и много сделал для стабилизации положения в стране, попавшей в сложные обстоятельства [10].

Илья Андреевич Гужев в докладе “Истоки афганской идентичности: секреты устойчивости режима талибов” отметил, что движение “Талибан”*, пришедшее к власти в Афганистане в августе 2021 г., спустя два с половиной года расценивает свой режим как долговременный. Правительство талибов показало относительную устойчивость, как перед лицом внутренних центробежных тенденций, так и перед угрозами террористического характера, исходящими, например, от боевиков ИГ-Хорасан* и другой вооруженной оппозиции. Более того, по прошествии двух лет нахождения талибов у власти можно уверенно говорить о том, что большую часть населения Афганистана так

* Здесь и далее – террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

или иначе талибы у власти устраивают или, по крайней мере, не вызывают желания к сопротивлению, несмотря на бедственное социально-экономическое положение страны. Это можно объяснить тем, что талибы в своей политической практике опираются на наиболее жизнеспособные элементы общеафганской идентичности, которые в своем синтезе стабилизируют положение текущего афганского политического режима. Среди этих элементов наиболее отчетливо можно выделить: религиозную (исламскую) идентичность в особом афганском сельском прочтении, образ защитников страны, сокрушивших не одну мировую империю и традиционный пуштунский шовинизм [11].

Дмитрий Александрович Савин в докладе “Тургут Озал: человек и политик” отметил, что государственный и политический деятель курдского происхождения Тургут Озал (1927–1993) вошел в историю Турецкой Республики как выдающийся реформатор, способствуя выводу страны из хронического экономического кризиса. Итогом его реформ стали революционные изменения и во внутренних делах, и в сфере внешней политики. Экономические преобразования проводились под лозунгом “строить, производить, продавать” с ориентацией на экспорт турецких товаров. Реализация лозунга способствовала появлению нового социального слоя – предпринимателей, занятых в текстильном и кожевенном деле, а также в производстве инженерного оборудования и строительной сфере. Еще одним приоритетным направлением внутренней политики явилось возрождение интереса к исламской религии и культурным традициям страны. Во внешней политике Т. Озала возобладали два вектора – западный и восточный. Западный вектор предполагал интеграцию в Европейское экономическое сообщество, а восточный был направлен на то, чтобы превратить Турцию в регионального лидера. Были налажены взаимоотношения с арабскими и тюркскими странами, с балканскими государствами. Все это повысило значение Турции на внешнеполитической арене [12].

Работа участников второй подсекции “Юго-Восточная Азия: историческая память и политическая реальность” была сфокусирована на исследовании конструирования идентичности в государствах региона.

Екатерина Михайловна Астафьева в докладе “Достопочтенный господин Вампоа – друг адмиралов и крестьян, коммерсант и филантроп, патриот и космополит: история жизни первого вице-консула России в Сингапуре” рассказала о жизненном пути выдающегося общественно-политического деятеля второй половины XIX в., одного из легендарных “пионеров” Сингапура – господина Вампоа (Ху А Кей, 1816–1880), который был успешным коммерсантом и филантропом и служил консулом трех империй – России, Китая и Японии. Под его управлением *Whampoa&Co.* стала монополистом в снабжении продовольствием британских военных кораблей и торговых судов. В течение всей своей жизни он никогда не изменял китайским обычаям и традициям, заботился о своих соплеменниках, всеми силами помогал китайской общине в решении социальных проблем. Вампоа получил широкое признание британского колониального правительства и общественности Сингапура, в частности, был назначен членом Большого жюри, членом Законодательного совета, членом Исполнительного совета, занимал пост почетного мирового судьи, а также множество других почетных должностей. “За значительный вклад в развитие общества” ему было присвоено звание кавалера ордена Святого Михаила и Святого Георгия, британского рыцарского ордена, одной из самых высоких наград Соединенного Королевства [13; 14].

Александр Вячеславович Попов в докладе “Прабово Субьянто – претендент на пост президента Индонезии” указал, что министр обороны Индонезии и лидер партии “Гериндра” Прабово Субьянто – наиболее вероятный победитель президентских выборов 2024 г. Это политический “тяжеловес”, который делает уже третью попытку возглавить Индонезию. Его фигура фактически представляет собой связующее звено между нынешней политической элитой Индонезии, сложившейся в последние два десятилетия, и режимом президента Сухарто, правившим страной в течение 32 лет (официально с 1968 по 1998 г., с 1967 по 1968 г. он временно исполнял обязанности президента страны). Исторически большое значение в карьере Прабово Субьянто сыграло его участие в военной кампании Индонезии на территории Восточного Тимора в 1975 г., что вызвало на Западе резкую критику из-за массовых нарушений прав человека. Когда в 1998 г. в Индонезии разразился

острейший политический кризис на фоне экономических потрясений, связанных с и столкновения с полицией, и начал закулисные переговоры азиатским финансовым кризисом 1997 г., и режим Сухарто зашатался, Прабово попытался разыграть собственную политическую партию, используя массовые беспорядки с вице-президентом Хабиби, после чего был обвинен тестем (президентом Сухарто) в предательстве и, несмотря на последующую отставку Сухарто, был изгнан из армии и в том же 1998 г. фактически уехал в изгнание в Иорданию. Лишь в 2001 г. Прабово Субьянто удалось вернуться в Индонезию и начать самостоятельную политическую карьеру. Кульминацией ее, как полагает А.В. Попов, может стать победа Прабово Субьянто на президентских выборах [15; 16; 17; 18].

Михаил Андреевич Терских в своем исследовании на тему “Национальные герои Вьетнама: подходы СРВ к мифотворчеству” отметил, что возведение государством определенных исторических персонажей в ранг национальных героев – это всегда своеобразное мифотворчество, которое преследует политические цели. В этой связи применительно к сегодняшнему Вьетнаму представляется интересным рассмотреть его национальных героев, тем более, что их круг фактически был официально определен распоряжением Министерства культуры, спорта и туризма в 2013 г. Исходя из списка, в который входят 14 персон, можно сделать ряд выводов. Выбор героев во многом китаецентричен, что в целом отражает значение “северного соседа” в истории вьетнамского государства и его мироощущении в современный период. Большинство героев – военачальники и главы государства (преимущественно вошедшие в историю благодаря сопротивлению китайцам), а не деятели культуры, науки или искусства. При этом их официальные жизнеописания всегда близки к образу идеального человека вне зависимости от реальных действий – здесь прослеживается конфуцианская школа мысли, в которой история всегда позитивна. Примечателен явный недостаток деятелей последних двух столетий (за исключением Хо Ши Мина), что, как представляется, отражает особенности политической культуры Вьетнама – власть, как правило, избегает персонификации. Интересно и то, что из 14 исторических фигур только двое как-то связаны с буддизмом и религией в целом, что может быть следствием взятого в прошлом веке курса на построение социализма.

Елена Сергеевна Бузова представила доклад “Роль личности Хун Сена в обеспечении стабильности и процветания Камбоджи”. Почти 40 лет у власти в Камбодже в статусе премьер-министра находился один из самых опытных лидеров стран – Хун Сен. Из обычных солдат он проделал нелегкий путь на вершину камбоджийского олимпа власти. Под руководством Хун Сена страна обрела политическую стабильность. За десятилетия после окончания гражданского конфликта Камбоджа добилась ускорения темпов экономического роста, заметно превышающих среднемировые показатели, существенного увеличения объемов ВВП и его душевых показателей, а также вошла в число самых быстрорастущих экономик мира и лидеров борьбы с бедностью. Экономические успехи стали основой легитимации столь длительного пребывания Хун Сена в премьерском кресле. Хун Сен виртуозно овладел техникой конструирования собственной харизмы, переняв во многом политические технологии и манеру публичного поведения, широко практиковавшиеся самым харизматичным лидером Камбоджи XX в. – королем и главой государства Камбоджа Нородомом Сиануком. В последние годы наблюдается развитие культа личности Хун Сена – открываются больницы и школы, строятся мосты, закладываются скверы имени Хун Сена. Происходит героизация его образа как спасителя страны от режима красных кхмеров, политика, который сумел превратить страну, некогда известную своими “полями смерти”, местами массовых захоронений жертв режима, в страну, ныне именуемую “остров мира” [19, с. 46].

Григорий Николаевич Кучеренко в докладе «Нородом Сианук как символ “золотой эпохи” истории Камбоджи» подчеркнул, что политический феномен Нородом Сианука (1922–2012) – неотъемлемая часть новейшей истории Камбоджи. В свое время король Франции Людовик XIV заявил: “Государство – это я”. Сианук мог бы сказать то же самое и с куда большим основанием, ничуть при этом не покривив душой. В течение своей долгой жизни Сианук примерил множество ролей, от юного принца до талантливого актера, и от политического узника до непререкаемого авторитета целого народа. Он стал тем,

кто принес Камбодже независимость и несмотря на множество ошибок, совершенных им во время правления, и рядовые граждане, и элита воспринимают его как одного из величайших лидеров Камбоджи. В разгар холодной войны Сианук принял твердое решение придерживаться нейтралитета во внешней политике, называя его главным условием сохранения независимости Камбоджи. Он лавировал между социалистическим и западным блоками с переменным успехом, стараясь извлечь из этого выгоды для своей страны. Сам Сианук утверждал, что географическое положение и политическая логика вынуждают Камбоджу не принимать участие в “ведущейся во всем мире борьбе между демократией и коммунизмом”. Какое-то время Камбоджа оставалась мирным оазисом в регионе, объятom пламенем Второй Индокитайской войны, а ее лидер не боялся открыто осуждать американскую политику в Юго-Восточной Азии, одновременно стараясь держать Китай и США на почтительном расстоянии [20]. Для многих представителей старшего поколения этот период относительного покоя, так мифологизированный в восприятии современных кхмеров, обретает оттенок “золотого века”, в ходе которого они могли наслаждаться миром и благополучием [21].

Иван Алексеевич Зайцев в докладе «Значение “эпохи феодализма” и ее выдающихся правителей в социалистической идеологии Бирмы 1962–1988 гг. как одной из основ бирманского национализма» проанализировал националистическую интерпретацию истории Бирмы (Мьянмы), в рамках которой вооруженные силы признаются единственной силой, способной обеспечить единство и территориальную целостность страны. В такой идеологической парадигме, армия позиционирует себя как наследницу трех правителей – объединителей страны: Аноратхи, Байинауна и Алуанминтайи, которые считаются основателями трех великих держав – Паган, Таунгу и Конбаун. Идея о существовании в истории страны великих держав, созданных бирманскими царями, появилась в 30-е годы прошлого столетия в работах бирманского историка Ба Тана. С тех пор этот идеологический концепт претерпел ряд изменений. Были проанализированы модификации указанной идеи в период пребывания у власти генерала Не Вина (1962–1988). Центральной проблемой можно считать попытку наслоения философии материализма на события доколониальной истории в исторической литературе того времени, что вызывает логические несоответствия с ключевыми идеологическими документами.

Павел Сергеевич Шатерников посвятил свой доклад “Роль действующего президента Восточного Тимора Жозе Рамуш-Орты в национально-освободительном движении и становлении независимости Восточного Тимора” исследованию значимого вклада Жозе Рамуш Орты в борьбу за независимость Восточного Тимора. Отмечено, что он принадлежит к легендарному “поколению 75 года” – так называют тех, кто боролся с индонезийским господством с первого дня. Будучи министром иностранных дел несуществующего де-факто государства, он, не имея заработка, живя на пожертвования неравнодушных, призывал обратить внимание на проблемы маленького, но гордого народа. В 1996 г. труды Рамуш-Орты были отмечены Нобелевской премией мира, а в 1999 г. его страна добилась независимости, в которой он наконец стал министром иностранных дел не только де-юре. В настоящее время Рамуш-Орта – президент Восточного Тимора и единственный человек, который дважды занимал этот пост за 22-летнюю историю страны.

АФРИКАНСКИЕ ГЕРОИ ИСТОРИИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Вторая секция конференции “**Африканские герои истории: идентичность и политика памяти**” (руководитель И.Л. Прохоренко, модератор А.А. Ломова) была посвящена особенностям реализации политики памяти в африканских странах и сочетанию идентичностей прошлого и необходимостью поиска этими государствами своего места в мире.

Татьяна Михайловна Гавристова посвятила доклад «Имя “Нигерия”: парадоксы памяти поколений (1914–2024)» актуализации взаимосвязей между персональной историей и проблемами исторической и культурной памяти на примере Нигерии. Автор

анализирует “золотую сотню Нигерии” – список, анонсированный в 2014 г. к столетию с момента создания британского протектората Нигерия [22]. В ходе последующих лет он пополнился новыми именами. В их числе политические деятели, писатели, художники, влияние которых на процесс формирования национальной идентичности наиболее значителен. Т.М. Гавристова подробно рассказала о системе образования в Нигерии как важном элементе-проводнике политике памяти и упомянула высокую степень стремления к консолидации интеллектуалов этого государства, которые активно работают во многих странах Африки [23].

Татьяна Сергеевна Денисова в докладе “Герои и антигерои в нигерийской постколониальной истории” продемонстрировала восприятие нигерийцами “героев” и “антигероев” истории их страны [24]. Было отмечено, в частности, что нигерийцы предпочитают считать “героями” представителей своих этнических групп и обвинять в различных грехах руководителей – выходцев из других народов, населяющих государство. В свою очередь, первые руководители постколониальной Нигерии больше беспокоились о собственных привилегиях и сохранении власти, нежели о решении проблем, вставших перед страной после обретения ею в 1960 г. независимости. Участники конференции с сожалением констатировали тесную связь африканских политических элит прошлого с криминальными группами и назвали это одним из факторов, препятствующих развитию государств континента [25].

Андрей Александрович Токарев в докладе “Африканский политик Амилькар Кабрал – почетный доктор Института Африки” рассмотрел историческую роль одного из наиболее видных африканских деятелей, 100-летие которого отмечается в сентябре 2024 г. Амилькар Кабрал (1924–1973) – один из выдающихся руководителей антиколониальной борьбы в Африке, основатель Африканской партии независимости Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде (ПАИГК), panaфриканист, поэт, интеллектуал. Результатом деятельности, проводимой А. Кабралом и его соратниками, включая вооруженную борьбу, стало провозглашение в одностороннем порядке независимости Гвинеи-Бисау 24 сентября 1973 г. после принятия Генеральной Ассамблеей ООН в 1972 г. резолюции, объявившей ПАИГК единственным законным представителем народов Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде. Эта независимость была признана более 90 странами мира, среди которых был и СССР. А.А. Токарев подчеркнул высокую оценку деятельности А. Кабрала в СССР и современной России: за большую научную и общественную деятельность Институт Африки АН СССР присвоил в 1971 г. А. Кабралу звание почетного доктора, его именем названа одна из площадей в Москве [26].

Юрий Сергеевич Скубко в докладе “Легенда южноафриканской и мировой медицины кардиохирург Кристиан Барнард” осветил биографию и научную карьеру выдающегося южноафриканца, осуществившего первую в мире пересадку человеческого сердца в 1967 г. Подробно рассмотрев биографию К. Барнарда, докладчик отметил передовой характер стандартов медицины в ЮАР того времени. Он подчеркнул, что после не слишком успешных для экономического и научно-технического развития тридцати пост-апартеидных лет в ЮАР, только сейчас мы можем оценить масштабы “южноафриканского чуда” XX столетия. Переход от апартеида к демократии в 1994 г. открыл возможности превращения ЮАР в локомотив развития континента. Однако отмена международных санкций и ликвидация расовой сегрегации не привели к подъему и социально-экономическому прогрессу, а сопровождалась дискриминацией белого населения и переходом к реализации навязанной западными странами неоколониальной модели развития в экономике, что повлекло деиндустриализацию и переход в периферийность. Как ни парадоксально, в условиях колониализма особого типа у Южной Африки было больше стимулов для суверенного развития. Теперь же разрабатывать собственные технологии стало коммерчески нерентабельно, и страна, создававшая ядерные технологии и собственные вакцины, смогла в эпоху эпидемии COVID-19 лишь “пакетировать” импортный препарат [27].

Надежда Евгеньевна Хохолькова посвятила доклад «Джулиус Ньерере: “провидец”, “Учитель”, “отец танзанийской нации”» персональной истории первого президента Танзании Джулиуса Камбараре Ньерере, раскрывающейся в названных

образах. Были проанализированы предложенные Дж. Ньерере концепция “уджамаа” (коллективизма) и принцип опоры на собственные силы (“куджитегемеа”), а также рассмотрена проблема конструирования танзанийской нации. В контексте обсуждения проблематики идентичности было отмечено, что этот лидер максимально приблизился к успеху в деле формирования национальной идентичности в своем государстве. Исследователь отметила важность понятия “сильной личности” вместо “герой” для идентичности африканских стран. По мнению Н.Е. Хохольковой, Танзания представляет собой пример одного из самых гармонично развивающихся национальных обществ в Африке, что сказывается на переосмыслении понятия национальной идентичности этого государства и все большем восприятием населением своей идентичности через идентичность государства, а не этноса [28].

Елена Сергеевна Нестерова в докладе “Хендрик Витбой – легендарная роль неординарной личности в истории Намибии” рассмотрела историю восстания в 1904 г. против германской колониальной администрации, организованного вождем племени нама. По мнению исследователя, сегодня наблюдается антагонизм официальной правительственной линии, направленной на предание забвению факта геноцида и исключения его из политики памяти Намибии.

Эдуард Георгиев Цветков в докладе “Позитивный нейтраллизм во внешней политике Кваме Нкрумы и Ахмеда Секу Туре в 1950-1960-е гг.” рассмотрел направления реализации политики так называемого позитивного нейтраллизма в первых независимых странах Африки – Гане и Гвинее. Трактовка “позитивного нейтраллизма” лидерами этих стран Кваме Нкрумой и Ахмедом Секу Туре была несколько шире общепринятой точки зрения. “Позитивный нейтраллизм” трактовался не только как принцип в международных отношениях (неприсоединение к блокам), но и как стратегия осуществления политики во внутриафриканских делах и во внутренней политике [29].

Ибрагим Эминович Ибрагимов в докладе “Насеризм в XXI веке: реинтерпретация политической идентичности Египта через наследие Гамалы Абдель Насера” отметил, что насеризм как идеология остается актуальным и важным в общественно-политической сфере, сохраняя свою релевантность на протяжении времени. Оценка насеризма может зависеть от различных точек зрения и подходов. В настоящее время феномен идеологии Насера проявляется как гибкая концепция, принимающая различные характеристики, зависящая от воздействия и использования его образа разными слоями общества. Режим президента ас-Сиси стремится получить легитимность, используя образ Насера лишь в качестве средства для достижения своих политических целей, пытаясь создать поддержку среди общества на основе ностальгии. Возрождение насеризма ограничивается политической сферой, не затрагивая экономические аспекты, и представителей нынешнего режима трудно назвать последователями идеологии Насера [30].

Доклад “Альберт Мишаке Муйонго: сепаратист, дипломат, лози”, который представил **Антон Игоревич Купалов-Ярополк**, был посвящен намибийскому деятелю, боровшемуся за независимость региона Каприви на севере Намибии. Особое внимание было уделено причинам отказа от переговоров с правительством Сэма Нуйомы в независимой Намибии 1990-х годов и началу вооруженного сопротивления. В современном контексте исследователь отметил изолированный характер жизни этнической группы лози и влияние этого факта на идентичность (превалирование ее этнического характера).

Завершая работу африканской секции, **Сергей Георгиевич Кармаев** в докладе «Парадоксы развития: понятие “герой” и его исчезновение в африканских обществах» обозначил проблемы определения понятия “герой” в современных обществах, поскольку восприятие этого термина сегодня остается довольно размытым, а иногда и вовсе противоречивым, а также отметил постоянное явление переоценки исторических личностей в ряде африканских стран. Также был рассмотрен вопрос о том, возможно ли появление в будущем героев в странах Африки при нынешних путях развития и не грозит ли им постепенное исчезновение из общественного сознания.

НОВЫЕ РАКУРСЫ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Секция **“Новые ракурсы политики идентичности и ее современные интерпретации”** (руководитель И.Л. Прохоренко, модератор С.Г. Карамаев) была посвящена процессу конструирования и трансформации идентичности очень разных государств – на примере США, Кубы, Болгарии, КНР и Тайваня, в том числе через переосмысление понятия “герой” и поиск его нового содержания.

Дмитрий Николаевич Воробьев в докладе “Влияние воукизма на переосмысление современного образа героя в США” отметил, что приверженцами воукизма (от *woke culture* – “культура проснувшихся”) выступают люди, относящиеся к так называемому современному прогрессивному движению в США, которое в последние годы эволюционирует идеологически из леволиберального в сугубо левое, представляя собой смесь различных социалистических, леволибертарианских и даже анархических идей. Идеиная концепция воукизма строится на фундаменте критической расовой теории, антиколониализма, феминизма третьей и четвертой волны, квир-теории, а также экологического фундаментализма. Общество делится в глазах сторонников воукизма на два лагеря – угнетателей и угнетаемых, что влияет и на восприятие воукистами истории. В их понимании американская государственность основана не на демократических заветах отцов-основателей, а на систематическом неравенстве и угнетении, вследствие чего белое население дискриминировало различные меньшинства, в первую очередь расово-этнические, тем самым упрочняя свое привилегированное положение. Таким образом, с точки зрения воукистов необходимо провести пересмотр концептов восприятия американской истории, что подразумевает фактическое применение “культуры отмены” к ряду исторических фигур. В ходе массовых протестов и беспорядков лета 2020 г. сторонники *BLM* (общественного движения против расизма *Black Lives Matter* – “Жизни черных имеют значение”) и прочих леворадикальных движений подвергли актам вандализма десятки памятников и монументов различным историческим деятелям. Несмотря на то, что эти фигуры американского прошлого отметились рядом важнейших достижений общенационального масштаба, воукисты, не взирая на контекст былых исторических эпох, оценивают героев прошлого с точки зрения современных представлений о добре и зле.

Антон Сергеевич Панов и **Надежда Игоревна Гребнева** в докладе “Александр Гамильтон и конструирование образа современного американского героя” рассмотрели стратегии и способы конструирования образа современного героя в США. Ключевым в своем исследовании они назвали осмысление того, как соотносятся “запрос” общества и “переизобретение” исторической личности. Проводится параллель между коллективными фобиями современного американского общества и аспектами личности, необходимыми новому герою. Примером этого героя в докладе выступает Александр Гамильтон (1755/1757–1804), один из отцов-основателей и первый министр финансов (государственный казначей) США, чья популярность продолжает расти в США в последние годы. В то время как американская революция продолжает жить в памяти американцев, современным гражданам США по многим причинам все же очень сложно идентифицировать себя с ее героями. Д.Н. Воробьев, А.С. Панов и Н.И. Гребнева отметили остроту кризиса идентичности США, обратив внимание в том числе на изменение расового состава населения Соединенных Штатов: белые американцы сегодня практически не являются большинством в Америке и через 15 лет превратятся в меньшинство.

Александра Завеновна Арабаджян в докладе “Фигура Эрнесто Че Гевары в контексте современных реформ на Кубе” отметила, что Э. Гевара был не только активным партизаном, но и после победы революции участвовал в развитии социалистической системы Кубы, в том числе системы планирования. Изучая марксистско-ленинскую теорию, он пришел к выводу о том, что рыночные механизмы входили в противоречие с плановой системой. Поэтому в период, когда Э. Гевара занимал пост министра промышленности, он предложил систему бюджетного финансирования, отрицавшую применимость закона стоимости на этапе социалистического строительства [31]. Э. Гевара стал знаковой

фигурой для кубинцев. Его экономические работы оказались наиболее востребованными во второй половине 1980-х годов, когда Куба наблюдала за перестройкой в СССР и центробежными тенденциями в странах социалистического лагеря. Вышедшая в 1987 г. книга кубинского ученого Карлоса Таблады об экономических идеях Че Гевары была отмечена Фиделем Кастро как крайне важная и актуальная на тот момент, поскольку Куба пыталась сохранить плановый характер экономики и не увеличивать влияние рыночных механизмов, в то время как многие социалистические страны делали обратное. Однако сегодня радикальная марксистская политэкономия Э. Гевары противоречит структурным реформам, которые осуществляются на Кубе после VI съезда КПК. Суть этой программы состоит в том, чтобы интегрировать рынок в плановую систему Кубы, что Че Гевара считал недопустимым.

Николай Алексеевич Подчасов в докладе “Бойко Борисов как лицо своего времени” отметил, что в период с 2021 по 2023 г. Болгария переживала период внутривнутриполитической турбулентности, что влияло на устойчивость правительства. Некоторые исследователи увидели причины этих противоречий в кризисе национальной идентичности. Вступление в Европейский союз не решило для болгар вопрос о собственном месте в мире, а лишь заострило его, подчеркнув разницу в уровнях социально-экономического развития страны и ее новых союзников. Политический раскол начала 2020-х годов отражал отсутствие консенсуса в болгарском обществе относительно выбора дальнейшего пути развития [32].

Символом одного из возможных вариантов стала фигура Бойко Борисова. В начале 2000-х годов, когда Болгария впервые столкнулась с таким явлением, как популизм, Борисов как нельзя лучше вписался в характерный тренд на “переключение внимания с программы на ее автора и протагониста”. Статная внешность, генеральский мундир, умение общаться со СМИ способствовали росту популярности и влияния этого политика. К 2024 г. созданная Борисовым партия одержала многочисленные победы на выборах разного уровня. Доминирование Борисова на политической сцене Болгарии в течение последних 10 лет спровоцировало недовольство той части населения, которая ориентировалась на модернизацию страны по западноевропейскому образцу. Эти противоречия вызвали упоминавшийся выше политический кризис в стране 2021–2023 гг. Его итогом стали фактическое признание оппозицией невозможности обеспечить стабильное управление республикой без участия партии Борисова и составление коалиционного правительства при посредничестве ЕС.

Анна Валерьевна Волошина в докладе “Образ Чан Кайши в современном Тайване” отметила, что Чан Кайши (1875–1975) является одной из самых важных и в тоже время наиболее противоречивых фигур китайской истории XX в. В исторической памяти тайваньцев, с одной стороны, он остался выдающимся революционером и политическим деятелем, отцом тайваньского экономического чуда. С другой – годы правления Чан Кайши на острове были отмечены жестким авторитарным режимом и массовыми нарушениями прав человека, среди которых так называемый Инцидент 228 (антиправительственные выступления на Тайване, начавшиеся 28 февраля 1947 г., в результате подавления которых погибло, по некоторым оценкам, от 18 до 28 тыс. человек) и репрессии времен “белого террора”, продолжавшиеся до отмены военного положения на Тайване в 1987 г. Самой активной и значимой силой на острове, призвавшей “посмотреть в лицо истории” и переосмыслить фигуру Чан Кайши, стала Демократическая прогрессивная партия (ДПП). Задача искоренения наследия бывшего лидера постепенно встала в центр ее политической повестки, при этом кампания по деконструкции образа Чан Кайши активно использовалась партией для борьбы с Гоминьданом и для продвижения ею своих усилий по “декитаизации” и созданию самостоятельной, автономной тайваньской идентичности. Бурная деятельность по искоренению наследия Чан Кайши зачастую имела обратный эффект для ДПП, вызывая общественный резонанс и даже усиливая интерес к фигуре бывшего лидера острова, мобилизуя противодействие этой политике со стороны Гоминьдана и его базы, стремившихся подчеркнуть позитивный вклад Чан Кайши в развитие Тайваня. Из этого следует, что тайваньское общество все еще далеко от достижения консенсуса по поводу оценки роли Чан Кайши в истории острова [33].

Анастасия Александровна Ломова в докладе “Чжан Пэнчунь и его наследие” проанализировала некоторые аспекты жизни, творчества и работы выдающегося деятеля Китая, драматурга, театрального режиссера и дипломата, через призму влияния внешней среды на формирование его личности. Особенно заметную роль Чжан Пэнчунь (1892–1957) сыграл в разработке проекта Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ). Наиболее важно привнесение им в текст документа конфуцианских принципов и идей, работа над статьями документа о религиозной свободе и доступе к образованию. Было отмечено, что переосмысление международного наследия ВДПЧ в политико-правовой традиции в китайском контексте тесно связано с поиском КНР своей новой политико-правовой идентичности.

В заключение **И.Л. Прохоренко** отметила высокий интерес участников конференции к тематике идентичности, поблагодарила их за активную работу и выразила надежду на дальнейшее развитие идентитарных исследований в России и ИМЭМО, в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023. 512 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves Mir, 2023, 512 p. (In Russ.)]
2. Семененко И.С., отв. ред., Лапкин В.В., В.И. Пантин В.И., ред. *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века*. Москва, Весь Мир, 2020. 384 с. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I., eds. *The State in Political Science: Transformations in a Twenty-First Century Social Context*. Moscow, Ves Mir, 2020, 384 p. (In Russ.)]
3. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopaedia*. Moscow, Ves Mir, 2017, 992 p. (In Russ.)]
4. Семененко И.С., Прохоренко И.Л., Давыдов А.А. Картирование этнополитической конфликтности: прогностический потенциал и методологические ограничения. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 4, сс. 13-25. [Semenenko I.S., Prokhorenko I.L., Davydov A.A. Mapping Ethnopolitical Conflict: Prognostic Potential and Methodological Limitations. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2023, no. 4, pp. 13-25. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afij-2023-4-13-25
5. Прохоренко И.Л. (составление). Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 4, сс. 67-84. [Prokhorenko I.L. (review). Identity in the Time of World Order Transformation: Discourses and Narratives. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2023, no. 4, pp. 67-84. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afij-2023-4-67-84
6. Назукина М.В. Персонализаторы идентичности. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023, сс. 288-297. [Nazukina M.V. Identity Personifiers. Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves Mir, 2023, pp. 288-297. (In Russ.)]
7. Русия Н.Т. Персоналистские образы в политике идентичности на локальном уровне. *Южно-российский журнал социальных наук*, 2022, т. 23, № 1, сс. 81-95. [Rusiya N.T. Personalist Images in Identity Politics at The Local Level. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 81-95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-81-95>
8. Куприянов А.В. Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии. *Международная аналитика*, 2023, т. 14, № 2, сс. 35-48. [Kupriyanov A.V. Postcolonial History in the Service of Anticolonial Politics: Critical Historiography and National Myth in Contemporary India. *Journal of International Analytics*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 35-48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-35-48>
9. Арабаджян А.З. *От Реза-хана до Реза-шаха: истоки иранской модернизации 1921–1925 гг.* Москва, ФГБУН ИВ РАН, 2022. 290 с. [Arabadzhyan Z.A. *From Reza Khan to Reza Shah: the Origins of Iranian Modernization 1921–1925*. Moscow, FGBUN IV RAS, 2022. 290 p. (In Russ.)]
10. Арабаджян А.З. *Иранская модернизация 1926–1941 гг.* Москва, Институт востоковедения РАН, 2022. 254 с. [Arabadzhyan Z.A. *Iranian Modernization 1926–1941*. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2022. 254 p. (In Russ.)]
11. Гужев И. Афгано-пакистанские отношения: проблемы и вызовы XXI в. *Мировая экономика и международные отношения*, 2024, т. 68, № 2, сс. 73-83. [Guzhev I. Afghan-Pakistan Relations: Problems and Challenges in XXI Century. *World Economy and International Relations*, 2024, vol. 68, no. 2, pp. 73-83. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-73-83
12. Савин Д.А. Тургут Озал: человек и политик (по материалам вашингтонских чтений памяти Т. Озала). *Вестник Поморского университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”*, 2008, № 14, сс. 110-115. [Savin D.A. Turgut Ozal: Man and Politician (Based on Materials from the Washington Readings in Memory of T. Ozal). *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya ‘Gumanitarnye i sotsial’nye nauki’*, 2008, no. 14, pp. 110-115. (In Russ.)]
13. Астафьева Е.М. Достопочтенный господин Вампоа – друг адмиралов и крестьян, коммерсант и филантроп, патриот и космополит. *Многоликая элита Востока*. Т. 5. Москва, Институт востоковедения РАН, 2023, сс. 12-80. [Astafieva E.M. The Honorable Mr. Whampoа is a Friend of Admirals and Peasants, a Businessman and Philanthropist, a Patriot and a Cosmopolitan. *The Many Faces of the Elite of the East*. Vol. 5. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2023, pp. 12-80.

(In Russ.)]

14. Астафьева Е.М., Кочеткова Е.В. *Национальный вопрос в Малайзии и Сингапуре*. Москва, Институт востоковедения РАН, 2023. 108 с. [Astafieva E.M., Kochetkova E.V. *The National Question in Malaysia and Singapore*. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2023. 108 p. (In Russ.)]
15. Попов А.В. Прабово Субьянто – претендент на пост президента Индонезии (Часть 1). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2023, т. 2, № 2, сс. 90-104. [Popov A.V. Prabowo Subianto is a Contender for the Post of President of Indonesia (Part 1). *Southeast Asia: Current Problems of Development*, 2023, vol. 2, no. 2, pp. 90-104. (In Russ.)] DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-090-104
16. Попов А.В. Прабово Субьянто – претендент на пост президента Индонезии (Часть 2). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2023, № 3(59), сс. 96-111. [Popov A.V. Prabowo Subianto is a Contender for the Post of President of Indonesia (Part 2). *Southeast Asia: Current Problems of Development*, 2023, no. 3(59), pp. 96-111. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-096-111
17. Попов А.В. Прабово Субьянто – претендент на пост президента Индонезии (Часть 3). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2023, № 4(60), сс. 78-90. [Popov A.V. Prabowo Subianto is a Contender for the Post of President of Indonesia (Part 3). *Southeast Asia: Current Problems of Development*, 2023, no. 4 (60), pp. 78-90. (In Russ.)] DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-078-090
18. Попов А.В. Прабово Субьянто – претендент на пост президента Индонезии (Часть 4). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2023, т. 5, № 4(61), сс. 102-116. [Popov A.V. Prabowo Subianto is a Contender for the Post of President of Indonesia (Part 4). *Southeast Asia: Current Problems of Development*, 2023, vol. 5, no. 4(61), pp. 102-116. (In Russ.)] DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-102-116
19. Бурова Е.С. Особенности экономической трансформации Камбоджи: достижения и провалы. *Азия и Африка сегодня*, 2023, № 9, сс. 45-52. [Burova E.S. Features of Cambodia's Economic Transformation: Achievements and Failures. *Asia and Africa Today*, 2023, no. 9, pp. 45-52. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S032150750025673-2
20. Кучеренко Г.Н. Особенности культурного взаимодействия Камбоджи и КНР в контексте политики "мягкой силы". *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2020, т. 1, № 1(46), сс. 370-378. [Kucherenko G.N. Features of Cultural Interaction Between Cambodia and China in the Context of 'Soft Power' Policy. *South-East Asia: Current Problems of Development*, 2020, vol. 1, no. 1(46), pp. 370-378. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-370-378>
21. Кучеренко Г.Н. Фактор Тайваня в камбоджийско-китайских отношениях. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2021, т. 2, № 2(51), сс. 220-231. [Kucherenko G.N. The Taiwan Factor in Cambodian-China Relations. *South-East Asia: Current Problems of Development*, 2021, vol. 2, no. 2(51), pp. 220-231. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-220-231>
22. Гавристова Т.М. Нигерия – страна историй. *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*, 2021, т. 15, № 2(56), сс. 152-163. [Gavristova T.M. Nigeria as a Country of Stories. *Bulletin of Yaroslavl P.G. Demidov State University, Series Humanities*, 2021, vol. 15, no. 2(56), pp. 152-163. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.18255/1996-5648-2021-2-152-163>
23. Гавристова Т.М. Бучи Эмечета: "Быть – значит быть знаменитой". *Азия и Африка сегодня*, 2015, № 1, сс. 71-74. [Gavristova T.M. Buchi Emecheta: "To Be Is to Be Famous". *Asia and Africa Today*, 2015, no. 1, pp. 71-74. (In Russ.)]
24. Денисова Т.С. *Тропическая Африка: эволюция политического лидерства*. Москва, Институт Африки РАН, 2016. 596 с. [Denisova T.S. *Tropical Africa: the Evolution of Political Leadership*. Moscow, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 2016. 596 p. (In Russ.)]
25. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Тропическая Африка: политическое лидерство в постколониальный период. *Вопросы истории*, 2022, № 61, сс. 122-132. [Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Tropical Africa Political Leadership in the Post-Colonial Period. *History Problems*, 2022, no. 61, pp. 122-132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202206Statyi15>
26. Агуштинью Нето: *Биографический очерк*. Москва, Институт Африки РАН, 2001. 256 с. [Agostinho Neto: *Biographical Sketch*. Moscow, Institute of Africa RAS, 2001. 256 p. (In Russ.)]
27. Скубко Ю.С., Сидоров В.А. ЮАР через четверть века после ликвидации апартеида. *Азия и Африка сегодня*, 2019, № 11, сс. 61-63. [Skubko Yu.S., Sidorov V.A. South Africa: Quarter of a Century After the Apartheid. *Asia and Africa Today*, 2019, no. 11, pp. 61-63. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S032150750007025-9
28. Хохолькова Н.Е. Наследие Джулиуса Ньерере в контексте panaфриканизма и афроцентризма. "Каждый гражданин – неотъемлемая часть нации". *К 100-летию со дня рождения основоположника независимой Танзании Джулиуса Камбараре Ньерере. Сборник статей*. Москва, Институт Африки РАН, 2022, сс. 61-70. [Khokholkova N.E. The Legacy of Julius Nyerere in the Context of Pan-Africanism and Afrocentrism. 'Every Citizen is an Integral Part of the Nation'. *To the 100th Anniversary of the Birth of the Founder of Independent Tanzania, Julius Kambarage Nyerere. Digest of Articles*. Moscow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 61-70. (In Russ.)]
29. Цветков Э.Г. Африка в контексте холодной войны (образ иного). Гавристова Т.М., ред. *Проблема идентичности: кросс-культурный диалог. Сборник материалов международной научной конференции. 21–22 июня 2012 г. Ярославль, Яросл. гос. университет им. П.Г. Демидова*, 2012, сс. 154-157. [Tsvetkov E.G. Africa in the Context of the Cold War (the Image of the Other). Gavristova T.M., ed. *The Problem of Identity: Cross-Cultural Dialogue. Collection of Materials from the International Scientific Conference. June 21–22, 2012*. Yaroslavl, P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2012, pp. 154-157. (In Russ.)]
30. Ибрагимов И.Э. Роль лидеров в формировании внешнеполитической идентичности в Египте. *Вестник МГИМО-Университета*, 2021, т. 14, № 4, сс. 70-90. [Ibragimov I.E. The Role of Leaders in Formulation of the Foreign Policy Identity in Egypt. *MGI MO Review of International Relations*, 2021, no. 14(4), pp. 70-90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-70-90>

31. Арабаджян А.З. Критика Эрнесто Гевары советских методов социалистического строительства и ее возможное применение к современной Кубе. *Вопросы политической экономии*, 2019, № 3, сс. 167-182. [Arabajyan A.Z. Ernesto Guevara's Criticism of the Soviet Methods of Socialist Construction and Its Eventual Application to the Contemporary Cuba. *Problems of Political Economy*, 2019, no. 3, pp. 167-182. (In Russ.)]
32. Подчасов Н.А. *Затянувшаяся трансформация: Болгария в поисках нового пути*. Москва, ИМЭМО РАН, 2023. 156 с. [Podchasov N.A. *Protracted Transformation: Bulgaria in Search of a New Path Forward*. Moscow, IMEMO RAN, 2023. 156 p. (In Russ.)]
33. Волошина А.В. Межбереговые отношения в преддверии президентских выборов на Тайване (2024 г.). *Исторические события в жизни Китая и современность. Вып. VIII. Материалы научной конференции Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН*. Москва, ИКСА РАН, 2023, сс. 175-186. [Voloshina A.V. Cross-Strait Relations Ahead of the Presidential Elections in Taiwan (2024). *Historic Events in the Life of China and Modernity. Iss. VIII. Materials of the Scientific Conference of the Center for Contemporary History of China and Its Relations with Russia, ICSEA RAS*. Moscow, IKSA RAS, 2023, pp. 175-186. (In Russ.)] DOI: 10.48647/ICCA.2023.50.35.015

